

ISSN 2079-1003 2500-2902

URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 4 (55) 2024

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2079-1003, 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 4 (55) 2024

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

ISSN 2079-1003, 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 4 (55) 2024

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

CONTENTS

No 4 (55) 2024

Oxana V. Goncharova. Universals and specifics of emotion expression in the Balkar language (research based on algorithms machine learning).....	7
Pavel V. Grashchenkov, Ekaterina A. Lyutikova. Unmarked case forms in noun phrases and clauses: their distribution and sketches of analysis.....	18
Stiopa Mikhailov. Diagnosing Kazym Khanty unpossessives, or how to tell a synchronically independent marker from its diachronic source.....	31
Elena M. Napolnova. Generational change: lexical semantic aspect (based on the Modern Turkish language)	57
Vladislav Orlov. <i>Wh-in-situ</i> in Tatyshly Udmurt.....	70
Julia V. Sinitsyna, Daria D. Mordashova, Maria Emilia A. Winkler. Polysemy patterns of the equative marker <i>kad'</i> in Tatyshly Udmurt	90
Style sheet	113

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 4 (55) 2024

О. В. Гончарова. Универсалии и специфика выражения эмоций в балкарском языке (исследование на основе алгоритмов машинного обучения)	7
П. В. Гращенков, Е. А. Лютикова. Немаркированные падежи в именной группе и клаузе: дистрибуция и наброски анализа	18
С. К. Михайлов. Диагностики для казымских хантыйских беспосессивов: как отличить синхронно независимый показатель от его диахронического источника	31
Е. М. Напольнова. Смена поколений: лексико-семантический аспект (на материале современного турецкого языка)	57
В. А. Орлов. <i>Wh-in-situ</i> в татышлинском говоре удмуртского языка	70
Ю. В. Сеницына, Д. Д. Мордашова, М. Э. А. Винклер. Полисемия сравнительного маркера <i>kad'</i> в татышлинском говоре удмуртского языка	90
Требования к оформлению статей.....	113

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН, Институт системного программирования РАН)

Ответственный секретарь

Н. А. Кошелюк

(к.ф.н., Институт системного программирования РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН, Гамбургский университет), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., университет Берлина им. Гумбольдта)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Ivannikov Institute for System Programming, Russian Academy of Sciences)

Executive secretary

Natalia Koshelyuk

(Ivannikov Institute for System Programming, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; University of Hamburg), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbееv (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Humboldt University of Berlin), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmas Garipov (M. Aknulla Bashkir State Pedagogical University), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Sleptsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

Универсалии и специфика выражения эмоций в балкарском языке (исследование на основе алгоритмов машинного обучения)

Гончарова Оксана Владимировна, Пятигорский государственный университет; oxanavgoncharova@gmail.com

В статье впервые представлены результаты изучения универсальных и специфических особенностей выражения эмоций в балкарском языке с использованием алгоритмов машинного обучения. В частности, особое внимание уделяется просодическим признакам, поскольку традиционные системы автоматического распознавания эмоций чаще всего основываются на спектральных данных, которые могут быть подвержены влиянию внешних факторов [Mary, Yegnanarayana 2006].

В ходе исследования установлено, что специфика выражения эмоций в балкарском языке связана с более активной ролью частоты основного тона в реализации слоговыделенности и иной динамической организацией фразы по сравнению с русским языком. При распознавании эмоционального состояния по речевому сигналу наилучшие результаты (около 74 % точности) были получены для модели дерева решений, использующей комбинацию просодических и спектральных признаков. Анализ вклада просодических признаков в работу модели показал, что тональные характеристики играют существенную роль, составляя около 30 % от общего вклада признаков.

Ключевые слова: балкарский язык, распознавание эмоций, просодические признаки, экспериментально-фонетическое исследование, машинное обучение

UNIVERSALS AND SPECIFICS OF EMOTION EXPRESSION IN THE BALKAR LANGUAGE (RESEARCH BASED ON ALGORITHMS MACHINE LEARNING)

Oxana V. Goncharova, Pyatigorsk State University; oxanavgoncharova@gmail.com

The paper aims to examine of the universal and specific features of emotion expression in the Balkar language and to provide an efficient and accurate technique for Balkar speech emotion recognition.

Specifically, we present PySound as a tool to transcribe and analyze phonetic data which derives prosody attributes from emotional speech as extra features to improve emotion recognition as conventional automatic emotion recognition systems mostly rely on spectral features which are greatly affected by outer factors.

Regarding the methodology, we gathered statements from representatives of Russian and Balkarian ethnic groups, marked with emotional states of “joy” and neutral versions of the same dialogues. The informants were females aged 25—45 years, who do not live in rural areas, speak the Balkar language and use it in everyday communication. The acoustic analysis was conducted based on the intensity of phonetic syllables and the fundamental frequency (F0), both normalized using Lobanov’s z-score.

The study found that the ‘emotion-specific’ speech features in the Balkar language is associated with a more active role of the fundamental frequency in the syllable prominence and a phrase’s different dynamic organization compared to the Russian language. The experiment results show that combining prosody and MFCC features yields an overall accuracy of 74 % for emotion recognition, which makes improvement compared with using the single prosody or MFCC features. The prosodic features’ contribution analysis to the model’s performance showed that tonal characteristics play a relevant role, accounting for around 30 % of the total feature contribution.

Keywords: Balkar language, speech emotion recognition, prosodic features, experimental phonetic research, machine learning

Введение

В современных исследованиях для распознавания эмоциональных состояний по голосовой информации, как правило, выбираются разнообразные векторы голосовых характеристик, в которых рассчитываются различные статистические показатели. Несмотря на то что эмоциональное содержание произносимых высказываний закодировано в речевом сигнале, точное определение специфических особенностей, способствующих передаче эмоций, остается открытым вопросом. Описательные исследования в психологии и лингвистике главным образом касались некоторых спектральных и просодических характеристик. В частности, было обнаружено, что эмоция «счастье» коррелирует с увеличением средней частоты основного тона, увеличением средней интенсивности голоса и большей вариабельностью частоты основного тона, в то время как эмоция «скука» обычно связана со снижением среднего значения частоты основного тона и увеличением частоты первой форманты (F1) [Kun et al. 2014: 223—227]. Представляется важным отметить, что наиболее часто используемыми спектральными характеристиками для распознавания эмоций являются низкочастотные мел-коэффициенты (MFCC) [Dellaert et al. 1996: 1970—1973; McGilloway et al. 2000: 200—205]. Однако их роль как в описании качественных структур звучащей речи, так и для задачи получения наглядных взвешенных параметров диагностики вариантов неочевидна, т. к. обычно они представляют собой числовые массивы без какой-либо отсылки к значению [Liu et al. 2023], но сложно не согласиться с важностью информации, «что именно в составе звука несет определенную функцию в системе языка» [Трубецкой 2012: 19]. В дополнение к MFCC в качестве характеристик также используются логарифмическая энергия, коэффициенты дельты и ускорения (первая и вторая производные), мел-коэффициенты линейного предсказания (LPC), коэффициенты мощности логарифмической частоты и коэффициенты линейного предсказания восприятия (PLP) [Kwon et al. 2003: 125—128]. Результаты недавних исследований подтверждают, что «просодия может способствовать правильной интерпретации высказываний независимо от лингвистического понимания» [Thompson, Balkwill 2009: 755—791; Paulmann 2016: 1109—1120] и «просодические акустические параметры дают слушателям соответствующие сигналы для общего понимания предполагаемой эмоции и, таким образом, в совокупности способствуют передаче и распознаванию эмоций» [Thompson, Balkwill 2009: 755—791].

Упомянутые методы, несомненно, эффективны в распознавании различных эмоций, однако проблема описания эмоциональных состояний билингвов и носителей малочисленных языков всё еще далека от своего окончательного решения. Несмотря на то что в современной науке активно изучается влияние билингвизма на когнитивные и эмоциональные процессы человека [Фомиченко 1996; Зинченко и др. 2019: 174—194], данные о представителях тюркских народов, в частности балкарцев, остаются недостаточно изученными. Это создает значительный пробел в понимании универсальности и специфики эмоциональных процессов у билингвов различного языкового и культурного происхождения. Более того, предпринятое исследование супraseгментного уровня речи балкарцев-билингвов дополнит существующие исследования балкарского языка, преимущественно фокусирующиеся на сегментном уровне [Щербак 1970; Кучмезов 1974; Тенишев 1984; Созаев 2003]. Балкарцы, являющиеся носителями балкарского и русского языков, могут считаться идеальными информантами для изучения этой проблематики. Кроме того, их эмоциональное восприятие и выражение могут существенно отличаться, что вызывает необходимость разработки специализированных инструментов для их диагностики и анализа.

Методика исследования

В настоящем исследовании использовалась методика экспериментально-фонетического анализа, созданная Пятигорской фонетической школой [Дубовский и др. 2008], при помощи которой предполагалось разработать базовый набор просодических параметров, демонстрирующий наибольшую точность при распознавании эмоционального состояния билингва. Материалом послужил экспериментальный корпус, состоящий из квазиспонтанных высказываний представителей русской и балкарской этногрупп, маркированных эмоциональными состояниями «радость» и нейтральных вариантов реализаций тех же самых высказываний. Информантами выступили дикторы-женщины в возрасте 25—45 лет, проживающие не в сельской местности, владеющие балкарским языком и использующие его в повседневном общении. Для верификации работы модели были добавлены идентичные диалоги в произнесении кабардинцев-билингвов.

После записи материала был проведен аудитивный анализ — лингвисты и наивные носители языка давали оценку естественности звучания записи и определяли, с какой эмоцией была произнесена фраза. Список эмоций аудиторам представлен не был, поэтому в исходном отчете, помимо искомой «радости», встречались и «восхищение», и «счастье», и даже «восторг». В итоге из более чем 15 000 записей для последующего фонетического анализа и обучения модели было выбрано всего по 700 реализаций в каждом языковом варианте.

Анализ проводился с помощью программного обеспечения PySound, разработанного в научно-образовательном центре «Интеллектуальный анализ данных» Пятигорского государственного университета. PySound использует библиотеку Parselmouth, которая предоставляет доступ к функциональности Praat, что дало возможность получить набор из 204 просодических параметров (расчет тональных диапазонов, интервалов и уровневых показателей частоты основного тона, регистров, вычисление коэффициента, позволяющего перевести абсолютные значения частоты в относительные и др.) для дальнейшего анализа и применения при обучении модели распознавания (см. таблицу 1).

Таблица 1. Фрагмент списка признаков параметров, полученных PySound, в русском и балкарском языках

Признаковый параметр	Рус.	Балк.
1. Высотнотональный уровень начала фразы	СПон.	СПов.
2. Высотнотональный уровень завершения фразы	Выс.	СПон.
3. Интервал между первым ударным и ядерным слогами	Уз. отр.	Ср. отр.
4. Интервал между ядерным и заядерным слогами	Расш. отр.	Уз. отр.
5. Объем понижения тона в ядерном слоге	Расш.	Уз.
6. Объем максимального понижения тона	Шир.	Шир.
7. Локализация максимального интервала понижения тона	Перв. уд. — Заяд.	Перв. уд. — Заяд.
8. Объем максимального повышения тона	Расш.	Ср.
9. Локализация максимального интервала повышения тона	Перв. уд.	Перв. уд.
10. Высотное положение тонального максимума	Выс.	Выс.
11. Локализация тонального максимума	Перв. уд.	Перв. уд.
12. Высотное положение тонального минимума	СПон.	СПон.
13. Локализация тонального минимума	Заяд.	Заяд.
14. Тональный регистр	ВШнн	ВШ
15. Тональный диапазон	Шир.	Шир.
16. Скорость частотных изменений в максимальном интервале понижения	Пониж.	Выс.
17. Скорость частотных изменений в максимальном интервале повышения	Ср.	Выс.
18. Скорость частотных изменений в ядерном слоге	Ср.	Выс.
19. Скорость частотных изменений на заядерном участке	Мал.	Повыш.
20. Среднеслоговая длительность	Ср. ув.	Ув.
21. Среднезвуковая длительность	Ср. ув.	Ув.
22. Длительность слононосителя первого ударного	Ув.	Ср.
23. Длительность слононосителя в главноударном	Макс.	Ув.
24. Длительность безударного слононосителя	Кр.	Ув.
25. Длительность ударного слононосителя	Ср. ув.	Ув.
26. Длительность безударного слононосителя в заядерном слоге	Кр.	Ув.
27. Локализация темпорального максимума	Яд. сл.	Отсутств.
28. Соотношение среднезвуковой длительности ядерного и заядерного слогов (степень контраста)	Ярк.	Ср.
29. Соотношение среднезвуковой длительности первого ударного и ударного слогов (степень контраста)	Сл.	Мин.
30. Соотношение среднезвуковой длительности ядерного слога и предшкалы (степень контраста)	Макс.	Мин.
31. Соотношение среднезвуковой длительности ядерного слога и первого ударного (степень контраста)	Сл.	Ср.
32. Соотношение среднезвуковой длительности первого ударного и предударного слогов (степень контраста)	Ярк.	Ср.
33. Соотношение среднезвуковой длительности шкалы и терминальной части (степень контраста)	Ср.	Сл.
34. Соотношение среднезвуковой длительности предшкалы и терминальной части (степень контраста)	Ярк.	Мин.
35. Среднеслоговая интенсивность	Ср. ув.	Ув.
36. Локализация динамического максимума	Уд. сл. шкалы	Перв. уд.

Признаковый параметр	Рус.	Балк.
37. Объем динамического максимума	Макс.	Макс.
38. Интенсивность ядерного слононосителя	Ср.	Ув.
39. Интенсивность заядерного слононосителя	Мал.	Ув.
40. Интенсивность первого ударного	Ув.	Макс.
41. Интенсивность первого безударного	Ср.	Ув.
42. Динамическое соотношение ядерного и заядерного слогов (степень контраста)	Сл.	Мин.
43. Динамическое соотношение динамического максимума и ядерного (степень контраста)	Ср.	Мин.
44. Динамическое соотношение динамического максимума и среднеслоговой интенсивности (степень контраста)	Сл.	Мин.
45. Динамическое соотношение динамического максимума и предшкалы (степень контраста)	Ср.	Мин.

После фонетического анализа данные были объединены в общий датасет с MFCC-признаками, полученными с помощью библиотеки librosa, и случайным образом разделены на обучающий набор, который содержал 70 % от всех высказываний (отметим, что 20 % этого набора использовалось в качестве валидационного для подбора гиперпараметров), и тестовый набор, который включал 30 % высказываний. Необходимая разметка и подготовка тренировочных данных была произведена сотрудниками НОЦ «Интеллектуальный анализ данных» ПГУ. Далее был создан пайплайн моделей, включающий в себя машины опорных векторов, деревья принятия решений и алгоритм k-ближайших соседей, после обучения и оценки эффективности моделей спектральные и просодические характеристики были преобразованы в оценки атрибутов, позволяющие получить предварительный список универсалий «языковой модели эмоций» и «базовых этнокультурных комбинаций признаков», демонстрирующих наивысшую точность.

Фонетическое исследование

Полученные значения просодических параметров позволили провести анализ высказываний, в ходе которого предполагалось выявить типологические и конкретно-языковые черты эмоциональной балкарской речи.

Рассматривая характер акустической манифестации тонального уровня (см. таблицу 1), нами были обнаружены некоторые общие черты эмоциональных реализаций сопоставительно с нейтральными. В обоих языках фразы характеризуются повышением регистра произнесения (высокий широкий в эмоциональных реализациях vs средний в нейтральных)¹. Также отмечается расширение тонального диапазона² (около 10 % в обоих языках), повышение тонального уровня начала фразы и тонального уровня первого ударного слога (примерно на один положительный ранг³ выше в каждом из языков), что часто является маркером интенсивных эмоций [Цеплитис 1974: 125], и увеличение максимального интервала повышения тона (около 10 % в обоих языках) (см. рис. 1).

Наиболее последовательную общую закономерность удалось выявить при анализе степеней тональных контрастов. Несмотря на похожую конфигурацию тона фраз — как в балкарских, так и в русских реализациях, отмечается заметный тональный всплеск на первом ударном слоге. В отличие от балкарского языка, в экспериментальном материале на русском языке не зафиксировано ни одного случая яркой маркированности первого ударного слога тональными показателями — маркированность, как правило,

¹ Частотные регистры реализаций определялись по следующим контрастам: три узких (высокий, средний, низкий — ВУ, СУ, НУ), два широких (высокий, средний — ВШ, СШ) и один полный (П). В каждом регистре обозначены верхняя (в) и нижняя (н) зоны реализации. Регистры типа СШнв следует интерпретировать таким образом: средний широкий регистр, нижняя граница которого реализуется в нижней зоне второго частотного яруса или уровня, а верхняя граница — в верхней зоне третьего частотного яруса или уровня [Дубовский и др. 2008: 40].

² Установлена шкала градаций частотных интервалов: малый (М), узкий (У), суженный (Су), средний (Ср), расширенный (Рш), широкий (Ш), которые имеют следующее процентное выражение: 16,7 %, 33,3 %, 50,0 %, 66,7 %, 83,3 %, 100,0 % соответственно [Дубовский и др. 2008: 41].

³ Шкала частотных уровней включает шесть контрастов: экстранизкий (ЭН), низкий (Н), среднепониженный (СН), среднеповышенный (СВ), высокий (В), экстравысокий (ЭВ). В процентном выражении каждый уровень занимает 16,7 %.

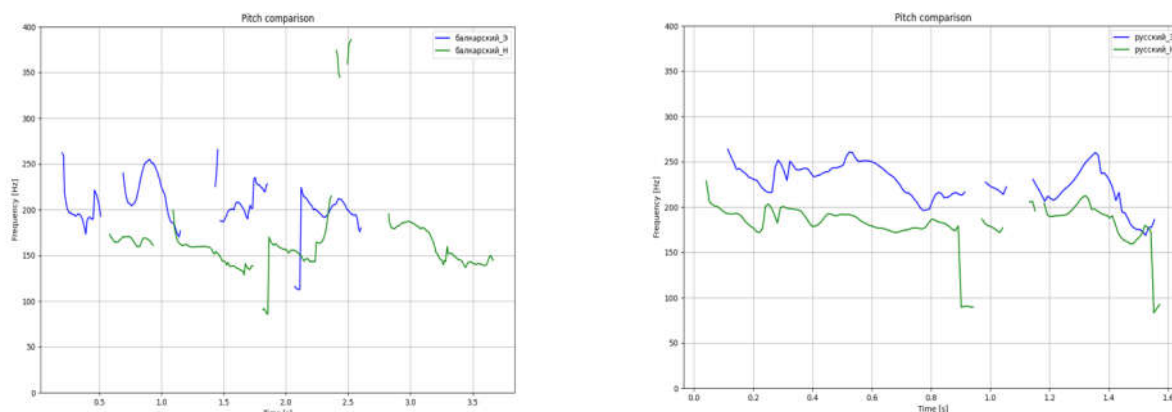

Рис. 1. График изменения частоты основного тона в нейтральных и эмоциональных реализациях в балкарском и русском языках ('Алгъышлайма. Мен бек къуандым!', 'Поздравляю, я так рада!')

не выходит из границ минимальной или слабой степени⁴, в то время как в балкарском языке отмечаются более выраженные тональные контрасты слогов по уровням и, как следствие, резкий характер подъемов и падений тона на всем участке фразы, что проявляется в изрезанности интонационного контура (см. таблицу 2). Ядерный слог в подавляющем большинстве реализаций в обоих языках маркируется или межслоговым, или внутрислоговым интервалом, разница наблюдается в степени контраста — в русском языке начало реализации слога чаще всего (около 82 %) высокое или среднеповышенное, далее следует резкое падение тона до конца фразы. В балкарском языке падение тона более плавное (см. рис. 2) и, как правило, тональный максимум фиксируется в первом ударном слоге.

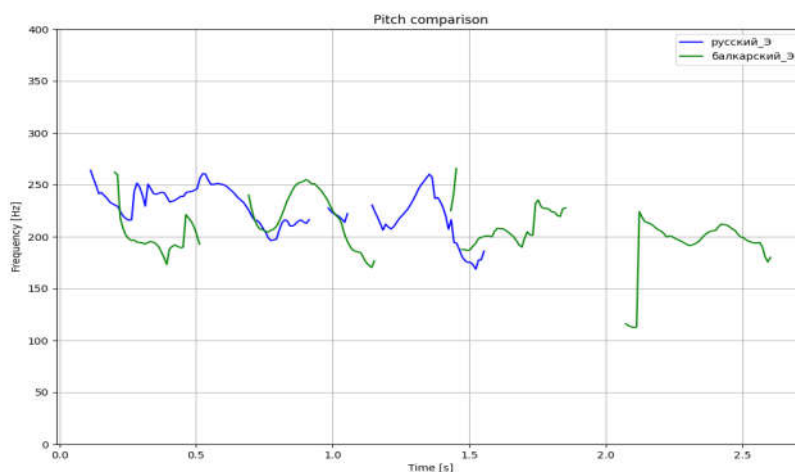

Рис. 2. График изменения частоты основного тона в реализациях с эмоциональным состоянием «радость» в балкарском и русском языках ('Алгъышлайма. Мен бек къуандым!', 'Поздравляю, я так рада!')

Таблица 2. Показатели значений частоты основного тона в русском и балкарском языках

id	регистр	НФ/ПУ	ПУ/КФ	НФ/КФ	int_fall	level stressed	level end	level start	pitch range
bal_e	ВШ	1.0	1.36	1.36	СУ 45	В 68	СН 50	В 70	СУ 33
bal_n	СШвв	1.0	1.4	1.39	СУ 40	СВ 61	СН 43	СВ 61	Уз 25
rus_e	ВШ	1.0	1.0	1.2	СУ 43	СВ 60	СН 49	СН 57	Уз 29
rus_n	СШнн	1.0	1.0	1.1	Мал 12	СН 49	СН 44	СН 50	Уз 18

⁴ Степени контраста оценивались по следующим показателям: 1,1—1,3 — минимальная; 1,4—1,5 — слабая; 1,6—1,9 — средняя; 2—3 — яркая; 3,1—более — максимальная.

Значения некоторых показателей интенсивности в эмоциональной речи в обоих языках демонстрируют однотипность: характерны более высокие значения стандартного отклонения и дисперсии и более высокие средние значения среднеслоговой интенсивности по сравнению с нейтральной речью — отметим, что такие результаты для эмоциональной речи были неоднократно получены ранее на материале различных языков (см. [Зиндер 1979: 273]). Важным представляется факт, что динамический максимум в балкарском языке в подавляющем большинстве высказываний (79,2 %) реализуется в первом ударном слоге, в отличие от русского языка, где динамический максимум в эмоциональных высказываниях смещается с первого ударного слога на ядерный (см. таблицу 3).

Таблица 3. Показатели значений интенсивности в русском и балкарском языках

id	std_dev	disp	Я	ПУ	БУ	mean	БУ/ПУ	ПУ/Я
rus_e	4.822	23.252	СВ 51	СН 47	42	СН 46	1.1	1.1
rus_n	2.784	7.749	Н 33	Н 35	31	Н 33	1.0	1.0
bal_e	3.708	13.751	СН 44	СВ 61	47	СН 47	1.3	1.4
bal_n	1.964	3.854	Н 28	Н 30	27	Н 29	1.1	1.1

В балкарском языке различия между эмоциональными и неэмоциональными фразами в динамическом отношении менее существенны, чем в русском. Русские эмоциональные и неэмоциональные фразы динамически отличаются довольно сильно, и отмечается большая вариативность в эмоционально окрашенных реализациях (см. рис. 3). Характер взаимодействия первого ударного слога и пограничного с ним безударного, а также ядерного слога демонстрирует большую степень контраста (ср. минимальная степень контраста в русском языке vs слабая или тяготеющая к средней в балкарском).

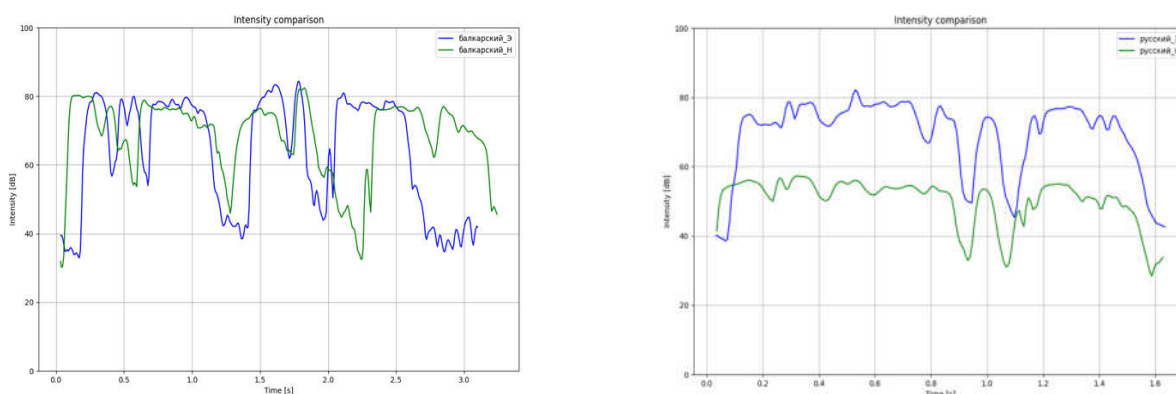

Рис. 3. График изменения интенсивности в нейтральных и эмоциональных реализациях в балкарском и русском языках ('Алгышлайма. Мен бек кьуандым!', 'Поздравляю, я так рада!')

В результате анализа распределения контрастов показателей обеих языковых реализаций выявлено, что в балкарском языке в начале фразы более выражены тональные, а в конце фразы динамические контрасты (1.1—1.2—1.1—1.2—1.2), в русском языке чаще наблюдается противоположная картина (1.1—1.1—1.2—1.0—1.0). Корни данного явления, очевидно, — в характере русской редуции [Виноградов 1971: 19] и тенденции к угасанию интенсивности к концу фразы [Светозарова 1982: 67], в отличие от принципиально иного вокализма с характерным отсутствием редуции безударных гласных *a, o, e* [Дубовский и др. 2008: 497] и реализации ударения в балкарском языке [Созаев 2003: 11].

Таким образом, в качестве конкретно-языковых маркеров эмоционального состояния «радость» в балкарском языке нами были отмечены: резкий характер крутизны подъема и падений тона на всем участке фразы, что проявляется в изрезанности интонационного контура; высокая степень компактности проминантных слогов благодаря относительно равнозначно повышенной громкости слогов; резкое повышение тона на первом ударном слоге в сочетании с увеличенной громкостью начальных безударных и ударных слогов (сопоставительно с русским вариантом); повышенная напряженность слогов на начальном участке фразы (по динамическим и тональным показателям). Универсальными показателями являются: использование высокого тонального регистра; повышение динамических соотношений первого ударного и предшествующего безударного и первого ударного и ядерного слогов; увеличение интервалов повышения/понижения тона в ударных и ядерном слогах.

Разработка и анализ эффективности модели машинного обучения

После фонетического анализа полученные просодические признаки были объединены в общий датасет с MFCC-признаками для последующего обучения моделей. Первый этап обучения заключался в использовании мультязычного датасета (русский, кабардинский и балкарский языки), который содержал фразы в бинарной разметке: эмоциональные/неэмоциональные. Целью этапа было обучить пайплайн моделей распознавать эмоциональные особенности речи на основе широкого спектра лингвистических данных. На втором этапе происходило дообучение лучшей модели исключительно на корпусе балкарского языка. Этап был направлен на уточнение и адаптацию модели к специфике балкарского языка, что позволило повысить точность распознавания эмоций в узкоспециализированном контексте.

Для оценки эффективности и обеспечения согласованности с предыдущими исследованиями результаты классификации были представлены с использованием показателей, приведенных в работе [Schuller et al. 2009]. Нами были использованы стандартные метрики точности (precision) и полноты (recall), применимые к задаче классификации, когда разметка содержит два класса: не радость / радость.

Precision (a) показывает долю объектов, отнесенных классификатором к положительным и действительно являющимися положительными, recall (b) — какую долю объектов положительного класса из всех объектов положительного класса нашел алгоритм:

$$(a) P = \frac{TP}{TP+FP}$$

$$(b) R = \frac{TP}{TP+FN},$$

где P и R обозначают precision и recall соответственно, TP (true positive) — количество истинно положительных результатов классификации, FP (false positive) и FN (false negative) — количество ложноположительных и ложноотрицательных результатов классификации соответственно.

Необходимо сделать оговорку: учитывая, что настоящее исследование носит предварительный характер и предполагает дальнейшее расширение и дополнение как данных, так и признакового пространства, использование этих базовых метрик позволяет установить начальные ориентиры производительности модели без внедрения сложных метрик, которые могут потребовать более глубокого анализа и интерпретации. Такие метрики, как F1-мера или ROC-AUC, хотя и информативны, и, как правило, традиционны для подобных исследований [Lech et al. 2020; Raja, Sanghani 2024], могут быть не столь значимы на начальных этапах, когда основная задача — проверить саму возможность подобной классификации и выявить основные тенденции. В условиях ограниченного объема данных и предварительного характера анализа простота расчета полноты и точности делает эти метрики предпочтительными и обеспечивает возможность легкой модификации и адаптации модели в процессе дополнения данных.

В результате обучения и анализа моделей выяснено, что максимальные метрики классификации получены для комбинации просодических и спектральных признаков при работе алгоритма дерева решений — около 74 % точности. Подбор гиперпараметров модели осуществлялся с использованием Grid Search — методики, при которой создается сетка из всех возможных комбинаций гиперпараметров, а затем оценивается производительность модели для каждой комбинации. В итоге лучшей оказалась модель с использованием следующих гиперпараметров: criterion='friedman_mse': критерий качества разделения узлов дерева, являющийся модификацией стандартной среднеквадратичной ошибки, предназначенный для применения в алгоритмах градиентного бустинга; max_depth=19: максимальная глубина дерева; min_impurity_decrease=0.1: минимальное уменьшение неопределенности, параметр, задающий порог уменьшения неопределенности, который необходим для того, чтобы произошло разделение узла. 0.1 означает, что любое потенциальное разделение должно привести как минимум к 10 %-му уменьшению неопределенности в узле, что способствует предотвращению излишне детализированных разделений и снижает риск переобучения; min_samples_leaf=4: минимальное количество объектов в листе; min_samples_split=15: минимальное количество объектов для разделения; random_state=42: случайное начальное состояние, т. е. каждый раз при запуске модели с данным начальным состоянием результаты будут стабильно повторяться (см. таблицу 4).

После завершения этапа обучения модели был осуществлен анализ вклада отдельных признаков в процесс принятия решений моделью. Для этого была применена библиотека SHAP (SHapley Additive exPlanations), которая основывается на концепции значений Шепли — методе из теории кооперативных игр, позволяющем оценить вклад каждого игрока в общий выигрыш.

Таблица 4. Метрики качества, полученные при обучении (выборка значений по лучшим итерациям)

Оценка Признак Модель	Precision			Recall		
	p	s	c	p	s	c
LogReg	0.58	0.63	0.63	0.54	0.52	0.59
KNN	0.54	0.44	0.54	0.59	0.63	0.57
SVM	0.55	0.67	0.77	0.51	0.63	0.55
DTR	0.66	0.69	0.73	0.69	0.71	0.74

Используя команду `shap.TreeExplainer(model).shap_values(X)`, где `model` — это обученная модель, а `X` — набор данных, были получены SHAP-значения для каждого признака в нашем датасете. Эти значения представляют собой меру влияния каждого признака на изменение прогнозируемого результата от базового значения модели.

Для визуализации и более детального анализа полученных результатов были использованы SHAP summary plots. Эти графики позволили не только увидеть распределение вкладов каждого признака по всему набору данных, но и выявить набор значимых признаков, оказывающих наибольшее влияние на прогнозы модели.

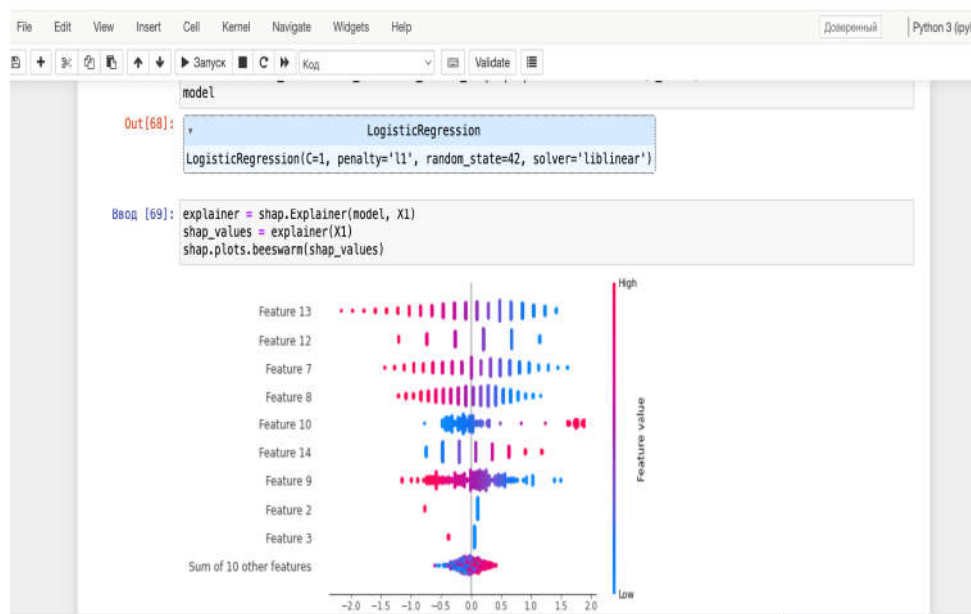

Рис. 4. Пример графика SHAP-values, визуализирующего роль признаков в эффективности работы модели

В результате были установлены наиболее важные признаки и их вклад в распознавание:

- регистр произнесения (5.51 %);
- интервалы изменения тона и скорость изменения интервалов (5.42 %);
- значения тональных контрастов между слогами (4.86 %);
- тональный диапазон (4.82 %);
- тональный уровень начала фразы и первого ударного слога (4.54 % — сумма значений двух признаков);
- значения динамических контрастов между слогами (3.86 %);
- средние значения интенсивности (3.75 %);
- значения стандартного отклонения и дисперсии интенсивности (3.21 %) и др.

Заключение

Анализ тональных и динамических уровней эмоциональных фраз в балкарском языке позволил выявить их универсальные и специфические характеристики. На данном этапе представляется, что специфика выражения эмоций в балкарском языке главным образом связана со способом реализации сло-

выделенности, которая достигается более активной ролью частоты основного тона сопоставительно с русским языком, а также принципиально иной динамической организацией фразы. Однако исследование едва ли можно считать завершённым без анализа темпорального уровня, артикуляции и формантных значений звуков, запланировав которое, мы надеемся в дальнейшем существенно дополнить и объяснить полученные в ходе настоящего исследования результаты.

В процессе обучения моделей в качестве лучшего классификатора была выбрана модель решающих деревьев, анализ которой показал, что основной вклад в распознавание эмоций в балкарской речи вносят тональные характеристики с показателем около 30 % от общего вклада просодических признаков, у динамических характеристик — около 10 % вклада, у кепстральных признаков — оставшиеся 60 %.

Сокращения

БУ — безударный слог (слева от первого ударного)	DTR — Decision tree regressor
ВШ — высокий широкий регистр	id — идентификационное значение фразы
КФ — тональный уровень завершения фразы	int_fall — интервал понижения тона
Мал. — малый	KNN — K-Nearest Neighbors
Н — низкий	level_end — тональный уровень конца фразы
НФ — тональный уровень начала фразы	level_start — тональный уровень начала фразы
ПУ — первый ударный слог	level_stressed — тональный уровень первого ударного слога
СВ — средний повышенный	LogReg — Logistic Regression
СН — средний пониженный	mean — среднее арифметическое значение показателя
СУ — суженный	MFCC — Mel-frequency cepstral coefficients (мел-кепстральные коэффициенты)
СШвв — средний широкий регистр с обеими границами в высокой зоне	p. — prosodic
СШнн — средний широкий регистр с обеими границами в низкой зоне	pitch_range — величина тонального диапазона
Уз. — узкий	rus_e — фраза на русском языке с эмоциональным состоянием «радость»
Я — ядерный слог	rus_n — нейтральная фраза на русском языке
bal_e — фраза на балкарском языке с эмоциональным состоянием «радость»	s. spectral
bal_n — нейтральная фраза на балкарском языке	SHAP — SHapley Additive exPlanations
c. — combination	std_dev — стандартное отклонение
disp — дисперсия	SVM — support vector machine

Литература

- Виноградов 1971 — В. А. Виноградов. Консонантизм и вокализм русского языка: Практическая фонология. М.: Изд-во Московского университета, 1971.
- Дубовский и др. 2008 — Ю. А. Дубовский, О. В. Воробьева, О. В. Гончарова, Е. О. Мартынова, А. Е. Садовая, Л. Ф. Шишимер. Русская просодия на Северном Кавказе: Монография: В 2 т. / Под общ. ред. Ю. А. Дубовского. Т. 1. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2008.
- Зиндер 1979 — Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. М.: Высшая школа, 1979.
- Зинченко и др. 2019 — Ю. П. Зинченко, Л. А. Шайгерова, А. Г. Долгих, О. А. Савельева. Методологические проблемы исследования влияния двуязычия на когнитивные процессы и этнокультурную идентичность // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 2019, 1. С. 174—194.
- Кучмезов 1974 — С. Т. Кучмезов. Фонетическая интерференция в русской речи балкарцев как результат взаимодействия родного и русского языков. Дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 1974.
- Мартынова 2006 — Е. О. Мартынова. Просодия русского восклицания в условиях Карачаево-Балкарской интерференции: Экспериментально-фонетическое исследование на материале реплик с модальностью восхищения. Дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2006.
- Светозарова 1982 — Н. Д. Светозарова. Интонационная система русского языка. Л.: ЛГУ, 1982.
- Созаев 2003 — А. Б. Созаев. Проблемы сопоставительного исследования фонетических систем русского и карачаево-балкарских языков. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2003.
- Тенишев 1984 — Э. Р. Тенишев (отв. ред.). Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика. М.: Наука, 1984.

- Трубецкой 2012 — *Н. С. Трубецкой*. Основы фонологии. М.: URSS, 2012.
- Фомиченко 1996 — *Л. Г. Фомиченко*. Когнитивная модель просодических интерферируемых систем. Волгоград: ВГУ, 1996.
- Цеплитис 1974 — *Л. К. Цеплитис*. Анализ речевой интонации. Рига: Зинатне, 1974.
- Щербак 1970 — *А. М. Щербак*. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.: Наука, 1970.
- Dellaert et al. 1996 — *F. Dellaert, T. Polzin, A. Waibel*. Recognizing emotion in speech. Proceeding of Fourth International Conference on Spoken Language Processing (Philadelphia, USA). 1996. P. 1970—1973.
- Kun et al. 2014 — *H. Kun, Yu. Dong, I. Tashev*. Speech emotion recognition using deep neural network and extreme learning machine // Proceedings of the Annual Conference of the International Speech Communication Association. International Speech Communication Association (Singapore), 2014. P. 223—227.
- Kwon et al. 2003 — *O. W. Kwon, K. Chan, J. Hao, T. Lee*. Emotion recognition by speech signals // Proceeding of 8th European Conference on Speech Communication and Technology (Geneva, Switzerland). 2003. P. 125—128.
- Lech et al. 2020 — *M. Lech, M. Stolar, Ch. Best, R. Bolia*. Real-Time Speech Emotion Recognition Using a Pre-trained Image Classification Network: Effects of Bandwidth Reduction and Companding. *Frontiers in Computer Science*. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/computer-science/articles/10.3389/fcomp.2020.00014/full>, 2020.
- Liu et al. 2023 — *L. Liu, L. Wei, Sh. Morris, M. Zhuang*. Knowledge-Based Features for Speech Analysis and Classification: Pronunciation Diagnoses // *Electronics* 12. 2023, 9. P. 2055—2060.
- Mary, Yegnanarayana 2006 — *L. Mary, B. Yegnanarayana*. Prosodic features for speaker verification. URL: https://www.isca-speech.org/archive/interspeech_2006/mary06_interspeech.html, 2006.
- McGilloway et al. 2000 — *S. McGilloway, S. Cowie, E. Douglas-Cowie, S. Gielen, M. Westerdijk, S. Stroeve*. Approaching automatic recognition of emotion from voice: a rough benchmark // ISCA Workshop on Speech and Emotion (Newcastle, UK), 2000. P. 200—205.
- Paulmann 2006 — *S. Paulmann*. The neurocognition of prosody // *G. Hickok, S. Small* (eds.). *Neurobiology of language*. San Diego: Elsevier, 2006. P. 1109—1120.
- Raja, Sanghani 2024 — *P. Raja, P. Sanghani*. Speech Emotion Recognition Using Machine Learning. *Educational Administration Theory and Practices*. URL: <https://kuey.net/index.php/kuey/article/view/5333>, 2024.
- Schuller et al. 2009 — *B. Schuller, S. Steidl, A. Batliner*. The interspeech 2009 emotion challenge // Proceedings INTERSPEECH 2009, 10th Annual Conference of the International Speech Communication Association (Brighton, UK). 2009. P. 312—315.
- Thompson, Balkwill 2009 — *W. F. Thompson, L. L. Balkwill*. Cross-cultural similarities and differences // *P. N. Juslin, J. A. Sloboda* (eds.). *Handbook of music and emotion: theory, research, applications*. 1st ed. New York: Oxford University Press, 2009. P. 755—791.

References

- Ceplitis 1974 — *L. K. Ceplitis*. Analiz rechevoj intonacii. Riga: Zinatne, 1974. {*L. K. Tseplitis*. Analysis of speech intonation. Riga: Zinatne, 1974.}
- Dellaert et al. 1996 — *F. Dellaert, T. Polzin, A. Waibel*. Recognizing emotion in speech. Proceeding of Fourth International Conference on Spoken Language Processing (Philadelphia, USA). 1996. P. 1970—1973.
- Dubovskij i dr. 2008 — *Yu. A. Dubovskij, O. V. Vorob'eva, O. V. Goncharova, E. O. Mart'yanova, A. E. Sadovaya, L. F. Shishimer*. Russkaya prosodiya na Severnom Kavkaze: Monografiya: V 2 t. / Pod obshch. red. Yu. A. Dubovskogo. T. 1. Pyatigorsk: Izd-vo PGLU, 2008. {*Yu. A. Dubovsky, O. V. Vorobyova, O. V. Goncharova, E. O. Martyanova, A. E. Sadovaya, L. F. Shishimer*. Russian prosody in the North Caucasus: Monograph: In 2 vol. / Under the general editorship of Yu. A. Dubovsky. Vol. 1. Pyatigorsk: Izdatel'stvo PGLU, 2008.}
- Fomichenko 1996 — *L. G. Fomichenko*. Kognitivnaya model' prosodicheskikh interferiruemykh sistem. Volgograd: VGU, 1996. {*L. G. Fomichenko*. Cognitive model of prosodic interfering systems. Volgograd: VSU, 1996.}
- Kuchmezov 1974 — *S. T. Kuchmezov*. Foneticheskaya interferenciya v russkoj rechi balkarcev kak rezul'tat vzaimodejstviya rodnogo i russkogo yazykov. Dis. ... kand. filol. nauk. Rostov n/D., 1974. {*S. T. Kuchmezov*. Phonetic interference in the Russian speech of Balkars as a result of interaction of the native and Russian languages. PhD thesis. Rostov-on-Don, 1974.}
- Kun et al. 2014 — *H. Kun, Yu. Dong, I. Tashev*. Speech emotion recognition using deep neural network and extreme learning machine. In: Proceedings of the Annual Conference of the International Speech Communication Association. International Speech Communication Association (Singapore), 2014. P. 223—227.
- Kwon et al. 2003 — *O. W. Kwon, K. Chan, J. Hao, T. Lee*. Emotion recognition by speech signals. In: Proceeding of 8th European Conference on Speech Communication and Technology (Geneva, Switzerland). 2003. P. 125—128.

- Lech et al. 2020 — M. Lech, M. Stolar, Ch. Best, R. Bolia. Real-Time Speech Emotion Recognition Using a Pre-trained Image Classification Network: Effects of Bandwidth Reduction and Comanding. In: *Frontiers in Computer Science*. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/computer-science/articles/10.3389/fcomp.2020.00014/full>, 2020.
- Liu et al. 2023 — L. Liu, L. Wei, Sh. Morris, M. Zhuang. Knowledge-Based Features for Speech Analysis and Classification: Pronunciation Diagnoses. In: *Electronics* 12. 2023, 9. P. 2055—2060.
- Mart'yanova 2006 — E. O. Mart'yanova. Prosodiya russkogo vosklicaniya v usloviyah Karachaevo-Balkarskoj interferencii: Eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale replik s modal'nost'yu vosklishcheniya. Dis. ... kand. filol. nauk. Pyatigorsk, 2006. {E. O. Martyanova. Prosody of Russian exclamation in the conditions of Karachay-Balkarian interference: Experimental-phonetic study on the material of remarks with the modality of admiration. PhD thesis. Pyatigorsk, 2006.}
- Mary, Yegnanarayana 2006 — L. Mary, B. Yegnanarayana. Prosodic features for speaker verification. URL: https://www.isca-speech.org/archive/interspeech_2006/mary06_interspeech.html, 2006.
- McGilloway et al. 2000 — S. McGilloway, S. Cowie, E. Douglas-Cowie, S. Gielen, M. Westerdijk, S. Stroeve. Approaching automatic recognition of emotion from voice: a rough benchmark. In: *ISCA Workshop on Speech and Emotion (Newcastle, UK)*, 2000. P. 200—205.
- Paulmann 2006 — S. Paulmann. The neurocognition of prosody. In: G. Hickok, S. Small (eds.). *Neurobiology of language*. San Diego: Elsevier, 2006. P. 1109—1120.
- Raja, Sanghani 2024 — P. Raja, P. Sanghani. Speech Emotion Recognition Using Machine Learning. In: *Educational Administration Theory and Practices*. URL: <https://kuey.net/index.php/kuey/article/view/5333>, 2024.
- Schuller et al. 2009 — B. Schuller, S. Steidl, A. Batliner. The interspeech 2009 emotion challenge. In: *Proceedings INTERSPEECH 2009, 10th Annual Conference of the International Speech Communication Association (Brighton, UK)*. 2009. P. 312—315.
- Shcherbak 1970 — A. M. Shcherbak. *Sravnitel'naya fonetika tyurkskih yazykov*. Leningrad: Nauka, 1970. {A. M. Shcherbak. Comparative phonetics of Turkic languages. Leningrad: Nauka, 1970.}
- Sozaev 2003 — A. B. Sozaev. Problemy sopostavitel'nogo issledovaniya foneticheskikh sistem russkogo i karachaevo-balkarskih yazykov. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Nal'chik, 2003. {A. B. Sozaev. Problems of comparative study of phonetic systems of Russian and Karachay-Balkar languages. PhD abstract. Nalchik, 2003.}
- Svetozarova 1982 — N. D. Svetozarova. *Intonacionnaya sistema russkogo yazyka*. Leningrad: LGU, 1982. {N. D. Svetozarova. Intonation system of the Russian language. Leningrad: Leningrad State University, 1982.}
- Tenishchev 1984 — E. R. Tenishchev (otv. red.). *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov: Fonetika*. Moskva: Nauka, 1984. {E. R. Tenishchev (ed.-in-chief). Comparative-historical grammar of the Turkic languages: Phonetics. Moscow: Nauka, 1984.}
- Thompson, Balkwill 2009 — W. F. Thompson, L. L. Balkwill. Cross-cultural similarities and differences. In: P. N. Juslin, J. A. Sloboda (eds.). *Handbook of music and emotion: theory, research, applications*. 1st ed. New York: Oxford University Press, 2009. P. 755—791.
- Trubeckoj 2012 — N. S. Trubeckoj. *Osnovy fonologii*. Moskva: URSS, 2012. {N. S. Trubetskoy. Fundamentals of Phonology. Moscow: URSS, 2012.}
- Vinogradov 1971 — V. A. Vinogradov. *Konsonantizm i vokalizm russkogo yazyka: Prakticheskaya fonologiya*. Moskva: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1971. {V. A. Vinogradov. Consonantism and vocalism of the Russian language: Practical Phonology. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1971.}
- Zinchenko i dr. 2019 — Yu. P. Zinchenko, L. A. Shajgerova, A. G. Dolgih, O. A. Savel'eva. Metodologicheskie problemy issledovaniya vliyaniya dvuyazychiya na kognitivnye processy i etnokul'turnuyu identichnost'. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14: Psihologiya*. 2019, 1. S. 174—194. {Yu. P. Zinchenko, L. A. Shaigerova, A. G. Dolgikh, O. A. Savelyeva. Methodological problems of studying the influence of bilingualism on cognitive processes and ethnocultural identity. In: *Bulletin of Moscow University. Series 14: Psychology*. 2019, 1. P. 174—194.}
- Zinder 1979 — L. R. Zinder. *Obshchaya fonetika*. Moskva: Vysshaya shkola, 1979. {L. R. Zinder. General Phonetics. Moscow: Vysshaya shkola, 1979.}

Немаркированные падежи в именной группе и клаузе: дистрибуция и наброски анализа

Гращенко Павел Валерьевич, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Институт востоковедения РАН (Москва); pavel_gra@gmail.com
Лютикова Екатерина Анатольевна, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Институт языкознания РАН (Москва); lyutikova2008@gmail.com

В работе сравниваются немаркированные падежи в тюркских языках (алтайские) и в нивхском (палеоазиатские). Позиция субъекта, прямого объекта и посессора в тюркских и в нивхском допускает отсутствие морфологического падежа. В статье рассматриваются условия, при которых в языках этих двух семей падеж может быть не выраженным. Как показано в процессе анализа материала обсуждаемых языков, сходство немаркированных именных групп в позициях структурных падежей оказывается лишь поверхностным. Такие именные группы демонстрируют различные свойства в тюркских языках сравнительно с нивхским как с точки зрения количества структуры в именной проекции, так и с точки зрения их позиции во внешнем синтаксическом контексте. На основании представленных языковых фактов предлагается просpekt анализа беспадежных именных групп в рамках современных формальных теорий падежа.

Ключевые слова: тюркские языки, нивхский язык, субъект, объект, посессор, теория падежа

UNMARKED CASE FORMS IN NOUN PHRASES AND CLAUSES: THEIR DISTRIBUTION AND SKETCHES OF ANALYSIS

Pavel V. Grashchenkov, Lomonosov Moscow State University, Institute of Oriental Studies, RAS (Moscow); pavel_gra@gmail.com
Ekaterina A. Lyutikova, Lomonosov Moscow State University, Institute of Linguistics, RAS (Moscow); lyutikova2008@gmail.com

The paper presents a comparative analysis of unmarked case forms in Turkic languages (Altaic) and Nivkh (Paleoasiatic). In both Turkic and Nivkh, the positions of subjects, direct objects, and possessors allow for the absence of morphological case marking. The study investigates the conditions under which case marking may or must be omitted in these languages. An examination of the linguistic data reveals that the structural similarities among unmarked noun phrases are largely superficial. These phrases exhibit distinct characteristics in Turkic as opposed to Nivkh, particularly concerning the extent of nominal functional structure and their placement within the broader syntactic context.

In Turkic languages, there is a strong correlation between the amount of structure present in noun phrases and the morphological marking they receive. Certain types of nominal modifiers require only marked forms of objects/possessors. Furthermore, morphologically case-marked noun phrases can take wide scope, whereas unmarked ones cannot. Conversely, none of these effects are observed in Nivkh.

Based on these findings, the paper provides a preliminary analysis of the unmarked noun phrases within the framework of contemporary formal case theories. For Turkic, we propose a standard minimalist case assignment mechanism, wherein case values are obtained through agreement with functional heads. Meanwhile, the structural case in Nivkh can be better analyzed using Marantz's configurational approach.

Keywords: Turkic, Nivkh, subject, object, possessor, case theory

1. Введение

Морфологически немаркированные падежные формы часто встречаются в падежных парадигмах языков, что рассматривается как проявление функционального принципа экономии [Кибрик 1979], в особенности в тех случаях, когда падеж выражается общим для всей именной группы показателем, как, например, в уральских, алтайских или дагестанских языках. Так, в (1a—b) показаны формы немаркированного номинатива и маркированного датива в татарском языке: мы видим, что падежный показатель в (1b) оформляет всю именную группу целиком, располагаясь на линейно последнем ее элементе — вершине.

(1) татарский

- a. [матч-ка кил-гән һәр яшь кеше]
матч-DAT приходит-PART каждый молодой человек
'каждый пришедший на матч молодой человек'
- b. [матч-ка кил-гән һәр яшь кеше]-гә
матч-DAT приходит-PART каждый молодой человек-DAT
'каждому пришедшему на матч молодому человеку' [Туган тел]

Для немаркированных падежным показателем именных групп возникает возможность альтернативных трактовок: либо это падежная форма с нулевым падежным показателем (2a), либо это беспадежная форма (2b):

(2) a. анализ немаркированной формы как падежной¹

NOM: кеше-∅
GEN: кеше-нең
DAT: кеше-гә
...

b. анализ немаркированной формы как беспадежной

NO CASE: кеше
GEN: кеше-нең
DAT: кеше-гә
...

В этой статье мы ставим своей целью рассмотреть функции немаркированных падежных форм в сопоставительном аспекте. Мы предполагаем показать, что предпочтительность анализа немаркированных форм как нулевых или беспадежных является межъязыковым или внутриязыковым параметром и может быть определена на основании дистрибуции немаркированных падежных форм и их синтаксических свойств.

Дальнейшее изложение построено следующим образом. В разделе 2 мы обсудим немаркированные падежные формы в тюркских языках (в основном на материале татарского, с привлечением данных якутского языка) и покажем, что немаркированные формы в одних контекстах соответствуют падежной форме номинатива, а в других контекстах — беспадежной форме именной составляющей. В разделе 3 мы обратимся к материалу нивхского языка, который использует немаркированные падежные формы для выражения тех же синтаксических ролей, что и тюркские языки (а именно, синтаксических ролей подлежащего, именного дополнения и посессора), однако они могут получать единообразную трактовку как беспадежные формы. В разделе 4 мы обсудим следствия полученных обобщений для синтаксических теорий падежа.

2. Немаркированные падежные формы в алтайских языках

Немаркированные падежные формы в алтайских языках демонстрируют достаточно широкую дистрибуцию. Помимо контекстов, не подразумевающих синтаксического управления (обращения, названия), немаркированные формы возможны в следующих синтаксических конфигурациях:

- финитное подлежащее²;
- прямое дополнение;

¹ Все примеры без указания на источник собраны авторами в ходе опроса носителей.

² Оформление подлежащих нефинитных клауз в алтайских языках неединообразно и зависит как от формы сказуемого (номинализация, конверб, причастие), так и от функции нефинитной клаузы (актантная или сирконстантная). Далее в этой статье мы фокусируемся на финитном подлежащем и его лицензировании, оставляя немаркированные подлежащие нефинитных клауз для дальнейших исследований.

- зависимое в первой и второй изафетных конструкциях (ИК1 и ИК2);
- зависимое послелогога;
- именное сказуемое;
- именной компонент сложного предиката.

В (3) приводятся соответствующие примеры из татарского языка из корпуса [Туган Тел]; см. также об употреблении формы основного падежа — *баи килеш* — в [Закиев (ред.) 1992; 1993].

(3) а. финитное подлежащее

Актырнак, Әбүзәр абзый-ның ярат-кан ау эт-е, шул томан эч-ен-ә
 Актырнак Абузар дядя-GEN любить-PART охота собака-3 этот туман внутри-3-DAT
кер-еп югал-а да тагын кил-еп чыг-а.
 входить-CVB исчезать-IPFV EMPH опять приходить-CVB выходить-IPFV

‘**Актырнак, любимая собака дяди Абузара, исчезает в тумане и, сделав невидимый круг, возвращается обратно**’.

б. прямое дополнение

Гун-нар хан-ы Атилла-ны салкын су гына эч-ә, ди-ләр.
 гунн-PL хан-3 Атилла-ACC холодный вода только пить-IPFV говорить-IPFV-PL

‘**Вождь гуннов Атилла, говорят, пьет только холодную воду**’.

с. зависимое в ИК1

Ул чаг-ын-да Теннис академия-се урын-ын-да кечкенә агач койма һәм сарай тор-а и-де.
 тот время-3-LOC теннис академия-3 место-3-LOC маленький дерево забор и сарай стоять-IPFV AUX-PST

‘Тогда на месте Академии тенниса стояли маленький **деревянный** забор и сарай’.

д. зависимое в ИК2

Казан-да укыту татар тел-ен-дә ал-ып бар-ыл-а
 Казань-LOC обучение татарин язык-3-LOC брать-CVB идти-PASS-IPFV

тор-ган бала-лар бакча-сы ач-ыл-ды.
 стоять-PART ребенок-PL сад-3 открывать-PASS-PST

‘В Казани открылся новый **детский** сад с обучением на татарском языке’.

е. зависимое послелогога

Россия Федерация-се һәм Татарстан Республика-сы тараф-ын-нан
 Россия федерация-3 и Татарстан республика-3 сторона-3-ABL

зур ярдам күр-сәт-ел-гән.
 большой помощь видеть-CAUS-PASS-PART

‘**Весомая поддержка была оказана со стороны Российской Федерации и Республики Татарстан**’.

ф. именное сказуемое

Бу а-ның ярат-кан спорт төр-е.

это он-GEN любить-PART спорт вид-3

‘**Это его любимый вид спорта**’.

г. именной компонент сложного предиката

Илдар Халиков а-ңа телевизор бүләк ит-те.

Ильдар Халиков он-DAT телевизор подарок делать-PST

‘Ильдар Халиков **подарил** ему телевизор’.

На основании ограничений на внутреннюю структуру немаркированных форм и их синтаксических свойств выделяются следующие классы употреблений:

- инкорпорированные существительные (зависимое в ИК1, именной компонент сложного предиката);
- именные группы малой структуры (зависимое в ИК2, немаркированное прямое дополнение);
- именные группы полной структуры (финитные подлежащие, именные сказуемые).

В этой статье мы сосредоточимся на употреблении немаркированных именных составляющих в составе расширенных проекций глагола и существительного: в позициях посессора, прямого дополнения и подлежащего³.

³ Мы отвлекаемся от именных сказуемых и зависимых послелогога, а также от инкорпорированных существительных в ИК1 и сложных предикатах. О немаркированной форме в послеложных группах см. [Lyutikova 2017; 2023; Лютикова, Герасимова 2019], об инкорпорированных существительных — [Lyutikova, Pereltsvaig 2015].

Немаркированные именные группы малой структуры обнаруживаются в позиции прямого дополнения и зависимого в ИК2. Рассмотрим их по очереди.

Немаркированные прямые дополнения в тюркских языках обладают целым рядом свойств, отличающих их, с одной стороны, от маркированных прямых дополнений и других падежных форм именных групп и, с другой стороны, от инкорпорированных существительных. Во-первых, немаркированные прямые дополнения, в отличие от аккузативных прямых дополнений, демонстрируют ограничения на определенные виды зависимых: указательные и кванторные местоимения, генитивный посессор в ИК3, определительные клаузы; при этом, однако, в отличие от инкорпорированных существительных, они могут иметь другие зависимые, например прилагательные или числительные, образовывать ИК2 и нести на себе показатели изафета и числа (см. (4a—b), а также примеры в [Lyutikova, Pereltsvaig 2015; Lyutikova 2017]). Личные местоимения не могут выступать в позиции немаркированных прямых дополнений и требуют формы аккузатива⁴. Во-вторых, немаркированные прямые дополнения, по сравнению с аккузативными, располагаются строго контактно с глаголом и не могут быть отделены от него другими аргументами или адьюнктами (5a—b) (исключение составляют фокусные частицы, присоединяющиеся к немаркированному дополнению, как в (3b)). В-третьих, для немаркированных прямых дополнений характерна особая интерпретация: они всегда имеют самую узкую сферу действия по отношению к операторам или кванторным выражениям, содержащимся в клаузе, а формы единственного числа допускают множественную интерпретацию (ср. (4a)).

- (4) а. *Ул (*бу / *һәр) (кызыл) алма аша-ды.*
он этот / каждый красный яблоко есть-PST
'Он ел (*это/*каждое) (красное) яблоко / (красные) яблоки'.
- б. *Бул-ачак бер-енче сыйныф укучы-лар-ын-а мактап портфель-лар-е тапшыр-ды-лар.*
быть-PART.FUT один-CARD класс ученик-PL-3-DAT школа портфель-PL-3 вручать-PST-PL
'Будущим первоклассникам вручили **школьные портфели**' [Туган тел].
- (5) а. *Хәзер сез-гә берәр кызыклы китап таба-р-быз.*
сейчас вы-DAT какой-нибудь интересный книга находить-FUT-1PL
'Сейчас мы найдем для вас **какую-нибудь интересную книгу**' [там же].
- б. *Хәзер кызыклы китап-*(ны) сез-гә таба-р-быз.*
сейчас интересный книга-ACC вы-DAT находить-FUT-1PL
'Сейчас мы найдем для вас **интересную книгу**'.

Таким образом, немаркированные и аккузативные прямые дополнения оказываются дополнительно распределены: они конкурируют за одну тематическую позицию, соответствующую аргументу — теме переходного глагола, и выбор оформления влечет за собой синтаксические и интерпретационные эффекты, описанные выше. Тюркское варьирование немаркированного и аккузативного дополнений, следовательно, представляет собой частный случай дифференцированного маркирования объекта (DOM).

Существуют как минимум два подхода к анализу тюркского DOM. Один подход опирается на позиционные различия между маркированным и немаркированным прямым дополнением и предполагает, что аккузативное оформление соответствует выдвинувшемуся из VP прямому дополнению, в то время как немаркированное прямое дополнение остается *in situ*. Например, в якутском языке, по данным М. Бейкера и Н. Винокуровой [Baker, Vinokurova 2010; Baker 2015], маркированное и немаркированное прямые дополнения позиционно распределены (6a—b): немаркированное прямое дополнение располагается *in situ*, внутри VP и не может выдвигаться из нее, тогда как аккузативное прямое дополнение обязательно выдвигается из VP, поэтому оно располагается только слева от наречия образа действия, отмечающего границу глагольной группы.

- (6) а. *Маша [_{VP} түргэнник саламаат-*(ы) сиэ]-тэ.*
Маша быстро саламата-ACC есть-PST
'Маша быстро поела **саламату**'.
- б. *Маша саламаат-*(ы)_i [_{VP} түргэнник t_i сиэ]-тэ.*
Маша саламата-ACC быстро есть-PST
'Маша быстро съела **саламату**'.

⁴ Некоторые местоимения-существительные допускают употребление в немаркированной форме, например *һарса* 'что' и производные от него неопределенные местоимения.

Соответственно, М. Бейкер и Н. Винокурова связывают ДОМ в якутском языке с позиционными различиями двух дополнений: определенные дополнения обязательно выдвигаются из VP и получают падеж, в то время как неопределенные дополнения не выдвигаются из VP и остаются беспадужными.

Второй подход опирается на структурные различия между маркированными и немаркированными прямыми дополнениями и предполагает, что только именные группы полной структуры — DP — нуждаются в падеже, а именные группы меньшей структуры не имеют признака падежа. Соответственно, DP в позиции прямого дополнения получает аккузатив, а именные группы малой структуры остаются беспадужными. В пользу этого подхода говорит тот факт, что по меньшей мере в некоторых из тюркских языков аккузативное дополнение может находиться правее наречия образа действия, т. е. не выдвигаться из VP, ср. пример (7) из татарского языка:

- (7) *Финанс кризис-ы шарт-лар-ын-да акча бик тиз уз кыйммат-е-н югал-т-а.*
 финансы кризис-3 условие-PL-3-LOC деньги очень быстро сам ценность-3-ACC исчезать-CAUS-IPFV
 ‘В условиях финансового кризиса деньги очень быстро теряют **свою цену**’ [Туган тел].

Обратимся теперь к немаркированному зависимому в ИК2. Для него характерны ограничения на структурный статус, во многом сходные с таковыми у немаркированного прямого дополнения. Так, зависимое в ИК2 не может быть личным местоимением, присоединять собственное генитивное зависимое в ИК3 или содержать квантор с широкой сферой действия (см. (8), а также примеры в [Pereltsvaig, Lyutikova 2014]). В этом отношении оно противопоставлено маркированному генитивному зависимому в ИК3, которое имеет статус именной группы полной структуры — DP. При этом, однако, имена собственные, невозможные в позиции немаркированного прямого дополнения, могут выступать зависимыми в ИК2, ср. *Россия Федерациясе* ‘Российская Федерация’ и *Татарстан Республикасы* ‘Республика Татарстан’ в (3е). Линейная позиция зависимых в ИК2 и ИК3 также различна: немаркированное зависимое линейно прилагает к именной вершине (между ними могут располагаться лишь инкорпорированные зависимые), тогда как генитивное зависимое располагается на левой периферии именной группы, левее прочих модификаторов (ср. именную группу из (3а), приводимую в (9), с генитивным зависимым *Әбүзәр абыйның* ‘дяди Абузара’ и немаркированным зависимым *ау* ‘охота’). Интерпретационные различия между зависимыми в ИК2 и ИК3 включают различия в определенности и референтности, аналогичные различиям между немаркированными и маркированными прямыми дополнениями, но не ограничиваются ими: в то время как ИК3 предназначена для выражения собственно посессивного и метафорически связанных с ними отношений, ИК2 передает широкий круг реляционных значений (время, место, источник, предназначение и т. д., см. подробнее [Закиев (ред.) 1992]). Поэтому неудивительно, что, в отличие от маркированных и немаркированных прямых дополнений, конкурирующих за заполнение одной аргументной позиции, маркированные и немаркированные именные зависимые могут сосуществовать в одной именной группе.

- (8) а. *без-нең мәктәп-ебез-*(нең) бина-сы*
 мы-GEN школа-1PL-GEN здание-3
 ‘здание нашей школы’
 б. *мәктәп-(нең) бина-сы*
 школа-GEN здание-3
 ‘здание школы’, ‘школьное здание’
- (9) *Әбүзәр абый-ның ярат-кан ау эт-е*
 Абузар дядя-GEN любить-PART охота собака-3
 ‘любимая охотничья собака дяди Абузара’

Наконец, важное отличие между зависимыми в ИК2 и ИК3 состоит в том, что генитивное зависимое вызывает посессивное согласование на изафетном показателе, а немаркированное зависимое — нет. Хотя личное согласование потенциально возможно только в ИК3 (поскольку личные местоимения не участвуют в ИК2), числовое согласование потенциально возможно и в ИК3, и в ИК2, т. к. в обеих конструкциях могут присутствовать зависимые во множественном числе.

ИК3 допускает факультативное согласование изафетного показателя с генитивным зависимым по числу, так что показатель множественного числа на вершине *укытучы* ‘учитель’ в (10а) может интерпретироваться и как показатель всей именной группы (‘учителя детей’), и как согласовательный (‘учитель детей’). В ИК2 показатель множественного числа на вершине может обозначать только множественность всей именной группы (‘детские сады’).

(10) а. *бала-лар-ның укытучы-лар-ы*
ребенок-PL-GEN учитель-PL-3
'учителя детей' / 'учитель детей'

б. *бала-лар бакча-лар-ы*
ребенок-PL сад-PL-3
'детские сады' / *'детский сад'

Итак, немаркированные зависимые в именной группе отличаются от маркированных в отношении своего категориального статуса (именная группа малой структуры), структурной позиции (прилежание к именной вершине), неспособности вызывать согласование и интерпретации. Легко видеть, что указанные контрасты аналогичны тем, что мы наблюдаем у немаркированных и аккузативных прямых дополнений. Разница состоит, во-первых, в том, что прямые дополнения, в отличие от посессоров, не вызывают видимого согласования, и соответствующий контраст не может быть обнаружен, и, во-вторых, в том, что немаркированное и аккузативное прямые дополнения заполняют одну аргументную позицию и поэтому не могут сосуществовать в одном предложении, а немаркированное и генитивное зависимые в изафетной конструкции могут иметь разные интерпретации и поэтому могут одновременно присутствовать в одной именной группе.

Наконец, обратимся к немаркированным именным группам в позиции финитного подлежащего. Финитные подлежащие не демонстрируют никаких ограничений ни в отношении своего структурного статуса, ни в отношении линейной позиции и вызывают предикативное согласование (обязательное личное согласование с подлежащим 1—2-го лица и факультативное числовое согласование с подлежащим 3-го лица). Таким образом, финитные подлежащие по своим свойствам больше похожи на маркированные (аккузативные) прямые дополнения и маркированные (генитивные) посессоры, чем на их немаркированные аналоги. Отсюда можно сделать вывод, что номинатив финитного подлежащего имеет такой же структурный статус, что и морфологически маркированные падежи, т. е. является падежной формой.

Возможны ли беспадежные именные группы в позиции подлежащего в тюркских языках? Некоторые косвенные данные о возможности подобных конфигураций имеются. Рассмотрим якутские примеры в (11) и (12) [Baker, Vinokurova 2010]. (11a) показывает, что именная группа *чэй* 'чай' может лицензироваться и как немаркированное прямое дополнение нефинитной клаузы (в таком случае изафетный показатель не нужен), и как приименное зависимое. В (11b) показатель изафета не может быть опущен; это значит, что именная группа *дьахтар* 'женщина' не может быть лицензирована в причастном обороте как его переходное подлежащее и нуждается в именной функциональной структуре для лицензирования. В (12a—b), однако, неаккузативное подлежащее в причастном обороте может лицензироваться без изафетного показателя на именной вершине, но только в том случае, когда оно прилагается к глаголу. Таким образом, в якутском языке немаркированные подлежащие могут быть как падежными формами (и тогда они свободны в своей линейной позиции и вызывают предикативное согласование), так и беспадежными (и тогда они прилегают к глаголу и, по-видимому, сходны с немаркированными прямыми дополнениями в отношении ограничений на структурный статус и интерпретацию).

(11) а. *чэй иһ-эр чааскы-(та)*
чай пить-ASP чашка-3
'чашка, из которой пьют чай'

б. *дьахтар он-ор-бут чааскы-*(та)*
женщина делать-ASP-PART чашка-3
'чашка, сделанная женщиной'

(12) а. *эмискэ сибэкки-лэр тылл-ар кэм-(нэр-э)*
внезапно цветок-PL цвести-ASP время-PL-3
'время, когда цветы внезапно распускаются'

б. *сибэкки-лэр эмискэ тылл-ар кэм-*(нэр-э)*
цветок-PL внезапно цвести-ASP время-PL-3
'время, когда цветы внезапно распускаются'

Похожие данные обнаруживаются для турецкого [Öztürk 2005] и татарского [Lyutikova 2017] языков. Так, в грамматике литературного татарского языка приводятся примеры прилежащих к глаголу подлежащих, имеющих форму единственного числа, но множественную интерпретацию (13). Эта комбинация свойств объединяет такие подлежащие с немаркированными прямыми дополнениями.

- (13) *Булмэ-не китап бас-кан. Өстэл-лэр-гэ да китап ө-ел-гэн,*
 комната-ACC книга затоплять-PART стол-PL-DAT EMPH книга класть-PASS-PART
тарэзе төп-лэр-ен-э да, идэн-нэр-гэ да...
 окно подоконник-PL-3-DAT EMPH пол-PL-DAT EMPH
 ‘Комнату заполняли книги. Книги лежали на столах, на подоконниках, на полу...’ [Закиев 1993: 38].

Итак, мы приходим к выводу, что в тюркских языках в основных структурных позициях — подлежащего, прямого дополнения, посессора — возможны альтернативные способы выражения аргументов. Именные группы полной структуры нуждаются в падежном лицензировании со стороны соответствующих функциональных вершин (финитного T, переходного v, посессивного D); эти функциональные вершины вступают с именными группами в отношение согласования и приписывают им структурный падеж (номинатив, аккузатив, генитив), вызывая их передвижение из базовой позиции в свою группу. Именные группы неполной структуры не нуждаются в падежном лицензировании и представляют собой беспадежные формы; они демонстрируют сходные структурные, позиционные и интерпретационные ограничения и не вызывают согласования.

Таким образом, за немаркированными в отношении падежа формами в тюркских языках могут стоять как падежные формы номинатива (для именных групп полной структуры), так и беспадежные формы (для именных групп неполной структуры). В следующем разделе мы обратимся к материалу нивхского языка и покажем, что отсутствие морфологического маркирования не обязательно связано с меньшим количеством структуры в именной группе.

3. Немаркированные падежные формы в нивхском языке

Нивхский язык обладает рядом типологических черт, сближающих его с алтайскими языками. К таким чертам можно отнести последовательное левое ветвление в синтаксисе, использование «нанизывания» конвербов для организации полипредикативных связей, агглютинацию и некоторые другие свойства. Сходство нивхского с тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками обсуждается достаточно давно (см. [Панфилов 1962: 3; Крейнович 1979: 296; Груздева 1997 и указанные там источники]). Начиная с Е. А. Крейновича, большинство лингвистов считают гипотезу о генетической связи нивхского с алтайскими языками недостаточно достоверной, но некоторые исследователи (см., например, [Бурыкин 2012]) все же склонны усматривать такое родство.

В данной работе мы никак не будем эксплуатировать идею отсутствия либо наличия генетической связи между нивхским и алтайскими языками. Главная причина, побудившая нас к сопоставительному исследованию нивхского и тюркских языков, заключается в сходстве между падежными системами, прежде всего — в области так называемых структурных или грамматических падежей.

Нивхский язык обладает достаточно развитой системой падежных показателей, включающей следующие («семантические») падежи: дательно-винительный (падеж каузируемого в каузативной конструкции), дательно-направительный, местный, местно-предельный, исходный, продольный, творительный, звательный, комитатив, компаратив, именительный косвенной речи (см. [Савельева 1954; Панфилов 1962: 118—147; Груздева 1997; Недашков, Отаина 2012: 51—54]). Наряду с перечисленными существует падеж, называемый в грамматических описаниях абсолютным и соответствующий всегда немаркированной форме имени.

Основные функции абсолютного падежа в нивхском — выражение подлежащего, прямого дополнения и посессора.

- (14) а. *огла нули-дь.*
 ребенок улыбаться-IND
 ‘Ребенок улыбается’.
- б. *ымык огла дю-дь.*
 мать ребенок мыть-IND
 ‘Мать мыла ребенка’.
- с. *ныыу огла му мы-дь.*
 мы ребенок голос слышать-IND
 ‘Мы слышали голос ребенка’ [Савельева 1954: 243].

Этим трем синтаксическим ролям в тюркских языках соответствует чередование морфологически маркированной и немаркированной падежной формы⁵. Характерным отличием нивхского языка при

⁵ Напомним, что в случае тюркского номинатива корректно говорить о нулевом показателе и отсутствии показателя.

этом является отсутствие маркированного варианта для любой из этих ролей. Как именная, так и местоименная падежная парадигма предполагают наличие абсолютного падежа, в точности совпадающего с основой. Если отталкиваться от того факта, что в нивхском языке представлен полноценный морфологический падеж (что видно, например, в сравнении с английским), возникают следующие возможности анализа: (i) немаркированные именные группы в нивхском имеют нулевые падежные показатели, аналогичные тюркскому номинативу; (ii) немаркированные именные группы в нивхском являются беспадужными формами, аналогичными тюркскому немаркированному прямому дополнению или посессору; (iii) имеют место оба варианта (i) и (ii), т. е., подобно тюркским языкам, нивхский поддерживает чередование падежного и беспадужного вариантов, но падежный всегда выражается нулевым показателем.

Третью гипотезу нам представляется верным отвести сразу в силу ее неэкономичности. Действительно, в тюркских языках мы предполагали наличие нулевого маркера номинатива на основании, с одной стороны, существования ненулевых маркеров аккузатива и генитива и, с другой стороны, сходства дистрибутивных свойств именных групп во всех трех контекстах.

Как мы видели при обсуждении тюркских языков, различие в свойствах падежных и беспадужных именных групп связано с двумя факторами: структурной позицией и размером составляющей (= именной группы). Для нивхского, однако, ни расположение в клаузе, ни количество структуры не могут быть релевантными параметрами. Проиллюстрируем это на материале прямого дополнения. Статус прямого дополнения в нивхском принято связывать с инкорпорацией, что, скорее всего, является не вполне верным использованием данного термина (см. [Недялков, Отаина 2012: 38—39] и приведенные там ссылки). Об инкорпорации приходится говорить в связи со следующими фактами: (i) прямое дополнение (или другой внутренний аргумент) почти всегда располагается в контактной препозиции к глаголу; (ii) прямое дополнение, оканчивающееся на согласный, приводит к чередованию начальных согласных глагольной основы.

(15) а. *Иф тавзай во-дь.*

он краб взять-IND
'Он краба взял'.

б. *Иф тавзай ньын бо-дь.*

он краб.один.взять-IND
'Он краба одного взял'.

с. *Иф тавзай ньын варк по-дь.*

он краб один только взять-IND
'Он краба одного только взял' [Недялков, Отаина 2012: 33].

Как можно видеть в (15), чередование происходит не в результате контакта конкретно с именной словоформой, а при любом финальном согласном объектной именной группы. Это говорит о том, что никакой инкорпорации или усечения размера составляющей в действительности не происходит — имеет место лишь образование общей с глаголом фонетической синтагмы, в рамках которой возможны фонетические эффекты ассимиляции.

Пример (16) показывает, что осложнение прямого дополнения зависимым посессором не приводит к морфологическому маркированию (ср. с тюркским материалом в разделе 2), равно как и расположение всей объектной составляющей по-прежнему остается контактным с глаголом.

(16) а. *лаур хигр ге-р̃*

нерпа желудок взять-CVB.3SG
'...взяв желудок нерпы...'

б. *п'ымык ир̃-ть мы-ро̃*

REFL-мать сказать-NML слушать-CVB.3SG
'...вспомнив наказ (своей) матери...' [Shiraishi 2002—2015].

В примерах (17а—б) прямое дополнение при топикализации или фокусном выделении оказывается оторвано от глагола, однако никакого морфологического маркирования это снова не влечет:

(17) а. *кинс-ку ни к'луки*

черт-PL я боялась
'...чертей я боялась'.

б. *пилкар уыньк, хы чах-ух инды-дь*

большой лицо этот вода-LOC увидел-IND
'...и вдруг увидел в воде большое лицо...' [ibid.].

Личные местоимения в объектной позиции не только возможны, но и получают специальные редуцированные формы, что также говорит о фонетической (а не синтаксической) природе нивхской инкорпорации:

- (18) ...ытык-а, п'и вий-ны-нан нь-не-р̄ нь-р̄о-р
 папа-VOC сам идти-FUT-CVБ:ANT 1SG-братъ-CVБ.2SG 1SG-взять-CVБ.2SG
 '...сын сказал: «Папа, возьми меня с собой!»' [ibid.].

Если в аргументной структуре глагола представлены участники-адресаты или директивные / локативные участники, они тоже оказываются немаркированными и занимают ближайшую к глаголу слева позицию, т. е. ведут себя аналогично прямому дополнению (19). Естественно предположить, что подобные именные группы образуют составляющие того же типа, что и прямые дополнения.

- (19) а. п'-умгу хим-дъ
 REFL-жена отдавать-IND
 '...(это) своей жене отдал'.
 б. хоџор̄ п'-ытык зиф т'у-р
 затем REFL-отец след гнаться-CVБ.3SG
 'Затем погнался по следу отца...' [ibid.].

Посессор в нивхском языке устроен схоже с прямым дополнением: (i) посессивные именные группы не маркируются ни падежом, ни показателями на вершине-обладателем; (ii) в случае посессора-местоимения употребляется та же усеченная форма местоимения, что и для местоименного дополнения в предглагольной позиции. Как видно из (20с—d), такая форма не является согласовательным показателем:

- (20) а. н-џла б. й-ытык с. оџла ытык д. *оџла й-ытык
 1SG-ребенок 3SG-отец ребенок отец ребенок 3SG-отец
 'мой ребенок' 'его отец' 'отец ребенка' 'отец ребенка'

Морфологическое оформление посессора также остается неизменным при наличии у него собственных зависимых:

- (21) тьоур меџр хемар уойаџ
 голова два старик яйцо
 'яйцо старика с двумя головами' [Недялков, Отаина 2012: 41].

Примеры (20)—(21) показывают, что нивхский посессор может быть выражен именными группами полной структуры (DP), а отсутствие падежного маркирования не вызвано неполнотой структуры именной составляющей или особой структурной позицией.

Маркирование подлежащего в нивхском не связано с сандхи или редуцированными формами местоимений. При этом подлежащее, как и прямое дополнение или посессор, также не демонстрирует никаких асимметрий в маркировании или интерпретации, вызываемых осложнением внутренней структуры именной группы или позицией в клаузе.

Таким образом, абсолютный падеж является общим для весьма широкого спектра синтаксических ролей: подлежащее, прямое и косвенное дополнение, посессор, директивные и локативные участники. Именные группы в этих синтаксических позициях выступают в немаркированных формах, противопоставленных имеющим ненулевое морфологическое выражение формам «семантических» падежей. Важно отметить, что в нивхском языке, в отличие от тюркских, нет никаких свидетельств зависимости оформления подлежащих, прямых дополнений и посессоров от размера именной составляющей и от ее линейной или структурной позиции.

Интерпретировать ситуацию в нивхском можно одним из следующих способов. Во-первых, можно предложить анализ в рамках стандартной минималистской падежной теории [Chomsky 2000], предполагающей приписывание падежа финитным T (подлежащее), переходным *v* (прямое дополнение) и посессивным D (посессор), а также, возможно, другими функциональными вершинами. Для нивхского мы могли бы предположить, что признаковые спецификации функциональных вершин являются дефектными, что не позволяет им приписывать соответствующие падежи⁶.

⁶ В [Rizzi 1986; Biberauer 2010] подобный подход применяется к типологии малого *pro*. В разных языках постулируются различные спецификации вершины T, что предполагает разные степени свободы в выражении нулевых подлежащих: полное отсутствие, употребление в некоторых контекстах, употребление в любых финитных контекстах.

Есть факты как «за», так и «против» подобного анализа. Аргумент в пользу дефектности — отсутствие поверхностных проявлений функционирования T, ν и D: в матричных клаузах нет личностного согласования (слабые признаки T), отсутствуют залоговые противопоставления и короткое передвижение дополнения (слабые признаки ν), нет никаких формальных манифестаций вершины D (согласования с посессором, артикля и под.). Напротив, в тех случаях, когда в морфологии появляется ненулевой показатель некоторой функциональной проекции, оказывается, что ему соответствует материально выраженный падежный показатель. Такая ситуация имеет место, например, в случае падежа каузируемого участника на *-ax* и так называемого номинатива косвенной речи на *-қан/-ған/-ған/-хан*. Падеж каузируемого участника лицензируется каузативной морфемой *-гу* (22a); тот же самый падеж или показатель косвенного номинатива лицензируется показателем репортатива (22b). Исходя из этого, для нивхского можно было бы предположить некое конкретно-языковое правило, согласно которому падеж должен лицензироваться только фонологически выраженной вершиной.

(22) а. *п'ытык-ax морҕа-гу-дь*.

3SG-отец-ACC быть.живым-CAUS-IND

‘...отец его остался жив’ (= ‘Это позволило отцу выжить’) [Shiraishi 2002—2015].

б. *Ытык й-ax / йа-ған п'ры-вур ит-ть*.

отец он-ACC / он-RNOM придти-REP говорить-IND

‘Отец_к сказал, что он_к пришел’ [Недялков, Отаина 2012: 127].

Другой возможный подход — предположить, что морфологически выраженные значения вершин лицензируют морфологически выраженный падеж, а нулевые вершины могут лицензировать только нулевые падежные показатели⁷. Однако если мы возложим ответственность за отсутствие (выраженного) падежа исключительно на функциональные вершины, нам придется признать, что для всех синтаксических ролей в структурнопадежных контекстах существуют нулевые падежные морфемы, получаемые как результат проверки признаков различных функциональных проекций. Постулировать от трех до шести нулевых алломорфов представляется крайне контринтуитивным.

Еще одним неприятным следствием такого подхода было бы существование двух совершенно одинаковых явлений (отсутствие падежного показателя) в двух независимых друг от друга расширенных проекциях: глагольной и именной. Действительно, дефектность тех или иных функциональных вершин по большому счету является лексическим свойством именно этих вершин. Одинаковые падежные свойства вершин в клаузе и в именной группе выглядят также избыточным допущением.

Третий возможный вариант анализа нивхской системы структурных падежей может опираться на конфигурационную теорию падежа [Marantz 1991] (см. обзор конфигурационных подходов в [Лютикова 2017]). В рамках конфигурационной модели структурные падежи представлены немаркированными (приписываются любой именной составляющей, расположенной в определенной падежной области) и зависимыми (приписываются именной группе в конкуренции с другой беспадежной именной группой, расположенной в той же падежной области). В частности, номинатив подлежащего и генитив посессора часто оказываются немаркированными падежами клаузы и именной группы соответственно, а аккузатив и эргатив рассматриваются как «зависимые» падежи клаузы, возникающие в падежной конкуренции со второй именной группой (номинативом или абсолютивом) в пределах клаузы.

В рамках конфигурационной теории для нивхского можно предложить следующий анализ. Абсолютный падеж оказывается немаркированным падежом трех падежных областей: VP, TP и NP/DP. В пределах этих областей прямое дополнение, подлежащее и посессор не находят падежных конкурентов⁸ и поэтому не могут получить зависимого падежа. Присваивание абсолютного падежа в нивхском, таким образом, будет устроено так же, как присваивание номинатива и генитива, немаркированных падежей TP и NP/DP в тюркских языках. Субъектные именные группы в нивхском не демонстрируют никаких признаков слияния с глаголом (сандхи, слабые формы местоимений), поскольку под действием

⁷ Продолжая аналогию с анализом малым *pro* (см. предыдущую сноску), можно вспомнить следующие его варианты: в отсутствии признаков финитности доступны только неаргументные (*pro* seems that...) или квазиаргументные (*pro* gains) нереферентные интерпретации. При финитном T доступны любые семантические роли и референтная интерпретация. Аналогично для нивхского падежа можно предположить, что при невыраженных функциональных проекциях он выражается нулевым показателем, за которым стоит дефектный падежный признак. При фонологически выраженных функциональных вершинах падеж также может выражаться фонологически.

⁸ Причины, по которым это так, требуют отдельного описания, возможно, здесь играет роль дефектность функциональных проекций.

формального признака EPP, требующего передвижения подлежащего в проекцию вершины T, они всегда выдвигаются из глагольной группы. Подчеркнем, что передвижение в данном случае не связано с проверкой падежного признака.

Нивхский отличается от других аккумулятивных языков, получавших описание в рамках конфигурационной модели, тем, что в нем отсутствуют зависимые падежи различных падежных областей. В тюркских языках, напротив, имеется зависимый падеж TP — аккумулятив. Он приписывается нижней из двух беспадежных именных групп — подлежащего и прямого дополнения — внутри TP: в якутском языке дополнение для этого должно выдвинуться из VP, ср. (6a—b), а в татарском языке приписывание зависимого аккумулятива возможно через границу VP, ср. (7).

4. Заключение

В этой статье мы рассмотрели нивхскую систему структурнопадежных контекстов, где именные группы выступают в немаркированной форме, без морфологических падежных показателей. Отправной точкой для нас был материал тюркских языков, в которых для подлежащего, прямого дополнения и possessора также возможно отсутствие эксплицитного падежного маркирования. Мы установили, что немаркированные именные группы в тюркских языках могут соответствовать как минимум двум синтаксическим репрезентациям: беспадежным именным группам или номинативным именным группам с нулевым падежным показателем. В позиции прямого дополнения и possessора немаркированные именные группы являются беспадежными и варьируют с падежными формами аккумулятива и генитива соответственно. В позиции подлежащего немаркированные именные группы могут быть как беспадежными, так и иметь нулевой падежный показатель номинатива. Дистрибуция падежных и беспадежных именных групп в тюркских языках определяется их структурными характеристиками: именные группы полной структуры нуждаются в падеже, в то время как именные группы малой структуры остаются беспадежными.

Нивхский материал — при своем начальном сходстве с материалом тюркских языков — дает возможность говорить о третьем типе именных групп. Нивхские именные группы в структурнопадежных контекстах проецируют полную функциональную структуру (DP), но при этом являются безальтернативно и единообразно беспадежными.

Глоссы и условные обозначения

1—3 — 1—3-е лицо	IPFV — имперфектив
ABL — аблатив	LOC — локатив
ACC — аккумулятив	NML — номинализация
ANT — антериорный (конверб)	NP — группа лексического существительного
ASP — аспектуальный показатель	PART — причастие
AUX — вспомогательный глагол	PASS — пассив
CAUS — каузатив	PL — множественное число
CVB — конверб	PST — прошедшее время
D — определитель (функциональная вершина)	REFL — рефлексив
DAT — датив	REP — репортатив
DP — группа определителя	RNOM — номинатив косвенной речи
EMPH — эмфатическая частица	SG — единственное число
EPP — расширенный принцип проекции	T — предикативная функциональная вершина
FUT — футуральный (конверб)	TP — группа предикативной вершины, клауза
GEN — генитив	v — легкий глагол
IND — индикатив	VOC — вокатив
	VP — группа лексического глагола

Литература

Бурыкин 2012 — А. А. Бурыкин. Этногенез нивхов, межэтнические связи в Приамурско-Сахалинском регионе и проблема генетической принадлежности нивхского языка // Лев Штернберг — гражданин, ученый, педагог: К 150-летию со дня рождения. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 275—286.

Груздева 1997 — Е. Ю. Груздева. Нивхский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М.: Индрик, 1997. С. 139—154.

- Закиев (ред.) 1992 — М. З. Закиев (ред.). Татарская грамматика. Т. III: Синтаксис. Казань: Академия наук Татарстана, 1992.
- Закиев (ред.) 1993 — М. З. Закиев (ред.). Татарская грамматика. Т. II: Морфология. Казань: Академия наук Татарстана, 1993.
- Кибрик 1979 — А. Е. Кибрик. Подлежащее и проблема универсальной модели языка // Известия ОЛЯ АН СССР. № 4. 1979. С. 309—317.
- Крейнович 1979 — Е. А. Крейнович. Нивхский (гиляцкий) язык // Языки Азии и Африки. Т. III: Языки Древней Передней Азии. Несемитские. Иберийско-кавказские языки. Палеоазиатские языки. М.: Наука, 1979 (1934). С. 295—329.
- Лютикова 2017 — Е. А. Лютикова. Конфигурационный падеж в параметрической модели // Вопросы языкознания. 2017, 5. С. 92—122.
- Лютикова, Герасимова 2019 — Е. А. Лютикова, А. А. Герасимова. Послеложные конструкции татарского языка: методики оценки внутриязыкового варьирования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 18. М.: Изд-во РГГУ, 2019. С. 412—435.
- Недялков, Отаина 2012 — В. П. Недялков, Г. А. Отаина. Очерки по синтаксису нивхского языка / Отв. ред. Э. В. Генюшене, С. Ю. Дмитренко. М.: Знак, 2012.
- Панфилов 1962 — В. З. Панфилов. Грамматика нивхского языка. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962.
- Панфилов 1965 — В. З. Панфилов. Грамматика нивхского языка. Ч. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1965.
- Савельева 1954 — В. Н. Савельева. Склонение имен существительных в нивхском языке // Ученые записки ЛГШ им. А. И. Герцена. Т. 101. 1954. С. 239—254.
- Туган тел — Татарский национальный корпус «Туган тел». Электронный ресурс. URL: <https://tugantel.tatar>
- Baker 2015 — M. Baker. Case. Its principles and its parameters. Cambridge: CUP, 2015. (Cambridge studies in linguistics 146).
- Baker, Vinokurova 2010 — M. Baker, N. Vinokurova. Two modalities of Case assignment: Case in Sakha // Natural Language and Linguistic Theory. 2010, 28. P. 593—642.
- Biberauer 2010 — T. Biberauer. Semi null-subject languages, expletives and expletive *pro* reconsidered. Parametric variation: null subjects in minimalist theory / Ed. by T. Biberauer, A. Holmberg, I. Roberts, M. Sheehan. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 364—375.
- Chomsky 2000 — N. Chomsky. Minimalist Inquiries: The Framework // Step by Step. Essays on Minimalist Syntax in Honor of Howard Lasnik / R. Martin, D. Michaels, J. Uriagereka (eds.). Cambridge, MA: MIT Press, 2000. P. 89—155.
- Ljutikova 2017 — E. Ljutikova. Agreement, case and licensing: Evidence from Tatar // Ural-Altai Studies. 2017, 2 (25). P. 25—45.
- Ljutikova 2023 — E. Ljutikova. Person agreement with anaphors: Evidence from Tatar // Languages. 2023, 8. P. 46.
- Ljutikova, Pereltsvaig 2015 — E. Ljutikova, A. Pereltsvaig. The Tatar DP // Canadian journal of linguistics. 2015, 60 (3). P. 289—325.
- Marantz 1991 — A. Marantz. Case and licensing // G. Westphal, B. Ao, H. R. Chae (eds.). Eastern states conference on linguistics. Ithaca, NY: CLC Publications, 1991. P. 234—253.
- Öztürk 2005 — B. Öztürk. Case, referentiality and phrase structure. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2005. (Linguistik Aktuell/Linguistics Today 77).
- Pereltsvaig, Ljutikova 2014 — A. Pereltsvaig, E. Ljutikova. Possessives within and beyond NP: Two ezafe-constructions in Tatar // Advances in the Syntax of DPs: Structure, agreement, and case / A. Bondaruk, G. Dalmi, A. Grosu (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2014. P. 193—219.
- Rizzi 1986 — L. Rizzi. Null Objects in Italian and the Theory of *pro* // Linguistic Inquiry 1986, 17 (3). P. 501—557.
- Shiraishi 2002—2015 — H. Shiraishi. Sound Materials of the Nivkh Language, 2002—2015. URL: <http://ext-web.edu.sgu.ac.jp/hidetos/HTML/SMNSstitle.html>

References

- Baker 2015 — M. Baker. Case. Its principles and its parameters. Cambridge: CUP, 2015. (Cambridge studies in linguistics 146).
- Baker, Vinokurova 2010 — M. Baker, N. Vinokurova. Two modalities of Case assignment: Case in Sakha. In: Natural Language and Linguistic Theory. 2010, 28. P. 593—642.
- Biberauer 2010 — T. Biberauer. Semi null-subject languages, expletives and expletive *pro* reconsidered. Parametric variation: null subjects in minimalist theory / Ed. by T. Biberauer, A. Holmberg, I. Roberts, M. Sheehan. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 364—375.
- Burykin 2012 — A. A. Burykin. Etnogenez nivhov, mezhetnicheskie svyazi v Priamursko-Sahalinskom regione i problema geneticheskoy prinadlezhnosti nivhskogo yazyka. In: Lev Shternberg — grazhdanin, uchenyj, pedagog: K 150-letiyu

so dnya rozhdeniya. Sankt-Peterburg: MAE RAN, 2012. S. 275—286. {A. A. Burykin. Ethnogenesis of the Nivkhs, inter-ethnic relations in Priamursko-Sahalinskij region and the problem of genetic attribution of the Nivkh language. In: Lev Shternberg — citizen, scientist, educator: On account of 150 years since birth. Saint Petersburg: MAE RAS, 2012. P. 275—286.}

Chomsky 2000 — N. Chomsky. Minimalist Inquiries: The Framework. In: Step by Step. Essays on Minimalist Syntax in Honor of Howard Lasnik / R. Martin, D. Michaels, J. Uriagereka (eds.). Cambridge, MA: MIT Press, 2000. P. 89—155.

Gruzdeva 1997 — E. Yu. Gruzdeva. Nivhskij yazyk. In: Yazyki mira. Paleoaziatskie yazyki. Moskva: Indrik, 1997. S. 139—154. {E. Yu. Gruzdeva. The Nivkh Language. In: Languages of the World. Paleoasiatic Languages. Moscow: Indrik, 1997. P. 139—154.}

Kibrik 1979 — A. E. Kibrik. Podlezhashchee i problema universal'noj modeli yazyka. In: Izvestiya OLYa AN SSSR. № 4. 1979. S. 309—317. {A. E. Kibrik. The Subject and the problem of the Universal Language Model. In: Soviet Academy of Science Bulletin, Language and Literature. No. 4. 1979. P. 309—317.}

Krejnovich 1979 — E. A. Krejnovich. Nivhskij (gilyakskij) yazyk. In: Yazyki Azii i Afriki. T. III: Yazyki Drevnej Perednej Azii. Nesemitskie. Iberijsko-kavkazskie yazyki. Paleoaziatskie yazyki. Moskva: Nauka, 1979 (1934). S. 295—329. {E. A. Krejnovich. The Nivkh (Gilyak) Language. In: Languages of Asia and Africa. Vol. III: Languages of Ancient Anterior Asia. Non-Semitic. Iberian-Caucasian languages. Paleoasiatic languages. Moscow: Nauka, 1979 (1934). P. 295—329.}

Lyutikova 2017 — E. A. Lyutikova. Konfiguracionnyj padezh v parametricheskoj modeli. In: Voprosy yazykoznanija. 2017, 5. S. 92—122. {E. A. Lyutikova. Configuration case in the parametric model. In: Issues in Linguistics. 2017, 5. P. 92—122.}

Lyutikova 2017 — E. Lyutikova. Agreement, case and licensing: Evidence from Tatar. In: Ural-Altai Studies. 2017, 2 (25). P. 25—45.

Lyutikova 2023 — E. Lyutikova. Person agreement with anaphors: Evidence from Tatar. In: Languages. 2023, 8. P. 46.

Lyutikova, Gerasimova 2019 — E. A. Lyutikova, A. A. Gerasimova. Poslelozhnye konstrukcii tatarskogo yazyka: metodiki ocenki vnutyazykovogo var'irovaniya. In: Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Vyp. 18. Moskva: Izd-vo RGGU, 2019. S. 412—435. {E. A. Lyutikova, A. A. Gerasimova. Postpositional Constructions in Tatar: Methodologies for Measuring Intralingual Variation. In: Proceedings “Computational Linguistics and Intellectual Technologies”, 18. Moscow: Izdatel'stvo RGGU, 2019. P. 412—435.}

Lyutikova, Pereltsvaig 2015 — E. Lyutikova, A. Pereltsvaig. The Tatar DP. In: Canadian journal of linguistics. 2015, 60 (3). P. 289—325.

Marantz 1991 — A. Marantz. Case and licensing. In: G. Westphal, B. Ao, H. R. Chae (eds.). Eastern states conference on linguistics. Ithaca, NY: CLC Publications, 1991. P. 234—253.

Nedyalkov, Otaina 2012 — V. P. Nedyalkov, G. A. Otaina. Oчерki po sintaksisu nivhskogo yazyka / Otv. red. E. V. Geniušienė, S. Yu. Dmitrenko. Moskva: Znak, 2012. {V. P. Nedyalkov, G. A. Otaina. Issues in the Syntax of the Nivkh language / E. V. Geniušienė, S. Yu. Dmitrenko (eds.). Moscow: Znak, 2012.}

Öztürk 2005 — B. Öztürk. Case, referentiality and phrase structure. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2005. (Linguistik Aktuell/Linguistics Today 77).

Panfilov 1962 — V. Z. Panfilov. Grammatika nivhskogo yazyka. Ch. 1. Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1962. {V. Z. Panfilov. The Grammar of Nivkh. Part 1. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1962.}

Panfilov 1965 — V. Z. Panfilov. Grammatika nivhskogo yazyka. Ch. 2. Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1965. {V. Z. Panfilov. The Grammar of Nivkh. Part 2. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1965.}

Pereltsvaig, Lyutikova 2014 — A. Pereltsvaig, E. Lyutikova. Possessives within and beyond NP: Two ezafe-constructions in Tatar. In: Advances in the Syntax of DPs: Structure, agreement, and case / A. Bondaruk, G. Dalmi, A. Grosu (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2014. P. 193—219.

Rizzi 1986 — L. Rizzi. Null Objects in Italian and the Theory of pro. In: Linguistic Inquiry. 1986, 17 (3). P. 501—557.

Savel'eva 1954 — V. N. Savel'eva. Sklonenie imen sushchestvitel'nyh v nivhskom yazyke. In: Uchenye zapiski LGS im. A. I. Gercena. T. 101. 1954. S. 239—254. {V. N. Savel'eva. Nominal Declension in Nivkh. In: Scientific notes of the Leningrad State Pedagogical Institute named after A. I. Herzen. Vol. 101. 1954. P. 239—254.}

Shiraishi 2002—2015 — H. Shiraishi. Sound Materials of the Nivkh Language, 2002—2015. URL: <http://ext-web.edu.sgu.ac.jp/hidetos/HTML/SMNSTitle.html>

Tugan tel — Tatarskij nacional'nyj korpus “Tugan tel”. Elektronnyj resurs. URL: <https://tugantel.tatar> {Tatar National Corpora “Tugan tel”. An electronic source.}

Zakiev (red.) 1992 — M. Z. Zakiev (red.). Tatarskaya grammatika. T. III: Sintaksis. Kazan': Akademiya nauk Tatarstana, 1992. {M. Z. Zakiev (ed.). The Grammar of Tatar. Vol. III: Syntax. Kazan: Academy of Science of Tatarstan, 1992.}

Zakiev (red.) 1993 — M. Z. Zakiev (red.). Tatarskaya grammatika. T. II: Morfologiya. Kazan': Akademiya nauk Tatarstana, 1993. {M. Z. Zakiev (ed.). The Grammar of Tatar. Vol. II: Morphology. Kazan: Academy of Science of Tatarstan, 1992.}

Diagnosing Kazym Khanty unpossessives, or how to tell a synchronically independent marker from its diachronic source

Stiopa Mikhailov, HSE University (Moscow); stepanmihajlov@gmail.com

Uralic possessive agreement suffixes often develop determiner-like functions. Several authors have suggested **monosemic** analyses of such functions as derived from the basic possessive meaning. However, recent studies have argued that the functions they investigate must be treated as synchronically independent markers because they do not behave morphosyntactically in the same way that their corresponding proper possessives do. Building on the work of my predecessors, I develop several **unpossessive diagnostics** to test whether a non-possessive function displays the same behavior as the proper possessive function of the same exponent with respect to several morphophonological, morphosyntactic, semantic, and pragmatic parameters. I apply these diagnostics to the Kazym Khanty second-person singular possessive *-en/-an* in its three non-possessive functions. I argue that these functions must be treated as three distinct **unpossessive markers**: the **associative possessive**, the **salient article**, and the **proprietary article**. These markers are homonymous with the proper possessive but are synchronically independent from it. Furthermore, I develop an analysis of these markers within the framework of Distributed Morphology, which allows us to model their differences while also accounting for their similarities. I address some potential weaknesses of this analysis, justifying them by appealing to how grammaticalization processes normally work. The approach to non-possessive functions of possessives presented in this paper should be applied to data from other languages that feature extended possessives.

Keywords: possessives, definiteness, Distributed Morphology, grammaticalization, Kazym dialect of Northern Khanty, Uralic languages

ДИАГНОСТИКИ ДЛЯ КАЗЫМСКИХ ХАНТЫЙСКИХ БЕСПОСЕССИВОВ: КАК ОТЛИЧИТЬ СИНХРОННО НЕЗАВИСИМЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ОТ ЕГО ДИАХРОНИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

Михайлов Степан Кириллович, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва);
stepanmihajlov@gmail.com

Показатели посессивного согласования в уральских языках часто развивают функции детерминаторов. Ряд исследователей предлагали для подобных функций моносемический анализ, при котором эти функции вытекают из общего посессивного значения конструкции. В нескольких недавних работах другие исследователи доказывают на основании морфосинтаксических аргументов, что исследуемые ими непосессивные функции синхронно представляют морфемы, отдельные от собственно посессива. Основываясь на результатах моих предшественников, я формулирую несколько **беспосессивных диагностик**, предназначенных для тестирования непосессивных функций посессивных показателей на предмет отличий от собственно посессивной функции по морфонологическим, морфосинтаксическим, семантическим и прагматическим параметрам. Я применяю эти диагностики к севернохантыйскому посессиву 2-го лица единственного числа *-en/-an* (казымский диалект) в трёх непосессивных функциях, что позволяет доказать, что эти функции должны рассматриваться как три синхронно независимых, **беспосессивных показателя**: ассоциативный посессив, салиентный артикль и проприальный артикль. Эмпирическая аргументация подкрепляется анализом этих показателей, сформулированным в модели распределённой морфологии, что даёт возможность объяснить как их различия, так и их сходства. Я также предлагаю независимое объяснение для потенциальных недочётов рассматриваемого анализа, основанное на теории грамматикализации.

Ключевые слова: посессивность, определённость, распределённая морфология, грамматикализация, казымский диалект севернохантыйского языка, уральские языки

This work presents some results of project № 23-00-036 “Khanty in a Typological Perspective” carried out within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2024.

1. Introduction¹

Uralic languages are well-known to have possessive agreement suffixes (possessives) that often figure outside typical possessive contexts [Fraurud 2001; Nikolaeva 2003; Simonenko 2017; Halm 2018; É. Kiss 2018; É. Kiss, Tánczos 2018, among others]. In such non-possessive functions, the markers do not seem to express any possessive meaning: they can hardly be said to denote a relation between a possessor and a possessee that corresponds to the possessive prototype of ownership, parthood or other inalienable possession (as in [Nikolaeva 2003] or [Karvovskaya 2018]). The markers rather seem to function similarly to determinacy markers, for example, the European definite articles [Schwarz 2019] or the Turkish differential object marker conditioned on partitive specificity [Farkas, Brasoveanu 2019: § 2.3].

The Kazym dialect of Northern Khanty (< Khantyic < Uralic) presents a case where a second-person singular possessive suffix *-en/-an* [POSS.2SG] figures in as many as three frequent non-possessive functions². These functions are exemplified below along with the names I will be using for them in the remainder of the paper.

Apart from the proper possessive function that describes a prototypical possessive relation (1), the Kazym Khanty POSS.2SG is also used with familiar referents that stand in an **associative relation** [Nikolaeva 2003] to another activated referent (2). Thus, in (2) the only cup available in the context is associated with the addressee, presumably, because of physical proximity, which motivates POSS.2SG marking. (Note that there is no proper possessive relation between the addressee and the cup here. See § 6 for more examples of associative relations.)

(1) Proper possessive

näj kät'-en moś-λ
 you.SG cat-POSS.2SG purr-NPST[3SG]
 'Your cat purrs.'

(2) Associative possessive

[A friend is over at the speaker's place. There's one cup on the table.]

an-en mij-e
 cup-POSS.2SG give-IMP.SG>SG
 'Give me the cup.'

Another POSS.2SG function is observed with **salient referents** like the dog in (3) that was introduced in the preceding utterance and stands in the subject position in the target sentence³.

(3) Salient article

['I was walking along the street when I saw a dog.']⁴

amp-en ma pελ-am-a χurət-ti pit-əs
 dog-POSS.2SG I at-POSS.1SG-DAT bark-NFIN.NPST become-PST[3SG]
 'The dog started barking at me.'

Finally, POSS.2SG is obligatorily used **with human names** in argument positions (4) like a prototypical pronominal article⁵.

¹ This text has greatly benefitted from comments by Nikita Muravyev, Natalia Logvinova, Daniar Kasenov, Kate Kozlova, Ksenia Kashintseva, John Beavers, Ruth Kramer, and the two anonymous reviewers for "Ural-Altai Studies". I express my sincere gratitude to them, as well as to Alexey Kozlov and Svetlana Toldova for their supervision of the Kazym Khanty field project. I am also thankful to the audiences at the 15th, 16th, and 18th Conferences on Typology and Grammar for Young Scholars (ILS RAS), linguistweets 1 & 2 (Abralín, 2022, 2023), the 11th TMP Conference (IL RAS), Minority languages in big linguistics (Lomonosov MSU, 2021), SLE 2021, and the Uralic Information Centre (2022) for their valuable suggestions. I would also like to thank my Khanty consultants from Kazym, whose assistance was indispensable for this study. All remaining errors are my own.

² I use *function* as a noncommittal term that does not distinguish between separate senses of a morpheme or merely contextualized uses of a monosemic marker (*cf.* [Haspelmath 2003]). I invite the reader to understand the functions exemplified in (1)–(4) in this way until more explicit definitions are given later in the paper.

³ I understand salience as a function of the interlocutors' attention, following [Roberts 2011; Barlew 2014]. A salient referent is at the center of attention. The referents that are part of the current question under discussion (QUD) are necessarily salient.

⁴ Contexts given in quotes ("") were presented as stimuli and translated into Northern Khanty along with the target sentence.

⁵ See [Muñoz 2019] on articles used with proper names in this way.

(4) Proprial article

wontar-en juχ šop sewr-as

A.-POSS.2SG wood piece cleave-PST[3SG]

‘Andrej cleaved a log.’

Once confronted with such a polyfunctional possessive marker, the natural question to ask is whether it is possible to unify these four different functions under a single **monosemic** lexical entry. Alternatively, should the non-possessive functions be treated **polysemically**, as markers that may be homonymous with the proper possessive but are synchronically independent?⁶

Indeed, this question has been addressed in several studies investigating similar data from other Uralic varieties. Several authors have argued for a monosemic approach, maintaining that (at least some) non-possessive functions can be subsumed under a basic, albeit underspecified, possessive meaning of establishing a relation between two referents [Fraurud 2001; Nikolaeva 2003; Simonenko 2017]. More recently, however, four studies [É. Kiss 2018; É. Kiss, Tánzos 2018; Halm 2018; and Logvinova 2019 on Chuvash (< Turkic)] have taken a polysemic stance, arguing that the non-possessive functions they investigated are in fact **distinct markers grammaticalized from proper possessive suffixes**.

The central claim of this paper is that each non-possessive function of the Kazym Khanty POSS.2SG exponent *-en/-an* must be treated polysemically, as an independent marker. To argue for this claim I develop diagnostics that aim to test whether a non-possessive function shows the same morphophonological, morphosyntactic, semantic, and pragmatic behavior as the proper possessive function, as would be expected under a monosemic approach. Using these diagnostics, I show that the associative possessive (2), the salient article (3), and the proprial article (4) **observe different behavior than the proper** POSS.2SG with respect to several parameters. I develop an analysis within the framework of Distributed Morphology [Halle, Marantz 1993] to model this behavior, which allows us to cover the differences between these functions while also accounting for their similarities. Thus, I argue that these functions are **unpossessive markers** that are homonymous with the proper possessive but are synchronically distinct from it.

To set up the context for the argument, I formulate an explicit model of the syntax, morphophonology, and semantics of possessive agreement markers in § 2. In § 3, I discuss some monosemic approaches to data of other Uralic varieties and contrast them with the polysemic treatments by É. Kiss & Tánzos, Halm, and by Logvinova on Chuvash. This discussion leads to the development of diagnostics for unpossessive markers (unpossessives) in § 4.

In sections § 5–7, I apply the unpossessive diagnostics to the associative possessive, the salient article, and the proprial article, arguing that these functions qualify as unpossessives.

In § 8.1, I present an analysis of the four markers within DM using the mechanism of allosemy [Wood 2015; Myler 2016, a.o.], and in § 8.2, I follow it up with an argument for allosemy from the normal workings of grammaticalization based on [Bisang et al. 2020a].

The main results are summarized in § 9 with an outlook for future research.

The rest of this section introduces Kazym Khanty in more detail and provides basic information on its possessive construction and the methodology employed in this study.

1.1. Kazym dialect of Northern Khanty

Northern Khanty is a Uralic language of the Khantyic branch spoken in areas by the Ob’ river and its tributaries in the Yamal-Nenets and Khanty-Mansi Autonomous Regions of the Russian Federation [Kaksin 2010]. It is undergoing language shift with less than 10,000 speakers remaining⁷. Semistructured interviews with some 50 Khanty respondents from the Kazym and Juil’sk villages (Beloyarsky district), Khanty-Mansiysk, and Beloyarsky show that only people born before the 1980s speak the language, while the younger generations generally do not [Aristova 2023].

The data presented in the article come from my fieldwork with speakers of the Kazym dialect residing in Kazym, conducted from 2018 to 2023, during joint field trips of the School of Linguistics (HSE University) and

⁶ I use the term *marker* loosely to pick out a three-way correspondence between a phonological exponent, a semantic denotation, and a syntactic terminal, see § 2 for theoretical motivation. The distinction between *polysemy* and *homonymy* is, of course, a thorny and theory-dependent issue. Moreover, these two notions do not play a role in the formal analysis developed in § 8. Informally, it is safe to understand *polysemic* as “requiring more than one sense / lexical entry” and *homonymous* as “same in form, but not in meaning”.

⁷ According to the Russian Census of 2010 [Koshkareva 2016].

the Department of Theoretical and Applied Linguistics (Lomonosov Moscow State University) in 2018—2019 and 2021—2022 under Svetlana Toldova and Alexey Kozlov. The data were collected via context-based semantic elicitation [Matthewson 2004] using Russian and Northern Khanty stimuli with Russian as the metalanguage. The consultants were presented with contextualized stimuli and asked for acceptability judgements regarding particular forms in contexts. Each judgement reported in this article was taken from at least three and at most ten consultants. Overall, thirteen consultants participated in the elicitation. Eight consultants were women, five were men, and they ranged from fifty to seventy-seven years old. All consultants were sequential bilinguals with Russian acquired in school or shortly prior to school. Two consultants acquired Northern Khanty simultaneously with Komi Zyrian. All consultants were born and raised in Kazym dialect-speaking areas, except for one consultant native in the Obdorsk dialect who learned the Kazym dialect in school. All consultants were aware of the goals of this study and were paid for their participation.

1.2. Adnominal possessive construction

Example (5) illustrates the basic adnominal possessive construction of the Kazym dialect of Northern Khanty. The possessor is unmarked and precedes the head noun which is marked with a possessive agreement suffix indexing the possessor's person-number features. The possessor may also be expressed as a null pronoun, *pro*.

- (5) *näj kät'-en moš-λ*
 you.SG cat-POSS.2SG purr-NPST[3SG]
 'Your cat purrs.'

Possessive suffixes distinguish three persons and three numbers (singular, dual, and plural) of the possessor [Kaksin 2010]. This is further discussed in § 2.2.1 where the possessive paradigm is presented in Table 1.

With possessed nouns instead of the regular dual and plural number markers (*-ηən* [DU] and *-ət* [PL]), special possessed number allomorphs appear (*-ηəl* [DU] and *-λ* [PL]) and they trigger morphophonological alternations in possessive markers.

Possessive markers cannot be stacked, even if the second marker is used in a non-possessive function, for example, **amp-em-en* [dog-POSS.1SG-POSS.2SG] (int.) 'my aforementioned dog'.

With lexical (*i.e.*, non-pronominal) possessors, possessive marking may be absent: *waśaj-en amp/amp-λ* [V.-POSS.2SG dog/dog-POSS.3SG] 'Vasya's dog'. According to preliminary data [Muravyev et al. 2023; 2024], **the presence of possessive marking in such constructions is dependent on the status of the possessor as Proximate or Obviative** (*cf.* [Nikolaeva, Bárány 2019])⁸. In what follows, I only consider instances of pronominal or null *pro* possessors which obligatorily trigger possessive agreement: *ληw/∅_{3SG} amp-*(λ)* [(s)he/*pro*.3SG dog-POSS.3SG] 'his/her dog'.

In the next section, I introduce my theoretical assumptions. I intend the framework sketched there to put the argument made in the following sections on a more solid footing, but I believe that the argument in its general form is relevant across theoretical frameworks (and object languages). For this reason, I advise readers more interested in the empirical side of my argument and less inclined to delve into the theoretical technicalities to skip ahead to section 3.

2. Theoretical assumptions

My analysis is couched in Distributed Morphology (DM; [Halle, Marantz 1993]), a non-lexicalist approach to morphology based on the generative Y-model of grammar (see Figure 1 below). DM assumes a syntactic component that builds both word-level and phrase-level hierarchical structures, with Late Insertion of phonological and semantic content.

The derivation of a sentence starts in the narrow syntax where syntactic terminals (heads) from a lexicon called List 1 are assembled into structures via two operations: Merge, combining two syntactic units into a larger syntactic unit, and Agree, copying syntactic features from a unit onto another unit. The heads are devoid of phonological and semantic content [Bobaljik 2017]. Other details of the syntax I assume are pretty much the same as in [Preminger 2014; Longenbaugh 2019; Newman 2021]. In particular, I assume that **syntactic operations are obligatory** but fallible (more on this below).

⁸ In languages with obviation (*e.g.*, [Aissen 2001]), third-person nominals within a clause are subdivided into the Proximate and Obviatives. The Proximate is a syntactically privileged, prominent third person participant, as compared to the Obviatives. [Muravyev et al. 2023] hypothesize that only Proximate lexical possessors trigger possessive agreement in Kazym Khanty.

Merge is driven by Merge features. For instance, [\cdot D \cdot] on a head X triggers the Merge of a D element to X, e.g., a D(eterminer)P(hrase) (using the notation from [Heck, Müller 2007]). Agree is driven by agreement probes on heads, e.g., [\cdot]_{<pers-num>} on a head X triggers Agree with an element bearing person-number features (ϕ -features) in X's c-command domain, following Preminger [2014]. Merge/Agree features that failed to be saturated at the head level (X) project to the phrasal level (X') and trigger Merge/Agree once more [Adger 2003; Béjar, Rezac 2009].

After a syntactic structure is assembled, it is spelled out to the semantic and (morpho)phonological levels (interfaces; Figure 1). Heads are mapped onto semantic denotations and phonological exponents via rules from two lists: the syntax-phonology mapping, Vocabulary (a.k.a. List 2), and the syntax-semantics mapping, Encyclopedia (a.k.a. List 3).

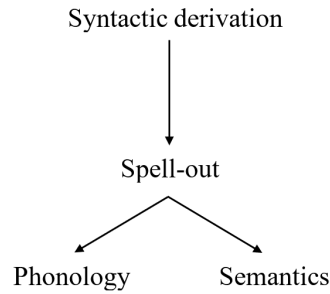

Figure 1. Y-model of grammar (based on [Bobaljik 2017])

Note that in this approach it does not make sense to speak of a single lexical entry for a morpheme or a word, since the lexicon is divided into three lists. This leads to the expectation of one-to-many correspondences between heads and phonological exponents, on the one hand, and between heads and denotations, on the other hand. The former case is allomorphy whereby a single morpheme is exponed by different allomorphs depending on its structural context. The latter case is allosemy, recently explored for functional heads in a DM-based setting by Wood [2015], Myler [2016], Wood and Marantz [2017], and Kasenov [2023], whereby a head is assigned different denotations depending on its (syntactic or semantic) structural context. Both types of syntax-interface correspondence play a significant role in my analysis.

2.1. Syntax of possessives

As is standard in syntactic literature on Uralic possessives (e.g., [Dékány 2021]; cf. [Myler 2016]), I assume that possessives head a separate projection in the nominal functional sequence. This projection is called Poss(essive)P(hrase), it takes another nominal projection (NumP) as its complement and introduces the possessor DP as its specifier.

Evidence from the order of nominal modifiers and the order of suffixes in the nominal wordform in Northern Khanty points to PossP being higher than Num(ber)P(hrase) and lower than another functional projection, which for the sake of convenience I will call DP (6). I assume that the DP from (6a) has the structure in (6b).

- (6) a. (adapted from [Pleshak 2018: (6)])
tām ma χθλəm puχ-λ-am armija-ja mǎn-s-at
 this I three son-PL-POSS.1SG army-DAT go-PST-3PL
 ‘These three sons of mine joined the army.’⁹
 b. [_{DP} tām [_{POSSP} ma [_{NumP} χθλəm [_{NP} puχ] -λ] -am] D]

Poss attaches to NumP and takes a possessor DP as its specifier which is achieved with [\cdot Num \cdot] and [\cdot D \cdot] features on Poss (7)¹⁰. It also bears an agreement probe.

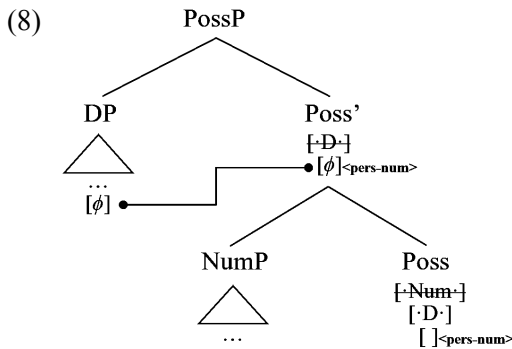
(7) Feature makeup of a proper Poss

Poss: [\cdot Num \cdot][\cdot D \cdot][\cdot]_{<pers-num>}

⁹ An anonymous reviewer asks under what conditions plural marking is possible in a numeral-noun construction in Kazym Khanty, since this is generally considered impossible in Ugric languages. Pisarenko [2024: 46] notes that, although relatively uncommon, this pattern is observed with definite subjects. My impression is that (un)possessive marking is also needed for the head noun to be marked plural in the presence of a numeral, not just pragmatic definiteness.

¹⁰ For simplicity's sake, I assume, following [Müller 2010], that Merge features are ordered so that (7) requires the NumP complement to be merged first and the DP specifier second. See [Newman 2021] for pertinent discussion.

This results in the following structure for the Northern Khanty PossP (8). Saturated Merge features are given with a strikethrough and omitted in higher nodes, Agree is represented with a line with bullets.

With these assumptions in place, we may already account for the fact that Kazym Khanty (un)possessives are in mutual complementary distribution (§ 1.2). This suggests that all (un)possessives occupy the same functional projection, Poss. The technical implementation goes as follows. Proper possessives cannot stack on top of other (un)possessives because they do not host [-Poss-] (7). The same is assumed to hold for the other three unpossessives. (See § 3.2 for possessive stacking in other Uralic languages.)

Finally, let me note that following Preminger [2014], I assume that Agree may fail to find a suitable goal for the probe which, however, does not crash the derivation. This yields a default agreement marker (*e.g.*, 3SG) or a zero exponent on the surface cross-linguistically, and this may occur with different kinds of agreement probes. I assume that this is exactly what happens in Kazym Khanty with an Obviative lexical possessor (as briefly noted in § 1.2 and fn. 8): *waśaj-en^{obviative} amp* [V.-POSS.2SG^{obviative} dog] ‘Vasya’s dog’. The possessive probe requires a Proximate goal, but neither the head noun nor the Obviative possessor is Proximate. Hence, Agree fails and the head noun surfaces unmarked¹¹.

2.2. Spelling out possessives

2.2.1. Morphophonology

One important feature of DM is underspecification of rules. Consider, for instance, the difference between the two number-conditioned POSS.2SG allomorphs:

- (9) Poss[2SG] ↔ -an
 Poss[2SG] ↔ -en / Num[SG]__

In (9), *-en* is specified as the allomorph that is inserted in the context of singular number (on the head noun), while *-an* is underspecified in terms of its context of insertion which makes it an elsewhere exponent of Poss₂SG. This is based on the principle that the rule that applies is the rule that matches the context of insertion the best [Bobaljik 2017: (11)–(12)]. Rules in (9) thus reflect that *-an* will only be inserted with dual and plural head nouns (see Table 1). The rest of the paradigm can be dealt with similarly. (Note the syncretisms in this paradigm.)

In § 1.2, I noted that with lexical possessors the head noun sometimes appears without a possessive. I assume that in such cases the possessor is Obviative and the possessive probe only “sees” Proximate possessors¹². So with Obviative possessors, the probe fails to find any suitable goal and gets sent to the interfaces unvalued: Poss₁. This in turn is spelled out simply as zero, leading to the assumption that the elsewhere exponent is \emptyset . See rule (10o) in the List 2 mapping (**Vocabulary Insertion**) rules for the proper possessive below.

- (10) Vocabulary Insertion rules for the proper possessive

- a. Poss[1SG] ↔ -am
- b. Poss[1SG] ↔ -εm / Num[SG]__
- c. Poss[2SG] ↔ -an
- d. Poss[2SG] ↔ -en / Num[SG]__
- e. Poss[1DU] ↔ -əməŋ

¹¹ For a detailed proposal to Kazym Khanty possessive agreement along these lines, see [Masliukov 2024].

¹² The exact details of how this should be implemented must be developed on another occasion since the syntax of possessive agreement is not our direct concern.

- f. Poss[1DU] ↔ -εmən / Num[SG]__
 g. Poss[1PL] ↔ -əw
 h. Poss[1PL] ↔ -ew / Num[SG]__
 i. Poss[3SG] ↔ -əλ / Num[SG]__
 j. Poss[3PL] ↔ -eλ / Num[SG]__
 k. Poss[3] ↔ -aλ / Num[PL]__
 l. Poss[3] ↔ ∅ / Num[DU]__
 m. Poss[3DU] ↔ -ən
 n. Poss[2] ↔ -ən
 o. Poss ↔ ∅

Table 1. Possessive suffixes of Kazym Khanty (field data)¹³

Possessor	Possessee		
	SG	DU	PL
1SG	-εm -POSS.1SG	-ηəλ-am -DU-POSS.1SG	-λ-am -PL-POSS.1SG
2SG	-en -POSS.2SG	-ηəλ-an -DU-POSS.2SG	-λ-an -PL-POSS.2SG
3SG	-əλ -POSS.3SG	-ηəλ -DU-POSS.3SG	-λ-aλ -PL-POSS.3SG
1DU	-εmən -POSS.1DU	-ηəλ-əmən -DU-POSS.1DU	-λ-əmən -PL-POSS.1DU
2DU	-ən -POSS.2NSG	-ηəλ-ən (-ηəλ-an) -DU-POSS.2NSG	-λ-ən -PL-POSS.2NSG
3DU	-ən -POSS.3DU	-ηəλ-ən (-ηəλ) -DU-POSS.3DU	-λ-ən (-λ-aλ) -PL-POSS.3DU
1PL	-ew -POSS.1PL	-ηəλ-əw -DU-POSS.1PL	-λ-əw -PL-POSS.1PL
2PL	-ən -POSS.2NSG	-ηəλ-ən (-ηəλ-an) -DU-POSS.2NSG	-λ-ən -PL-POSS.2NSG
3PL	-eλ -POSS.3PL	-ηəλ -DU-POSS.3PL	-λ-aλ -PL-POSS.3PL

A few remarks are in order about the various decisions made in (10). Rules (10a—h) are entirely parallel to (9). Rules (10i—l) account for the syncretism found between POSS.3SG and POSS.3PL with dual and plural head nouns by underspecifying the conditions of insertion to simply [3]. (This rule will not apply with [3DU] since it has a more specific exponence rule (10m).) A similar simplification is made in (10n) for POSS.2DU and POSS.2PL which are fully syncretic (unlike POSS.2SG)¹⁴.

I must note that I do not intend (10) as the best imaginable analysis of the proper possessive's morphology. Rather, this is an illustration of what a DM analysis might look like, with a level of sophistication sufficient for our purposes. Perhaps, a more involved analysis could account for more syncretisms in the paradigm in Table 1, but I set it aside in the current paper primarily for space reasons.

2.2.2. Semantics

As for semantics, I will assume with [Vikner, Jensen 2002; Partee, Borschev 2003; Karvovskaya 2018] that the basic semantic contribution of an adnominal possessive construction consists in adding to the head noun predicate a possessor and an “inherent” relation that the referent of the head noun stands in to the possessor. In-

¹³ The parenthesized allomorphs are preferred by a small number of my consultants. This interspeaker variation is ignored in what follows and only the more widely used allomorphs (without parentheses) are considered. I thank Daniil Burrov (p.c.) for verifying and correcting some datapoints in this paradigm and for helpful discussion.

My field data differs significantly from the possessive paradigm provided in Kaksin's [2010] grammar sketch and not all differences are due to the different transcriptions adopted. My data is very close to the paradigms provided by [Sipos 2022]. There seem to be minor differences with Sipos's consonant stem paradigm.

¹⁴ I am grateful to Alexandra Shikunova (p.c.) for discussing possible analyses with me.

herent relations are stereotypical relations derived from the semantics of the head noun (see [Karvovskaya 2018: § 2.3] and the other papers cited), they are contrasted with “free” relations which are not restricted in this way and may be derived from context.

Thus, I give the proper possessive the denotation in (11), stated as a List 3 mapping (**Sense Insertion**) rule. (I assume a formal semantic system like [Heim, Kratzer 1998].)

(11) Sense Insertion rule for the proper possessive (based on [Karvovskaya 2018: 62])

$[[\text{Poss}]] \leftrightarrow \lambda P_{\langle e,t \rangle} \lambda x_e \lambda y_e. \text{POSS}(x, y) \ \& \ P(y)$
 where POSS is a stereotypical P-based relation

In prose, the proper possessive modifies the complement nominal by adding information about a POSS-relation and a possessor (x) that stands in this relation to the referent of the nominal (y). The details of further semantic composition need not concern us here. What is important is that (11) is more or less a basic possessive modifier denotation: it further restricts the extension of the nominal, but it does not determine its reference (cf. [Coppock, Beaver 2015]; see § 6 for evidence that this is so). On the other hand, the unpossessives dealt with below all determine the reference of the nominal they attach to (see sections 6–7).

3. Previous research

3.1. Against the “definiteness idea”: monosemic approaches

It has long been observed in the Uralic descriptive literature that Uralic possessives may figure in contexts reminiscent of definite articles (e.g., [Collinder 1957]; see [Nikolaeva 2003] for other references). The idea is essentially that in such functions a possessive is in fact a kind of definite article. Under standard conceptions of definiteness [Heim 1991; Coppock, Beaver 2015; König 2018], this would mean that it presupposes uniqueness and familiarity of the DP referent and is obligatory where these presuppositions are satisfied.

More recently, however, several studies [Nikolaeva 2003; Fraurud 2001, a.o.] have specifically argued against this idea and instead suggested that (some of) the non-possessive functions should be treated monosemically, as stemming from some basic possessive meaning.

Nikolaeva [2003] observes that apart from POSS.3SG and POSS.2SG (12), POSS.1SG markers may also be used non-possessively, specifically, as associative possessives. This is problematic for the definiteness account as it is not clear how the choice of person-number is conditioned. If a possessive truly grammaticalized into a definite article of the kind familiar from European languages, it would not be expected to vary in person-number features.

(12) Obdorsk dialect of Northern Khanty (adapted from [Nikolaeva 2003: 137])

wanta tām mašinaj-en jowra mǎn-əs
 look this car-POSS.2SG awry go-PST[3SG]
 ‘Look, that car went awry.’

(13) (adapted from [Nikolaeva 1999: 83])

ma iši taxa:j-e:m-na il ko:ri-s-əm
 me same place-POSS.1SG-LOC down fall-PST-1SG
 ‘I fell down in the same place [lit.: at the same my place].’

Instead, Nikolaeva [2003] proposes that Uralic possessives may describe a presupposed **associative relation** between two entities. This results in many familiar referents being marked with possessives as they may frequently be associated either with another referent in the narrative, as in (13) where the speaker has previously been said to have fallen in this place, or to the speech setting via the addressee, as in (12) where “the car is ‘yours’ because I am talking to you about it” [ibid.: 137]. The possessives are not obligatory in these functions, unlike European definite articles, indicating a lower degree of grammaticalization, if any at all.

Furthermore, according to [Fraurud 2001: 254], some work on Proto-Uralic suggests that definite article-like functions were present already at that stage¹⁵, which also speaks against these functions being a result of grammaticalization.

While a detailed critical overview of the existing monosemic approaches available on the market is certainly a worthwhile enterprise, for the purposes of the present paper it is enough to discuss the general **monosemic prediction** that all of them make (given reasonable background assumptions)¹⁶.

¹⁵ However, see Fraurud’s paper for reasonable skepticism and references for this claim.

(14) Monosemic prediction

Non-possessive functions of a possessive must observe the same morphophonological, syntactic, semantic, and pragmatic properties as the proper possessive function of this marker. Any differences must receive an independent explanation.

If the monosemic approaches are on the right track, then it should be the case that the possessive markers they aim to account for are consistent in their morphosyntax, semantics, and pragmatics across functions. In terms of our framework (§ 2), this means that the functions correspond to a single syntactic terminal (Poss), semantic denotation ([Poss]), and set of exponents (Vocabulary Insertion rules like (10)) — this is the deeper reason for the same surface properties observed according to (14).

Consider, for example, the article-like function of the Komi POSS.3SG marker in (15) (Izhma dialect; Permian group). In this example, it would appear that the marker does not carry its possessive meaning but rather seems, like the English definite article, to be marking a globally unique entity.

(15) Izhma dialect of Komi (adapted from [Simonenko 2017: 428])¹⁷

šondy-(ys) źeb-s'-i-s*
 sun-POSS.3SG set-DETR-PST-3SG
 ‘The sun has set.’

The monosemic approach must claim that this seemingly divergent semantic behavior is derivable from the basic possessive meaning. For instance, the possessive marker links the referent to the whole world which acts in place of a more prototypical possessor [Fraurud 2001]. Fraurud suggests that possessives differ cross-linguistically in whether they admit abstract possessors of this kind. However, it seems that none of the monosemic proposals on the market provide independent evidence for the availability of such abstract possessors or, for that matter, an explicit account of how such an abstract possessor enters the derivation to compose with a possessive deriving the correct reading.

There is, I believe, yet a tougher challenge for monosemic approaches, namely, the morphophonological and morphosyntactic divergence of non-possessive functions from the proper possessive one. As far as I am aware, the proponents of monosemic approaches have not yet considered data of this kind.

In what follows, we will see that the challenge offered by such data proves insurmountable to monosemic approaches as it stands in stark contradiction to the monosemic prediction (14).

3.2. For polysemic approaches

Recently, four papers [É. Kiss 2018; É. Kiss, Tánčzos 2018; Halm 2018; Logvinova 2019] have adduced data from morphosyntax, taking a polysemic stance on several possessive markers and investigating their synchronic distribution and diachronic development.

Thus, É. Kiss and Tánčzos (2018) analyze the three functions of the Udmurt *-jez* marker: cross-referencing a possessor, encoding partitive specificity, and marking specific objects. They argue that the latter two functions are synchronically independent from the proper possessive function of the marker and represent subsequent stages of a grammaticalization path. In another paper [É. Kiss 2018], it has been shown that grammaticalization along the same path had taken place in Hungarian with two partitive markers developing from a POSS.3PL and a POSS.3SG possessive.

The crucial arguments for the independence of these non-possessive functions in Udmurt are based on two observations. Firstly, the partitive *-jez*, used as a nominalizer, **does not agree in person-number features** with the supposed possessor. Thus, in (16b) with a plural possessor, it is expected that the POSS.3PL marker *-zy* will be used, but in the case of an elided head noun the *-jez* marker is used instead, clearly not agreeing in number with the possessor (‘boys’). Similarly, in (17), there is an agreement mismatch with a first-person singular possessor, suggesting that *-jez* here is not a possessive agreement marker.

(16) Udmurt (adapted from [É. Kiss, Tánčzos 2018: 736])

a. <i>Ivan-len gurt-ez</i>	→ <i>Ivan-len-ez</i>
Ivan-GEN village-POSS.3SG	Ivan-GEN-POSS.3SG
‘Ivan’s village’	‘that of Ivan’

¹⁶ See also the discussion of monosemic studies in [É. Kiss, Tánčzos 2018: 239—240].

¹⁷ Here and below * marks ungrammaticality and # marks infelicity. % indicates that some speakers accepted the marked expression, but others did not. An asterisk (*) outside of brackets *(X) indicates that omission of the bracketed material results in ungrammaticality and vice versa for (*X). The same holds for other acceptability signs.

An anonymous reviewer suggested some corrections to the Izhma dialect transcription in (15) which I have adopted.

- b. *pi-os-len gurt-zy* → *pi-os-len-ez*
 boy-PL-GEN village-POSS.3PL boy-PL-GEN-POSS.3SG
 ‘the boys’ village’ ‘that of the boys’

(17) (adapted from [ibid.]

- Ta-iz solen mašina-jez, noš ta-iz mynam — ojdo mynom*
 this-POSS.3SG that.GEN car-POSS.3SG but this-POSS.3SG I.GEN PTCL go.FUT.1PL
mynam-en-yz
 I.GEN-INS-POSS.3SG
 ‘This is his car, and that is my one — let’s go with my one!’

Secondly, a restricted class of nouns triggers the *-yz* allomorph of the proper possessive *-jez* (*Saša-len puny-jez* [S.-GEN dog-POSS.3SG] ‘Sasha’s dog’, but *Saša-len ki-yz* [S.-GEN hand-POSS.3SG] ‘Sasha’s hand’), but **the accusative *-jez* does not use the special allomorph with these nouns** (although it does use it with plurals just like the proper possessive)¹⁸. Thus, in (18) an accusative-marked ‘hand’ receives the *-jez* allomorph, while a POSS.3SG-marked ‘hand’ receives the *-yz* allomorph. This clearly shows that the two markers are morphophonologically distinct. In our terms from § 2, they have different Vocabulary Insertion rules, as sketched in (19).

(18) (adapted from [ibid.: 738])

- a. *Šekyt ki-jez operirovat’ karyny*
 hard hand-ACC to.operate make.INF
 ‘It is hard to operate the hand.’
 b. *Solen ki-yz čeber*
 she/he:GEN hand-POSS.3SG nice
 ‘His/her hand is nice.’

- (19) a. Poss[3SG] ↔ *-jez*
 b. Poss[3SG] ↔ *-yz* / { $\sqrt{\text{HAND}}$, ...} ___
 c. Case[ACC] ↔ *-jez*

These observations lead É. Kiss and Táncczos to treat these functions as independent from the proper possessive *-jez*, since if the markers used in (16), (17), and (18a) were instances of the proper possessive, they would be expected to observe the same morphosyntactic and morphophonological properties as in the proper possessive function, which is not the case.

Finally, it is interesting to observe that the Udmurt accusative case unpossessive may combine with proper possessive morphemes, including the POSS.3SG *-jez* that it grammaticalized from.

- (20) a. (adapted from [ibid.: 735])
*Mon Saša-leš agaj-z-e utčaj*¹⁹.
 I Sasha-ABL brother-POSS.3SG-ACC search.PST.1SG
 ‘I searched for Sasha’s brother.’
 b. [_{CaseP} [_{PossP} Saša-leš [_{NP} agaj] -z] -e]

Here, both the POSS.3SG possessive and the accusative undergo morphophonological alternations, so that the former surfaces as *-z* instead of *-jez* and the latter as *-e* instead of *-jez*. (Thus, we have another instance where the accusative unpossessive shows distinct allomorphy.) The fact that **possessive stacking** of this sort is possible with the accusative unpossessive further shows that it is independent from the proper POSS.3SG: it occupies a separate slot of the nominal morphological template. In present terms, this suggests that the accusative *-jez* occupies a distinct nominal projection above Poss (*cf.* § 2.1), for instance, Case as sketched in (20b), and it is subject to Poss-conditioned allomorphy. See [Logvinova 2019] for similar observations on the third-person possessive in the Maloe Karachkino dialect of Chuvash (< Turkic) which also shows different allomorphy, allows for possessive stacking, and does not exhibit agreement in non-possessive functions (with nominalized adjectives and partitive-specific / anaphorically accessible referents).

Another paper proposing a polysemic view on a non-possessive function of a possessive is [Halm 2018] who investigates the negative affective demonstrative (NAD) function of the Hungarian POSS.3SG (21).

¹⁸ Apart from plurals, É. Kiss and Táncczos [2018: 734] also list the instrumental, elative, translative, and egressive case endings as contexts triggering the *-yz* allomorph. Presumably, this is the reason for the partitive *-jez* surfacing as *-yz* in (17).

¹⁹ The possessor of the direct object is assigned ablative case instead of genitive [É. Kiss, Táncczos 2018: 735].

(21) Hungarian (adapted from [ibid.: 362])

A hülyé-je!
 the stupid-POSS.3SG
 ‘That total idiot!’ [lit. ‘its stupid’]

According to Halm, NAD is not possessive since **there is no possessor present**²⁰. Even a null *pro* possessor cannot be assumed here since there is no anaphorically or deictically available antecedent for it [ibid.: 362].

Furthermore, NAD behaves syntactically like a demonstrative in that (i) **it is in complementary distribution with the other demonstratives** (22) and (ii) it obligatorily requires a definite article like the other demonstratives.

(22) (adapted from [ibid.: 364])

Hallottad, hogy {az a marha / a marhá-ja /
 heard that_{COMP} that_{DEM} the cow / the cow-POSS.3SG /
 **az a marhá-ja} már megint mit csinált!?*
 that_{DEM} the cow-POSS.3SG yet again what did
 ‘Have you heard what that fool has done again!’

Based on these observations, Halm [ibid.: 387] proposes that NAD was reanalyzed as a Det(erminer) head. This explains its complementary distribution with other demonstratives, which are assumed to initially Merge in the same projection (*cf.* [Dékány 2021: § 3.2.2; also compare § 2.1] of the present paper).

Morphosyntactic evidence of the kind adduced in [É. Kiss 2018; É. Kiss, Tánzos 2018; Halm 2018; Logvinova 2019] presents very clear arguments in favor of treating non-possessive functions of several possessives as independent unpossessive markers. Building on these arguments, I formulate a set of unpossessive diagnostics that aim to test the monosemic prediction (14) in the following section²¹.

4. Unpossessive diagnostics

In this section, I formulate diagnostics for unpossessivehood, i.e., tests that diagnose a non-possessive function of a possessive marker as a synchronically independent marker. The diagnostics probe the similarity of morphophonological, morphosyntactic, semantic, and pragmatic properties of a non-possessive function to the proper possessive function of a marker. In case an instance of differing behavior of the former is found, it can be used to argue that this function is an independent unpossessive. Note that not having a proper possessive reading (at least, intuitively) is a pre-condition for being a candidate unpossessive. It is the correlation between a non-possessive function and a positive result on one of the diagnostics that provides grounds for arguing that it is an independent marker²².

In some diagnostics below I use *might* to show that an unpossessive does not have to differ from the proper possessive in all its properties to be considered independent. Where applicable, I mention in parentheses relevant examples from the above discussion. Together with the diagnostics, I state the implications of a positive result for the analysis in the current system (from § 2).

(23) Possessive allomorphy

- a. An unpossessive might have different morphophonology than the proper possessive, for example, in not having the full range of allomorphs available to the proper possessive or in having special allomorphs of its own (*cf.* (18), (20))
- b. *Analysis*: Different set of Vocabulary Insertion rules for the unpossessive (*e.g.*, (19)) which likely also means that it is represented by a distinct head in the syntax.

(24) Possessive stacking

- a. An unpossessive might have a different order in the nominal morphological template, meaning that:
 - i. An unpossessive might stack on a proper possessive or another unpossessive and vice versa (*cf.* (20));
 - ii. An unpossessive might be in a complementary distribution with another nominal modifier category (*e.g.*, demonstratives) (*cf.* (22)).

²⁰ This argument was also used in [Logvinova 2019: 109–110].

²¹ The current paper is limited to definiteness-based unpossessives, thus largely neglecting unpossessives with syntactic functions and potentially other types. For examples of syntactic unpossessives, see studies on the Chuvash [Logvinova 2019] and Udmurt [É. Kiss, Tánzos 2018; Serdobolskaya et al. 2019] POSS.3SG markers used for nominalizing modifiers in the absence of nominal heads.

²² See § 8 for a discussion of how negative results in the presence of some positive results should be treated.

- b. *Analysis*: Distinct syntactic category (e.g., Det) for the unpossessive. If it attaches outside the proper possessive, it appears higher in the nominal functional sequence. Complementary distribution with another nominal category helps establish the category of the unpossessive (cf. [Halm 2018: § 5.2]).

(25) Agreement mismatch

- a. An unpossessive might never vary in person-number features despite the actual features of the supposed possessor (cf. (16), (17)).
 b. *Analysis*: No agreement probe on the unpossessive.

(26) Explicit possessor

- a. An unpossessive might not allow an explicit DP-internal possessor under any conditions (cf. (21)).
 b. *Analysis*: No [\cdot D \cdot] Merge feature on the unpossessive²³.

Furthermore, I add two diagnostics that did not figure in the discussion above.

(27) Semantic implications

- a. An unpossessive might differ from the proper possessive w.r.t. to its presuppositions²⁴, for example, the unpossessive may trigger a uniqueness presupposition whereas the proper possessive does not. (cf. Hungarian NAD that is necessarily definite [Halm 2018: 364])
 b. *Analysis*: Different semantic denotation for the unpossessive that includes a presupposition not present in the proper possessive denotation.

I also add a pragmatic diagnostic that has not been considered in the studies surveyed above. It is relevant specifically in the case of POSS.2SG unpossessives considered in this paper.

The diagnostic is based on the idea that a possessive construction with a 2SG possessor must pragmatically compete with the same construction with a 1DU (1PL) possessor. An utterance of ‘your (SG) dog’ in a context where ‘our dog’ is not ruled out must generate a Q-implicature [Horn 2006] that ‘the dog is yours, but not ours’.

While this is expected of proper possessives, a nominal marked with an unpossessive POSS.2SG lookalike will not generate any such implicatures as it is not marked with a possessive affix and hence does not pragmatically compete with possessive-marked nominals.

(28) Pragmatic competition

- a. A 2SG unpossessive must not pragmatically compete with a 1PL possessive so that an utterance of *N-POSS.2SG* ‘your N’ with the unpossessive will never give rise to a Q-implicature that the alternative with the *POSS.1PL* is false (i.e., ‘your N, but not ours’).
 b. *Analysis*: Different semantic denotation for the unpossessive, making it irrelevant for competition of possessive-marked nominals.

I intend the diagnostics presented above to serve as universal tests for establishing which approach should be taken with a particular non-possessive function. I expect that with the addition of new data from unpossessive diagnostics, many of the existing monosemic treatments will have to be abandoned in favor of polysemic ones.

Below, I offer three case studies of non-possessive functions of the Kazym Khanty POSS.2SG exponents *-en/-an* where the unpossessive diagnostics provide crucial evidence for a polysemic treatment of the associative possessive, the salient article, and the proprial article.

5. Diagnosing Kazym Khanty POSS.2SG unpossessives

In §1, I introduced the four functions of the Kazym Khanty POSS.2SG exponent *-en/-an*: the proper possessive function, the associative possessive function, the salient article function, and the proprial article function.

²³ An anonymous reviewer wonders if this claim is too general, since the [\cdot D \cdot] feature may be saturated not by a possessor DP but by some determiner, for instance, by a demonstrative. In a system like [Newman 2021], this is indeed technically possible. This, then, makes it possible for an unpossessive to bear a [\cdot D \cdot] feature even though it does not admit a possessor DP, which might be due to semantic reasons. The upshot is that the analytical suggestion in (26b) might need to be revised to state instead that the unpossessive in question has a different semantic type than the proper possessive, a semantic type which is one type *e* argument short: e.g., $\langle\langle e, t \rangle, \langle e, t \rangle\rangle$ instead of $\langle\langle e, t \rangle, \langle e, \langle e, t \rangle \rangle\rangle$ (the type of the proper possessive in (11)). See § 8.1 for a specific proposal of this kind. There, however, I still assume that the unpossessive lacks [\cdot D \cdot], so its syntactic feature makeup and semantic type work in tandem to exclude possessor DPs. Pursuing here the interesting idea proposed by the reviewer would take us too far afield.

²⁴ Other implication types may also be relevant, for a taxonomy and relevant tests see [Tonhauser et al. 2013].

Equipped with the unpossessive diagnostics from § 4, we can now test the monosemic prediction (§ 3.1) for each function. Do they observe the same behavior as the proper possessive function? Below I argue that they do not.

For convenience, the predictions of a monosemic approach for each diagnostic are sketched in Table 2. (The differences in semantic implications are discussed in latter sections, where each of the markers is considered in more detail.) See Table 3 in § 7 for a summary of the actual results for each diagnostic, as discussed in the following sections.

Table 2. Predictions of a monosemic approach to each of the Kazym Khanty POSS.2SG functions w. r. t. the unpossessive diagnostics (§ 4)

	Proper possessive	Associative possessive	Salient article	Proprial article
A. Shows allomorphy of (I) ²⁵	—	Yes	Yes	Yes
B. Allows possessive stacking	No	No	No	No
C. Agrees with the Addressee in number	Yes	Yes	Yes	Yes
D. Admits an explicit possessor	Yes	Yes	Yes	Yes
E. Requires uniqueness (or other implications)	Yes/No	Same as (EI)	Same as (EI)	Same as (EI)
F. Competes with <i>-ew</i> [POSS.1PL]	Yes	Yes	Yes	Yes

5.1. Morphological diagnostics

The morphological diagnostics from [É. Kiss, Tánčzos 2018; Halm 2018; Logvinova 2019], possessive stacking and different allomorphy, are not relevant for Kazym Khanty.

As mentioned in § 1.2, possessive stacking is impossible regardless of the marker's function. Furthermore, all the morphophonological facts of the POSS.2SG exponent *-en* that I know of are consistent across all its functions. For instance, in all the functions the *-an* allomorph is used with plural (or dual) number marked nouns:

- (29) a. *an-λ-an*
 cup-PL-POSS.2SG
 'your cups / the cups [next to you]' (proper/associative possessive)
- b. *amp-λ-an*
 dog-PL-POSS.2SG
 'your dogs / the dogs' (proper possessive/salient article)
- c. *andrej-ηλ-an*
 A.-DU-POSS.2SG
 'your (two) Andrejs / Andrejs' (proper possessive/proprial article)

These morphological facts support the monosemic view: the markers behave the same in the non-possessive functions as in the proper possessive function. However, other diagnostics suggest that this view is not correct for Kazym Khanty.

5.2. Agreement mismatch

The proper possessive agrees in person-number features with the possessor. In the case of a plural (or dual) addressee, the POSS.2NSG marker *-ən* is used instead of *-en* [POSS.2SG].

The same holds for the associative possessive (30).

- (30) a. *waśa, soχλ-en mөηηχ-e*
 V. board-POSS.2SG wipe-IMP.SG>SG
 'Vasya, wipe the blackboard.'

²⁵ I use narrower descriptions of diagnostics in Table 2 for clarity, but the order of diagnostics is the same as in § 4. I suppress irrelevant parts of diagnostics that do not play a role in the following discussion.

Some of the data presented in this and the following two sections were discussed previously in [Mikhailov 2021a; 2021b; 2023]. In [Mikhailov 2021b] I argued for the independence of the salient article based on properties C, D, and F from Table 3 as well as for the independence of the POSS.3SG-lookalike partitive article, not discussed here. In [Mikhailov 2021a; 2023], I argued for the independence of the associative possessive. The current paper provides some additional data on both unpossessives, explicitly formulates the unpossessive diagnostics for the first time, and provides a formal analysis of the four markers discussed here.

- b. *nawrem-ət, soxλ-ən məŋx-a-λən*
 child-PL board-POSS.2NSG wipe-IMP-NSG>(N)SG
 ‘Children, wipe the blackboard.’

These data suggest that even if the associative possessive is synchronically independent from the proper possessive, it is still a possessive agreement morpheme. The same is not true of the salient article and the proprial article, however.

Examples (31)—(32) show that even with a plural addressee the two markers still appear as *-en*. The “agreeing” form with the POSS.2NSG marker *-ən* is infelicitous here: it results in a proper possessive interpretation as if the dog belongs to the children.

- (31) [A mother is telling her children: “I was walking along the street when I saw a dog.”]

amp-en/#-ən ma pɛλ-am-a χurət-ti pit-əs
 dog-POSS.2SG/-POSS.2NSG I at-POSS.1SG-DAT bark-NFIN.NPST become-PST[3SG]
 ‘The dog started barking at me.’

- (32) [Andrej is a caretaker in the kindergarten. The parents are going away for the weekend and they tell their children.]

nawrem-ət, nin wontər-en-ən/#-ən-ən lawəl-aj-əti
 child-PL, you.PL A.-POSS.2SG-LOC/-POSS.2NSG-LOC baby.sit[NPST]-PASS-2PL
 ‘Children, Andrej will look after you.’

These data suggest that the salient article and the proprial article are not possessive agreement morphemes themselves which distinguishes them from the two possessives.

5.3. Explicit possessor

The proper possessive admits an explicit DP-internal possessor (see § 1.2 and § 2.1). The other three functions, however, do not.

In (33) with an associative POSS.2SG marked cup, an explicit possessor is infelicitous. Adding it triggers a proper possessive interpretation (*i.e.*, ownership). (Although, see § 6.3 for a caveat.)

- (33) [A friend is over at the speaker’s place. There’s one cup on the table.]

(#nǎŋ) an-en mij-e
 you.SG cup-POSS.2SG give-IMP.SG>SG
 ‘Give me the cup.’

Consultant’s comment on *nǎŋ*: “It’s like ‘give me your cup, don’t touch grandma’s cup’, it should really be your cup”.

In (34) and (35) the same is shown for the salient article and the proprial article. Neither admits an explicit possessor. Given an explicit possessor, NPs with these markers are reinterpreted as proper possessive-marked (‘your dog/Andrej).

- (34) [Context from (31).]

(#nǎŋ) amp-en ma pɛλ-am-a χurət-ti pit-əs
 your dog-POSS.2SG I at-POSS.1SG-DAT bark-NFIN.NPST become-PST[3SG]
 ‘The dog started barking at me.’

- (35) *(#nǎŋ) wontər-en juχ šəp sewr-əs*
 you A.-POSS.2SG wood piece cleave-PST[3SG]
 ‘Andrej cleaved a log.’

This suggests that the markers used in (33)—(35) have different selectional restrictions than the proper possessive, a different syntax.

5.4. Pragmatic competition

Given standard neo-Gricean pragmatics (*e.g.*, [Horn 2006]), a second-person singular possessive is expected to compete in certain contexts with the first-person dual/plural possessive (28).

For the proper possessive function, the infelicity of POSS.2SG in a context where POSS.1PL is appropriate is demonstrated in (36). The use of POSS.2SG triggers the ‘yours, but not ours’ implicature just as expected.

(36) [Vasya tells his wife:]

χot_ λaηəλ-ew/#-en *pos-ijəλ*
house_roof-POSS.1PL/-POSS.2SG drip-FREQ[NPST.3SG]

‘(Our) roof is leaking.’

Consultant’s comment on *-en*: “Then it’s only his wife’s roof, this is wrong.”

The same is shown for the associative possessive in (37). The fact that the speaker and their friend are waiting for the kettle to boil licenses an associative POSS.1DU. An associative POSS.2SG, however, is degraded here as it suggests that only the addressee is associated with the kettle.

(37) [The speaker and their friend are sitting in the speaker’s kitchen, tired after a bath. They just put the kettle on fire and they wait for it to boil in silence. The speaker says:]

šajput-εmən/%-en *sora kawərm-əλ*²⁶
kettle-POSS.1DU/-POSS.2SG quickly boil-NPST[3SG]

‘The kettle is boiling quickly!’

Consultant’s comment on *-en*: “Is it the case that only he [the addressee] needs the kettle or was it only him who put the kettle on the stove?”

The picture is reversed for the salient article and the proprial article.

With the salient article (38), the POSS.2SG exponent is appropriate and does not trigger the ‘yours, but not ours’ implicature and a POSS.1PL is infelicitous as there are no grounds for claiming that the dog is ‘ours’. This suggests that the marker used in (38) is some semantically distinct marker that does not compete with other possessives.

(38) [Context from (31).]

amp-en/#-ew *ma pəλ-am-a* *χurət-ti* *pit-əs*
dog-POSS.2SG/-POSS.1PL I at-POSS.1SG-DAT bark-NFIN.NPST become-PST[3SG]

‘The dog started barking at me.’

With the proprial article (39), a POSS.1PL marker, accepted by some of my consultants, suggests that Andrej is a relative or friend of ours, *i.e.*, has a proper possessive meaning. The same is not the case for POSS.2SG used as a proprial article: in (39) Andrej need not be ‘your friend’ to receive POSS.2SG marking. And here again no ‘yours, but not ours’ implicature is observed.

(39) *wəntər-en/#-ew* *jwχ šəp sewr-əs*
A.-POSS.2SG/-POSS.1PL wood piece cleave-PST[3SG]

‘Andrej cleaved a log.’

Since the salient article and the proprial article do not pragmatically compete with other possessives, do not agree with the addressee in number, and do not admit an explicit possessor, it is safe to assume that they should be viewed as **unpossessive** markers.

Given that the two articles are independent from the proper possessive, maybe, one may still entertain the prospect of viewing **them** monosemically as **one** unpossessive marker, rather than two? This matter is picked up in § 7, where I argue that the two markers cannot be unified under a single denotation.

In the next section, we turn to further distinguishing the proper and the associative possessive that currently only differ in the availability of explicit possessors.

6. The proper possessive vs. the associative possessive

We saw above that the associative possessive differs from the proper possessive in its reluctance to admit an explicit possessor. In this section I add two more properties that distinguish the proper and the associative possessives: (i) the latter implies uniqueness of the NP referent, while the former does not; (ii) the former cooccurs with the epistemically nonspecific determiner *muləsər*, while the latter does not. Fact (i) is problematic for monosemic approaches since there are no obvious ways to derive this difference from independent sources. (Below I consider and reject a monosemic account that attributes this difference to IOTA-type shifting [Coppock, Beaver 2015].)

²⁶ In this example, a proper possessive POSS.1SG is also appropriate since the kettle belongs to the speaker. I thank Alexey Kozlov (p.c.) for suggesting this context.

Thus, I argue that the associative possessive is a distinct free possessive definite marker in the sense of [Partee, Borschev 2003]²⁷.

6.1. Uniqueness

One important observation concerning the associative possessive is that its use is obligatory in cases such as (40). Given a unique entity (such as the cup in (40)) that may be associated with another activated referent (such as the addressee in (40)) omitting it leads to infelicity.

(40) [A friend is over at the speaker's place. There's one cup on the table.]

an-#(en) mij-e
cup-POSS.2SG give-IMP.SG>SG
'Give me the cup.'

On the other hand, if the entity does not uniquely fit the NP description, an associative possessive is infelicitous (41).

(41) [Context from (40) with several cups.]

an-#(en) mij-a
cup-POSS.2SG give-IMP[SG]
'Give me a cup.'

Consultant's comment on *-en*: "[the addressee] will then ask 'Which cup do you mean?'".

The same is true of other person-numbers and is exemplified for POSS.1PL in (42)—(43). Example (44) shows that POSS.1PL is obligatory with the sun presumably via association with the speech community.

(42) [At the family dinner. There's a fish pie and other dishes on the table.]

ολαη-ελ-αν χυλ-αη ηαη-#(ew) λε-λ-ew
beginning-POSS.3SG-LOC fish-PROP bread-POSS.1PL eat-NPST-1PL>SG
'Let's eat the fish pie first.'

(43) [Context from (42) with several fish pies.]

ολαη-ελ-αν χυλ-αη ηαη-#(ew) λε-λ-ew
beginning-POSS.3SG-LOC fish-PROP bread-POSS.1PL eat-NPST-1PL
'Let's eat a fish pie first.'

(44) *χυλ-#(ew) εtm-ας*

sun-POSS.1PL appear-PST[3SG]
'The sun came out.'

Incidentally, this kind of uniqueness requirement is familiar from European definite articles [Coppock, Beaver 2015; König 2018; Schwarz 2019], which are also obligatory in contexts with unique referents and infelicitous with non-unique referents.

The obligatoriness of associative possessives with unique referents can be accounted for if one assumes that the uniqueness implication is a presupposition and a pragmatic principle such as *Maximize presupposition!* forces the use of presupposing expressions such as the associative possessive in all contexts where their presuppositions are satisfied. This is the strategy used to explain the English definite article's obligatoriness in uniqueness-implicating contexts in [Heim 1991; Coppock, Beaver 2015].

Judging from these data, I conclude that the associative possessive requires uniqueness. This, in turn, suggests that the associative possessive may present yet another definite marker type that differs from the other known types [König 2018; Schwarz 2019], a.o.) in also being a possessive marker, requiring a possessor (as discussed in § 6.3 below) and an associative relation salient in the context.

Importantly, **the proper possessive does not require uniqueness**, as the contradiction test from [Löbner 2011] shows below (45).

(45) [A child made a mess in the kitchen. Their parents tell them: "What a mess you made!"]

pāsān øxtij-ən nāj juntut-en ul, kør_λαηελ-αν nāj juntut-en ul,
table on-LOC you.SG toy-POSS.2SG lie[NPST.3SG] stove-LOC you.SG toy-POSS.2SG lie[NPST.3SG]

²⁷ A free possessive marker describes a possessive relation retrieved from the context. Unlike an inherent possessive, it is not restricted to prototypical possessive relations based on the head noun's denotation. See [Vikner, Jensen 2002; Partee, Borschev 2003; Karvovskaya 2018] for an in-depth discussion.

păsan ilpij-ən năŋ juntut-λ-an kerət'λ'-əλ-ət
 table under-LOC you.SG toy-PL-POSS.2SG lie.around-NPST-3PL

'There's a toy of yours on the table, [a toy of yours] on the stove, under the table your toys are scattered.'

If the proper possessive required uniqueness, example (45) would be contradictory, as the first sentence with the description *năŋ juntut-en* 'your toy' would attribute to the unique toy belonging to the addressee the property of being on the table and the second sentence would attribute it the property of being on the stove, while the third one would imply that there is a unique plural individual consisting of addressee's toys each of which is under the table. This is clearly contradictory. Since (45) is felicitous, the conclusion is that the proper POSS.2SG descriptions in (45) do not presuppose uniqueness.

This is quite unlike the behavior of the English Saxon genitive construction, as in *Mary's pet rabbit*, which presupposes uniqueness in argument positions but does not do so in a predicative position. Coppock and Beaver [2015] attributed this shifting behavior of the Saxon genitive to the IOTA-shift applying in the argument position but not in the predicative position²⁸.

However, the uniqueness difference observed between the Kazym Khanty associative possessive and the proper possessive cannot be attributed to the IOTA-shift applying to the former, but not to the latter, as it should apply to both equally in argument positions on the theory of Coppock and Beaver²⁹. Thus, I conclude that the uniqueness difference must be inherent to the semantics of the two markers which entails that the two markers are distinct.

This difference is fleshed out in the denotation of the associative possessive in (46), where a free possessive semantics [Partee, Borschev 2003] is combined with the standard semantics for definites using ι (see [Coppock, Beaver 2015] for a definition). Compare the proper possessive denotation from (11) which is restricted to inherent relations and is not definite.

(46) $[[\text{Assoc}]] \leftrightarrow \lambda P_{\langle e, \iota \rangle} \lambda x_e \iota y_e. R_i(x, y) \ \& \ P(y)$
 where R_i is a free relation picked up from the context

In prose, the associative possessive applies to a nominal as a combined modifier and determiner: (i) it adds information about a context-dependent relation (R_i) and a possessor (x) that stands in this relation to the referent of the nominal (y) and (ii) it returns this referent y while presupposing that that y is familiar and uniquely satisfies $R_i(x, y)$ and $P(y)$ (which is achieved by ι).

6.2. Non-definite determiners

Unlike the Saxon genitive, Kazym Khanty possessives are not incompatible with various determiner-like elements (determiners): *e.g.*, they combine with demonstratives (47) (repeated from (6a)).

(47) (adapted from Pleshak 2018: (6))
tăm ma χəλəm puχ-λ-am armija-ja măn-s-ət
 this I three son-PL-POSS.1SG army-DAT go-PST-3PL
 'These three sons of mine joined the army.'

Based on the above conclusion that the associative possessive requires uniqueness, one might expect associative possessive-marked nominals to be incompatible with any indefinite determiners.

While this paper is not the place to fully test this prediction, I note that it is confirmed for the case of *muləsər* 'some', the epistemically nonspecific determiner [Farkas, Brasoveanu 2019: 12]. In (48), the context only supports an associative possessive interpretation but due to the presence of *muləsər* possessive marking becomes infelicitous.

(48) [Context from (41) with several cups.]
muləsər an-(#en) mij-a
 some.EN cup-POSS.2SG give-IMP[SG]
 'Give me some cup [no matter which].'

²⁸ The IOTA-shift is one of the type-shifting operations that apply to predicate-type nominals (type $\langle e, \iota \rangle$) to yield argumental types (type e or type $\langle et, \iota \rangle$). Coppock and Beaver [2015: 378] describe it thus: "IOTA shifts a predicate into the unique satisfier of this predicate." See [ibid.] for details.

²⁹ An anonymous reviewer doubts that the DPs in (45) occur as arguments of the predicate. Instead, they suggest that "the sentences appear to be existentials and if so, the argumenthood of the phrase 'your toy' is questionable. It rather makes part of the predicate" (sic!). If I understand correctly, this suggestion implies pseudo-noun incorporation (PNI; [Dayal 2011]) of the subject DPs in (45). If so, we can safely rule this option out, since Tiutiunnikova (2024) has shown that Kazym Khanty only allows PNI of direct objects. Therefore, I contend that the DPs in (45) occupy the standard subject position and are interpreted as normal arguments, not as a part of the predicate.

The proper possessive, on the other hand, freely cooccurs with *mul̩sər* (49).

- (49) [The speaker is at a friend's place.]
mul̩sər an-en mij-a
 some.EN cup-POSS.2SG give-IMP[SG]
 ‘Give me any cup of yours.’

This contrast directly follows from the fact that the associative possessive is definite (46) and is thus incompatible with the indefinite *mul̩sər*, while the proper possessive is a mere modifier compatible with any determinacy as captured by the semantics proposed for it in (11).

6.3. Explicit possessor

One final observation concerning the associative possessive relates to the correlation between explicit DP-internal possessors and proper possessive interpretations (see § 5.3).

Contrary to the conclusion of § 5.3, the associative possessive **does admit** explicit possessors given sufficient context, *e.g.*, introducing a contrast on the possessor, as in (50) where two dogs are contrasted with respect to which possessor stands in an associative relation with them.

- (50) [“Both Petya and I have been attacked by a dog recently.”]
ma amp-em wera p̩l̩tap wə-s
 I dog-POSS.1SG very scary be-PST[3SG]
 ‘My dog was very scary. [But Petya’s dog even turned out to be rabid.]’

The proper description of the associative possessive’s syntax then is that it **disprefers** explicit possessors but does not rule them out entirely³⁰. The differences between the two markers will be summarized in Table 3 after we have distinguished the salient article and the proprial article in the next section.

7. The salient article vs. the proprial article

At this point, one may still entertain the hope of unifying at least some of the Kazym Khanty POSS.2SG non-possessive functions. To answer this worry, I show that the Kazym Khanty proprial article differs from the Kazym Khanty salient article exactly as the proprial article in English differs from the English definite article under [Muñoz 2019]’s analysis. Unlike the salient article, the proprial article is rigid [Kripke 1980] and so it may never vary in reference in the scope of world- or time-intensional operators (such as a modal verb or a frequency adverb).

7.1. Introducing the two markers

The two markers are illustrated below (with examples (51)–(52) adapted from § 1). These examples show that in either case omitting the marker results in infelicity. With the salient article, this gives rise to an anti-familiarity inference that some other dog is being talked about in the target sentence. With the proprial article, the unmarked form is simply barred.

- (51) [Context from (3).]
amp-#(en) ma p̩l̩-am-a χurət-ti pit-əs
 dog-POSS.2SG I at-POSS.1SG-DAT bark-NFIN.NPST become-PST[3SG]
 ‘The dog started barking at me.’
 Consultant’s comment on Ø: “Then it’s some other dog, not clear which.”

- (52) *wəntər-*(en) juχ šəp sewr-əs*
 A.-POSS.2SG wood piece cleave-PST[3SG]
 ‘Andrej cleaved a log.’

The obligatoriness of the two markers suggests an analysis in terms of *Maximize Presupposition!* as in § 6.1. A plausible hypothesis is that the salient article presupposes the existence of a unique referent and its salience in the context, while the proprial article presupposes the existence of a familiar referent bearing the name denoted

³⁰ This is probably due to information-structural restrictions on activated referents since Khanty is an extensive *pro*-drop language. I leave further exploration of this idea for another occasion.

by the proper noun (cf. Muñoz [2019]). (See [Mikhailov 2024] for a paper-length discussion of the salient article's semantics.)

The minimal pair in (53) shows that the salient article does not simply mark familiar referents, such as the only hospital of the Kazym village discussed in these examples, but it requires the referent to be salient (cf. [Barlew 2014] and fn. 3), and it is barred with non-salient focused referents (53b).

- (53) a. [“Does the hospital stand at the beginning of the village or in the middle of the village?”]
polhica-#(en) woš oləŋ-ən oməs-λ
 hospital-POSS.2SG village beginning-LOC sit-NPST[3SG]
 ‘The hospital stands at the beginning of the village.’
- b. [“What stands at the beginning of the village?”]
polhica-#(en) oməs-λ
 hospital-POSS.2SG sit-NPST[3SG]
 ‘The hospital stands [there].’

On the other hand, the proprial article does not appear to have similar restrictions since it does mark human names even when they are not salient. This is demonstrated in (54), repeated with adjustments from (32), where the context sets up an (implicit) question under discussion along the lines of “Who will look after the children while the parents are away?” Andrej is not salient here, as he was not mentioned in the preceding context, but he is still marked with the proprial article.

- (54) [Context from (32).]
ńawrem-ət, nin wontar-en-ən lawəλ-aj-əti
 child-PL, you.PL A.-POSS.2SG-LOC baby.sit[NPST]-PASS-2PL
 ‘Children, Andrej will look after you.’

7.2. The proprial article derives rigid DPs

7.2.1 Muñoz [2019] on English

Muñoz [2019] has argued that English names are marked with an unpronounced proprial article akin to those of the languages that use a dedicated morpheme for it (see the references in [ibid.]). Muñoz adopts the hypothesis that names denote predicates like common nouns do (type $\langle e, t \rangle$) and, thus, require a proprial article to become arguments. The proprial article makes a name rigid, returning the referent which is presupposed to bear the name at the world of use (making the DP type e). This does not happen in vocative and predicative positions since they do not require type e DPs, unlike argument positions.

Muñoz shows that proprial article-marked names, unlike names marked with the definite article, **cannot covary with a (modal or temporal) quantifier to denote different referents in different circumstances**. Consider (55) which is uttered in the context of a discussion among teachers: in (55a), the speaker claims that a particular student named Smith always cheats (the same student in different circumstances), while in (55b) the claim is that for every exam situation, the student named Smith cheats (possibly different students in different circumstances). This is because the definite article derives non-rigid DPs [Kripke 1980], while the proprial article derives rigid ones.

- (55) a. Smith always cheats.
 b. The Smith always cheats. [Muñoz 2019: 7]

7.2.2 Kazym Khanty data

The Kazym Khanty data seem to completely fit Muñoz's profile of the proprial article. Firstly, the proprial article is barred in vocative and predicative positions (56)–(57).

- (56) *maša / *mašaj-en, ow-en pənš-e*
 M. / M.-POSS.2SG door-POSS.2SG open-IMP.SG>SG
 ‘Masha, open the door.’
- (57) *ma λəχs-em nem-əλ l'oša / *l'ošaj-en*
 I friend-POSS.1SG name-POSS.3SG L. / L.-POSS.2SG
 ‘My friend's name is Liosha.’

Secondly, and most importantly, the proprial article derives rigid noun phrases, which is not the case for the salient article.

Thus, a salient article-marked DP such as the ‘dog’ in (58) may refer to different dogs in different circumstances. This is confirmed by the acceptability of the continuation given in curly brackets that implies different dogs.

- (58) *kašəŋ śos amp šiwałə-t-em-ən amp-en ma pəl-am-a χurət-λ*
 every hour dog see-NFIN.NPST-1SG-LOC dog-POSS.2SG I at-POSS.1SG-DAT bark-NPST[3SG]
 ‘Every time I meet a dog, the dog barks at me. {Sometimes it is a big dog, sometimes it is a smaller dog.}’

On the other hand, a proprial article-marked name cannot refer to different referents in different circumstances (59a). Instead, an unmarked name must be used to get a non-rigid reading of the DP. (Another option provided by one of my consultants was to use a common NP like *boy named Vasya* (59b).)

- (59) [“Every year we give a present to the 4th year student who gets the best grades.”]
 a. *kašəŋ ol mojləpsi wujl’ waśa / #waśaj-en*³¹
 every year present take[NPST.3SG] V. / V.-POSS.2SG
 ‘Every year the present is taken by a Vasya. {Last year it was Vasya Tas’manow and this year it’s Vasya Tarlin.}’
 b. *kašəŋ ol waśa nēm-əp hawrem śi mojləpsi wujl’*
 every year V. name-PROP child DEM present take[NPST.3SG]
 (Same as above.)

Thus, exactly as in English, the Kazym Khanty proprial article derives rigid DPs, while the salient article derives intensionally variable DPs.

Based on this difference and the fact that the proprial article has no salience restrictions (see above), I claim that the Kazym Khanty salient article and the Kazym Khanty proprial article are mutually independent and must be treated as distinct morphemes³². The differences are summarized in Table 3 in the next section.

8. Capturing the facts in DM

8.1. The analysis

So far I have made the following claims regarding the differences and similarities between the markers under discussion (see Table 3 for a summary of the empirical generalizations):

1. The two possessives (the proper possessive and the associative possessive) are semantically distinct but morphosyntactically largely equivalent.
2. The two articles (the salient article and the proprial article) are morphosyntactically different from the two possessives but similar to each other.
3. The two articles **are** different semantically.

The simplest possible story would claim that each marker is represented with a distinct Poss head subscripted with a distinguishing feature (*e.g.*, Poss_[Poss], Poss_[Assoc], Poss_[Sal], Poss_[Prop]) and, possibly, with further differences in the feature makeup. Each head would have a dedicated set of spell-out rules for both interfaces and that’s that.

³¹ An anonymous reviewer asks whether a focused agent is expected to require a passive construction in an example like (59a). In the Kazym dialect, a focused agent does not necessarily require a passive construction as documented by Muravyev, *e.g.*, in [Muravyev 2023]. In (59), the fact that the agent is animate, and the patient is inanimate is enough to maintain an active construction.

The reviewer also wonders about the validity of this example. This example was approved by three consultants, one of whom used the passive of the verb *māti* ‘to give’ instead. Another example demonstrating that proprial article-marked names cannot refer to different referents in different circumstances received the judgements of four more consultants. Overall, the judgements of seven different speakers of the Kazym dialect show that proprial article-marked names are indeed rigid as (59) is intended to show.

³² I forego spelling out a detailed semantics for the two markers. The interested reader is referred to [Mikhailov 2024] for a semantic analysis of the salient article and to [Muñoz 2019] for the proprial article. I expect that something along those lines would be appropriate for the two Northern Khanty unpossessives, which would mean that both have the type $\langle et, e \rangle$ (or something equivalent). Below, I give dummy denotations for the salient article and the proprial article using the labels $[[Sal]]$ and $[[Prop]]$ respectively.

Table 3. Unpossessive diagnostics (§ 4), results for each of the Kazym Khanty POSS.2SG functions

	Proper possessive	Associative possessive	Salient article	Proprial article
A. Shows allomorphy of (I)	—	Yes	Yes	Yes
B. Allows possessive stacking	No	No	No	No
C. Agrees with the Addressee in number	Yes	Yes	No	No
D. Admits an explicit possessor	Yes	Heavily restricted*	No	No
E. Requires uniqueness (or other implications)	No	Yes	Yes	Yes
F. Competes with <i>-ew</i> [POSS.1PL]	Yes	Yes	No	No
G. Admits interpretations beyond prototypical possessive ones	No	Yes	Yes	Yes
H. Requires salience	—†	—†	Yes	No
I. Derives rigid noun phrases	—†	—†	No	Yes

* — explicit possessor only available under contrast (§ 6.3)

† — in the interest of space, these data were not included in this paper³³

However, such a story is not very convincing as it ignores two facts. First, the proper possessive and the associative possessive have fully equivalent paradigms. Second, the salient article and the proprial article have the same allomorphs *-en/-an* as the 2SG exponents of the proper and associative possessives. Do we really have to assume that a Kazym Khanty speaker's language competence contains redundant rules for these markers?

I believe that we do not. There is a more minimal account one can formulate granted the DM mechanism of allosemy. Recent work by [Wood 2015; Myler 2016; Wood, Marantz 2017; Kasenov 2023] has fruitfully explored allosemy of functional heads, whereby one head may map onto several distinct senses. These authors argued that this provides insightful accounts of predicative possession, argument introducing heads, modal ambiguities, and other phenomena.

Thus, we are enabled to account for the morphosyntactic similarity between the proper and the associative possessives by saying that they simply *are* the same head, $\text{Poss}_{[\text{Poss}/\text{Assoc}]}$. This head has a single set of Vocabulary Insertion (List 2) rules, discussed in § 2.2.1 which gives the full possessive paradigm, and two Sense Insertion (List 3) rules: one mapping to the proper possessive semantics (11), the other to the associative possessive semantics (46). The choice between the two List 3 rules is free. Under this account there is no question as to why the proper and the associative possessives have equivalent paradigms — it is **the same** paradigm, *i.e.*, the same set of List 2 rules.

The same reasoning goes for the pair of the salient and the proprial articles. Neither of the two markers selects for a possessor or Agrees with one. Both have the two allomorphs *-en/-an* (which are not dependent on ϕ -features). This is because they simply **are** the same head, $\text{Poss}_{[\text{Sal}/\text{Prop}]}$, with a single set of List 2 rules and with two List 3 rules chosen freely.

Thus, I propose the following syntactic terminals and spell-out rules for our four markers (60)—(62). (The syntactic and morphophonological details are as in § 2.)

(60) Syntactic terminals

- a. $\text{Poss}: [\text{Poss}/\text{Assoc}][\cdot\text{Num}\cdot][\cdot\text{D}\cdot][\]_{\langle\text{pers-num}\rangle}$
- b. $\text{Poss}: [\text{Sal}/\text{Prop}][\cdot\text{Num}\cdot]$

(61) Vocabulary Insertion rules

- a. $\text{Poss}_{[\text{Poss}/\text{Assoc}][\phi]}$ is spelled out depending on the ϕ -features that it bears after Agree, as in (10).
- b. $\text{Poss}_{[\text{Sal}/\text{Prop}]} \leftrightarrow \text{-an}$
- c. $\text{Poss}_{[\text{Sal}/\text{Prop}]} \leftrightarrow \text{-en} / \text{Num}[\text{SG}]_{__}$

(62) Sense Insertion rules

- a. $\text{Poss}_{[\text{Poss}/\text{Assoc}]} \leftrightarrow \llbracket \text{Poss} \rrbracket$ (see (11))
 - b. $\text{Poss}_{[\text{Poss}/\text{Assoc}]} \leftrightarrow \llbracket \text{Assoc} \rrbracket$ (see (46))
 - c. $\text{Poss}_{[\text{Sal}/\text{Prop}]} \leftrightarrow \llbracket \text{Sal} \rrbracket$
 - d. $\text{Poss}_{[\text{Sal}/\text{Prop}]} \leftrightarrow \llbracket \text{Prop} \rrbracket$
- (see fn. 32 for a suggestion about the latter two denotations)

With this analysis, we maintain the claim that the four markers are synchronically independent **with respect to their semantics**: there is a distinct denotation for each marker in (62). At the same time, we account for some

³³ The facts are that the proper and the associative possessive do not require salience and do not derive rigid DPs.

of their similarities and differences. There are two syntactic terminals behind the four markers (60): both select a number-marked nominal (via [\cdot Num \cdot]), but only one of them introduces a possessor and an agreement probe (via [\cdot D \cdot][\cdot]_{<pers-num>}), the other one does not. Each terminal has a single set of List 2 rules for spell-out to morphophonology (61). The first terminal accounts for the morphosyntax of the proper and the associative possessives, and the second terminal accounts for the salient and the proprial articles.

On the semantic side, we have **free allosemy**. There are two Sense Insertion rules in (62), one for each terminal, but neither is underspecified with respect to the other. Hence the choice of one over the other is not forced and either of the two denotations is freely inserted into its corresponding terminal during the spell-out of syntactic structure to semantics. This is the account that I propose.

8.2. Is this the best we can do?

Before we conclude there are two concerns to address. First of all, why not say that there is only **one** head which maps onto a possessive (62a—b) if it bears ϕ -features and onto an article (62c—d) if it does not? Secondly, what about the full equivalence of the two articles' allomorphs and the two possessives' 2SG allomorphs *-en/ -an*? As it turns out, the two questions are connected. Let us turn to the first one.

There are two reasons why one cannot assume a single Poss head. First, the two articles do not select or admit a possessor DP. Under the obligatory operations view of syntax that I committed myself to in § 2.1 (following [Preminger 2014] and others), there is no way for a Merge feature [\cdot D \cdot] to not trigger the Merge of a possessor DP. And if a possessor DP **is** Merged it must somehow contribute to the meaning of the whole possessive nominal, resulting in a type mismatch, since the two articles' denotations are not suited to compose with a possessor DP. Additionally, such a possessor DP must always stay implicit as we never find overt possessor DPs with the two articles. However, there is no evidence even for an implicit one. Thus, it seems that a [\cdot D \cdot] feature with the two articles runs us into theoretical and empirical problems that require us to abandon the well-motivated obligatory operations view and/or to include ad hoc assumptions. I maintain that the Poss head behind the salient and the proprial articles does not bear a [\cdot D \cdot] feature.

The second reason to not assume one Poss head is that the salient and the proprial articles **look** like 2SG possessives but show no traces of bearing [2SG] ϕ -features and, therefore, cannot be spelled out with the rules from (10) that map Poss_[2SG] onto *-en/-an*. One also cannot assume that *-en/-an* is the most underspecified possessive exponent since, as discussed in § 2.2.1, the absence of ϕ -features is exponed as \emptyset . To sum up, the salient article and the proprial article cannot be assumed to bear [\cdot D \cdot], [\cdot]_{<pers-num>}, or any ϕ -features in the syntax which is why they need a dedicated syntactic terminal and Vocabulary Insertion rules.

So how about their allomorphy? Do we just ignore that the allomorphs are the same as for 2SG possessives? Synchronically, I believe, we have no choice, for the reasons just discussed. But I do not think that that is a weakness of the present account. There is a natural diachronic explanation for this fact.

It seems reasonable to hypothesize that the salient article and the proprial article grammaticalized from 2SG possessives³⁴. And this is why they inherited their allomorphs. In fact, this is something amply documented for grammaticalization cases across the world's languages. Roughly speaking, grammaticalization processes involve a semantic reanalysis of a form/construction in a specific context where its base meaning and its goal meaning overlap. Whether a change in phonological form follows the change in meaning is a separate issue. It is by no means a necessity.

Based on a statistical analysis of 1003 grammaticalization paths, Bisang, Malchukov and colleagues [Bisang et al. 2020a] show that in numerous cases **changes in Lehmann's [2002/2015] parameters of grammaticalization do not cooccur**. That is, the semantic, morphological, phonological, and syntactic changes that can take place during grammaticalization do not necessarily go hand in hand. For instance, one might have semantic erosion (loss and generalization of meaning/semantic integrity) without loss of phonological material. Indeed, [Bisang et al. 2020a: 41 and § 3.4] observe that there is no correlation between semantic erosion and phonetic reduction. The overall conclusion that Bisang, Malchukov et al. reach is:

“Semantic Integrity seems to involve stronger interactions with function-related parameters such as Paradigmaticity and Syntagmatic Variability, while Phonetic Reduction only shows a strong correlation with Bondedness” [ibid.: 47]³⁵.

³⁴ Arguably, this is a very slight step in grammaticalization since both the source marker and the target marker are bound, abstract in meaning, etc. Nevertheless, this is still genuine grammaticalization according to Lehmann's [2002/2015] parameters of grammaticalization, as discussed below.

³⁵ Paradigmaticity concerns the size of the paradigm and its degree of formal homogeneity, and syntagmatic variability concerns freedom of linear order. See [Bisang et al. 2020b] for details.

In the case of the salient article and the proprial article along with the change in meaning, we have a reduction of paradigmatic complexity (paradigmaticity), since only “one row” of the source paradigm is preserved, but the allomorphy stays the same.

It seems quite natural that the implications of this **partial grammaticalization** for the synchronic competence of a speaker are also in a way partial, and allosemy (as in (62)) provides a good way to model this. This is especially so in the case of the proper possessive and the associative possessive. The only thing that they differ in is their semantics. They have the same syntax and morphology, and this is completely in line with what we know about grammaticalization.

Thus, I contend that the present account provides an interesting take on what grammaticalization means for formal theories of synchronic grammar. Lehmann’s [2002/2015] parameters of grammaticalization may be seen as resulting from changes to one of the three Lists, and they do not have to happen in parallel. Semantic reanalysis without phonological or paradigmatic change simply means that a new Sense Insertion rule becomes available. Phonological or paradigmatic change further implies changes in the syntactic terminal and in List 2 rules (compare the case of the Udmurt accusative *-jez* discussed in § 3.2 where changes to all three Lists presumably occurred).

In the case of Kazym Khanty POSS.2SG unpossessives, we have three instances of grammaticalization along the following lines:

1. The proper possessive develops a new Sense (62b). → The associative possessive appears.
2. One of the possessives develops a new Sense (62c) and loses syntactic features along with paradigmatic complexity (60b)—(61b—c). → The salient article appears.
3. The salient article develops a new Sense (62d). → The proprial article appears.

Aspects of a target marker that were not affected in the above steps remain the same as in the source marker.

The grammaticalization chain just sketched serves as an illustration for the DM—grammaticalization connection that I wanted to draw. Of course, this is not the only imaginable scenario. A serious grammaticalization proposal requires much more (*cf.* [É. Kiss, Tánzos 2018; Halm 2018]), but this is not the place to make one. My goal in this subsection was to argue that the apparent weaknesses of the proposed analysis are a natural consequence of how grammaticalization works³⁶.

9. Conclusions

In this paper, I argued that the non-possessive functions of the Kazym Khanty POSS.2SG marker must be treated polysemically, as **unpossessive markers** homonymous with, but synchronically independent from the proper possessive. This was done using the **unpossessive diagnostics** developed specifically for this purpose.

I showed that the behavior of the associative possessive, the salient article, and the proprial article does not conform to the monosemic prediction (discussed in § 3.1) with respect to multiple properties. Thus, **these markers must be diagnosed as unpossessive**.

I presented an analysis of the four unpossessives within DM using the mechanism of (free) allosemy. I argued that the proper possessive and the associative possessive are **different Senses spelling out the same syntactic terminal** (and I claimed the same for the two articles) which explains why they show identical allomorphy and syntactic behavior. I further argued that allosemy is a natural consequence of the normal workings of grammaticalization and, thus, a DM architecture of the sort assumed here provides a good framework for modeling the synchronic results of partial grammaticalization.

If the preliminary analyses of these unpossessives provided along the way are on the right track, the Kazym Khanty determinacy marking system provides a peculiar case where (i) there are no “typical” determiners such as indefinite or (general) definite articles, (ii) there are two definiteness-based markers for common DPs (the associative possessive and the salient article) that have additional restrictions which distinguish them from canonical definite articles [Schwarz 2019], (iii) there is a proprial article for human names that is neither homonymous with a general definite article nor a dedicated morpheme (*cf.* [Muñoz 2019]). Future research must provide detailed semantic analyses for each marker and investigate their pragmatic competition, since the functional coverage of the markers overlaps. Some informal discussion along those lines may be found in [Mikhailov 2023].

The unpossessive diagnostics presented in this paper can and should be applied to data from other Uralic varieties and languages that have non-possessive functions of possessives. I expect that this will lead to the discovery of additional unpossessive markers, thus, opening the route to detailed investigations into their syn-

³⁶ The analysis presented in this section was influenced by Daniar Kasenov, who introduced me to DM and gave insightful comments, and Timur Maisak, who taught me grammaticalization theory. I am deeply grateful to them both. Naturally, they should not be held responsible for any errors or mistakes here.

chronic semantics and diachronic development paths, as exemplified by [É. Kiss 2018; É. Kiss, Táncczos 2018; Halm 2018; Logvinova 2019]. Ultimately, this could enrich the typology of definiteness and specificity markers [Farkas, Brasoveanu 2019; Schwarz 2019; Muñoz 2019] with previously unattested types.

Abbreviations

Glosses not found in the Leipzig Glossing Rules (<https://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>) are as follows:

DETR — detransitive	INF — infinitive	PRT — preterite
EP — epenthetic element	NFIN — general nonfinite form	PTCL — particle
FREQ — frequentative	PROP — propositive	some.EN — some (epistemically nonspecific).

References

- Adger 2003 — *D. Adger*. Core syntax: A minimalist approach. Oxford: Oxford University Press, 2003.
- Aissen 2001 — *J. Aissen*. The obviation hierarchy and morphosyntactic markedness. In: *Linguistica Atlantica*. 2001, 23. P. 1—34.
- Aristova 2023 — *M. Aristova*. Yazykovaya situatsiya i yazykovoï sdvig v soobshchestve nositelei kazymskogo dialekta khantyiskogo yazyka. Neopublikovannyi masterskii diplom, NIU VSHE. Moskva, 2023. {M. Aristova. Linguistic situation and language shift in the Kazym Khanty-speaking community. Unpublished HSE University MA thesis. Moscow, 2023.}
- Barlew 2014 — *J. Barlew*. Saliency, uniqueness, and the definite determiner *-te* in Bulu. In: *Semantics and linguistic theory*. 2014, 24. P. 619—639.
- Béjar, Rezac 2009 — *S. Béjar, M. Rezac*. Cyclic Agree. In: *Linguistic inquiry*. 2009, 40 (1). P. 35—73.
- Bisang et al. 2020a — *W. Bisang, A. Malchukov, I. Rieder, L. Sun, M. Martiny, S. Luell*. 1. Position paper: Universal and areal patterns in grammaticalization. In: *W. Bisang, A. Malchukov* (eds.). *Grammaticalization scenarios from Europe and Asia*. Berlin; Boston: De Gruyter, 2020. P. 1—88.
- Bisang et al. 2020b — *W. Bisang, A. Malchukov, I. Rieder, L. Sun*. 2. Measuring Grammaticalization: A questionnaire. In: *W. Bisang, A. Malchukov* (eds.). *Grammaticalization scenarios from Europe and Asia*. Berlin; Boston: De Gruyter, 2020. P. 89—104.
- Bobaljik 2017 — *J. D. Bobaljik*. Distributed morphology. In: *Oxford research encyclopedia of linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 2017.
- Collinder 1957 — *B. Collinder*. Survey of the Uralic languages. Stockholm: Almqvist and Wiksell, 1957.
- Coppock, Beaver 2015 — *E. Coppock, D. Beaver*. Definiteness and determinacy. In: *Linguistics and philosophy*. 2015, 38 (5). P. 377—435.
- Dayal 2011 — *V. Dayal*. Hindi pseudo-incorporation. *Natural language & linguistic theory*. 2011, 29 (1). P. 123—167.
- Dékány 2021 — *É. Dékány*. The Hungarian nominal functional sequence. Cham: Springer International Publishing, 2021.
- É. Kiss 2018 — *K. É. Kiss*. Possessive agreement turned into a derivational suffix. In: *H. Bartos, M. den Dikken, Z. Bánréti, T. Váradi* (eds.). *Boundaries crossed, at the interfaces of morphosyntax, phonology, pragmatics and semantics*. Cham: Springer International Publishing, 2018. P. 87—105.
- É. Kiss, Táncczos 2018 — *K. É. Kiss, O. Táncczos*. From possessor agreement to object marking in the evolution of the Udmurt *-jez* suffix: A grammaticalization approach to morpheme syncretism. In: *Language*. 2018, 94 (4). P. 733—757.
- Farkas, Brasoveanu 2019 — *D. F. Farkas, A. Brasoveanu*. Kinds of (non)specificity. In: *D. Gutzmann, L. Matthewson, C. Meier, H. Rullmann, T. Zimmermann* (eds.). *The Wiley Blackwell companion to semantics*. Wiley, 2019. P. 1—26.
- Fraurud 2001 — *K. Fraurud*. Possessives with extensive use: A source of definite articles? In: *I. Baron, M. Herslund, F. Sørensen* (eds.). *Dimensions of possession*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2001. P. 243—267.
- Halle, Marantz 1993 — *M. Halle, A. Marantz*. Distributed morphology and the pieces of inflection. In: *K. Hale, S. J. Keyser* (eds.). *The view from building 20*. Cambridge: MIT Press, 1993. P. 111—176.
- Halm 2018 — *T. Halm*. From possessive suffix to affective demonstrative suffix in Hungarian: a grammaticalization analysis. In: *Morphology*. 2018, 28 (4). P. 359—396.
- Haspelmath 2003 — *M. Haspelmath*. The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison. In: *M. Tomasello* (ed.). *The new psychology of language II*. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2003. P. 211—242.
- Heck, Müller 2007 — *F. Heck, G. Müller*. Extremely Local Optimization. In: *E. Bainbridge, B. Agbayani* (eds.). *Proceedings of the thirty-fourth western conference on linguistics*. 2007. P. 170—182.
- Heim 1991 — *I. Heim*. Artikel und Definitheit. In: *A. von Stechow, D. Wunderlich* (eds.). *Semantik*. New York: De Gruyter Mouton, 1991. P. 487—535.

- Heim, Kratzer 1998 — *I. Heim, A. Kratzer*. Semantics in generative grammar. Oxford: Blackwell, 1998.
- Horn 2006 — *L. R. Horn*. Implicature. In: *L. R. Horn, G. Ward* (eds.). The handbook of pragmatics. Oxford: Blackwell, 2006. P. 3—28.
- Kaksin 2010 — *A. Kaksin*. Kazymskii dialekt khantyiskogo yazyka. Khanty-Mansiisk: IITs YuGU, 2010. {*A. Kaksin*. Kazym dialect of the Khanty language. Khanty-Mansiisk: IITs YuGU, 2010.}
- Karvovskaya 2018 — *L. Karvovskaya*. The typology and formal semantics of adnominal possession. Utrecht: LOT, 2018.
- Kasenov 2023 — *D. Kasenov*. Influence of structural context on modal interpretation. Unpublished HSE University BA thesis. Moscow, 2023.
- Koshkareva 2016 — *N. Koshkareva*. Khantyiskii yazyk. In: *V. Mikhal'chenko* (otv. red.). Yazyk i obshchestvo: Entsiklopediya. Moskva: Azbukovnik, 2016. S. 535—539. {*N. Koshkareva*. Khanty language. In: *V. Mikhal'chenko* (ed.). Language and society: Encyclopedia. Moscow: Azbukovnik, 2016. P. 535—539.}
- König 2018 — *E. König*. Definite articles and their uses. In: *D. Olmen, T. Mortelmans, F. Brisard* (eds.). Aspects of linguistic variation. Berlin; Boston: De Gruyter, 2018. P. 165—184.
- Kripke 1980 — *S. A. Kripke*. Naming and necessity. Cambridge: Harvard University Press, 1980.
- Lehmann 2002/2015 — *C. Lehmann*. Thoughts on grammaticalization. 3rd ed. Berlin: Language Science Press, 2015 (2002).
- Löbner 2011 — *S. Löbner*. Concept Types and Determination. In: *Journal of Semantics*. 2011, 28 (3). P. 279—333.
- Logvinova 2019 — *N. Logvinova*. Neposessivnye funktsii pokazatelya possessivnosti tret'ego litsa v malokarachkinskom govore chuvashskogo yazyka. In: *Acta Linguistica Petropolitana*. 2019, XV (2). S. 86—129. {*N. Logvinova*. Non-possessive functions of the third person possessive in the Maloe Karachkino dialect of Chuvash. In: *Acta Linguistica Petropolitana*. 2019, XV (2). P. 86—129.}
- Longenbaugh 2019 — *N. Longenbaugh*. On expletives and the agreement-movement correlation. Massachusetts Institute of Technology dissertation, 2019.
- Matthewson 2004 — *L. Matthewson*. On the Methodology of Semantic Fieldwork. In: *International journal of American linguistics*. 2004, 70 (4). P. 369—415.
- Masliukov 2024 — *V. Masliukov*. Possessive agreement and external possessors in Kazym Khanty. Talk presented at the Syntax of Uralic Languages 5, Hamburg, 2024.
- Mikhailov 2021a — *S. Mikhailov*. 2-v-1: dve possessivnye konstruksii v odnoi paradigme severnokhantyiskikh suffiksov. In: *Malye yazyki v bol'shoi lingvistike*. Vypusk 3. Moskva: Buki Vedi, 2021. S. 106—117. {*S. Mikhailov*. 2-in-1: Two possessive constructions in one Northern Khanty paradigm of suffixes. In: *Minority languages in big linguistics*. Third Issue. Moscow: Buki Vedi, 2021. P. 106—117.}
- Mikhailov 2021b — *S. Mikhailov*. Against monosemic approaches to Northern Khanty extended possessives. In: *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2021, 4 (1). P. 118—146.
- Mikhailov 2023 — *S. Mikhailov*. Northern Khanty Possessives and Determiner Typology. In: *Rodnoy Yazyk*. 2023, 2. P. 6—51.
- Mikhailov 2024 — *S. Mikhailov*. Semantics of the Northern Khanty Salient Article: Definiteness, salience, and obviation. In: *Voprosy Jazykoznanija*. 2024, 1. P. 7—38.
- Muñoz 2019 — *P. Muñoz*. The proprial article and the semantics of names. In: *Semantics and pragmatics*. 2019, 12 (6). P. 1—36.
- Muravyev 2023 — *N. Muravyev*. Passive in Kazym Khanty and the interaction of givenness, topicality and animacy. In: *Linguistica Uralica*. 2023, 59 (1). P. 49—66.
- Muravyev et al. 2023 — *N. Muravyev, S. Mikhailov, V. Masliukov*. Obviation in Northern Eurasia? Evidence from Kazym Khanty. Talk presented at the Typology of Morphosyntactic Parameters, Moscow, 2023.
- Muravyev et al. 2024 — *N. Muravyev, S. Mikhailov, V. Masliukov, S. Ganieva*. The limitations of proximate uniqueness: Evidence from Kazym Khanty. Talk presented at the Understanding obviation, Montreal, 2024.
- Müller 2010 — *G. Müller*. On Deriving CED Effects from the PIC. In: *Linguistic Inquiry*. 2010, 41 (1). P. 35—82.
- Myler 2016 — *N. Myler*. Building and interpreting possession sentences. Cambridge, MA: MIT Press, 2016.
- Newman 2021 — *E. S. B. Newman*. The (in)distinction between wh-movement and c-selection. Massachusetts Institute of Technology dissertation, 2021.
- Nikolaeva 1999 — *I. Nikolaeva*. Ostyak. München: Lincom Europa, 1999.
- Nikolaeva 2003 — *I. Nikolaeva*. Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: Evidence from Uralic. In: *P. Suihkonen, B. Comrie* (eds.). International symposium on deictic systems and quantification in languages spoken in Europe and North and Central Asia: collection of papers. Izhevsk and Leipzig: Udmurt State University and Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2003. P. 130—145.
- Nikolaeva, Bányi 2019 — *I. Nikolaeva, A. Bányi*. Proximate possessors. In: *I. Nikolaeva, A. Bányi* (eds.). Prominent internal possessors. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 228—258.

- Partee, Borschev 2003 — *B. H. Partee, V. Borschev*. Genitives, relational nouns, and argument-modifier ambiguity. In: *E. Lang, C. Maienborn, C. Fabricius-Hansen* (eds.). *Modifying adjuncts*. Boston: De Gruyter Mouton, 2003. P. 67—112.
- Pisarenko 2024 — *D. Pisarenko*. Verb agreement with numeral-noun constructions in Kazym Khanty. In: *Ural-Altaic Studies*. 2024, 53 (2). P. 35—60.
- Pleshak 2018 — *P. Pleshak*. Some remarks about the structure of the Khanty DP. Unpublished fieldwork report. Kazym village, KhMAO — Yugra, Russia, 2018.
- Preminger 2014 — *O. Preminger*. *Agreement and its failures*. Cambridge, MA: MIT Press, 2014.
- Roberts 2011 — *C. Roberts*. Solving for interpretation. Ms. presented at the Workshop on Meaning and Understanding at the Centre for Advanced Study, Oslo, 2011.
- Schwarz 2019 — *F. Schwarz*. Weak vs. strong definite articles: Meaning and form across languages. In: *A. Aguilar-Guevara, J. Pozas Loyo, V. Vázquez-Rojas Maldonado* (eds.). *Definiteness across language*. Berlin: Language Science Press, 2019. P. 1—37.
- Serdobolskaya et al. 2019 — *N. Serdobolskaya, M. Usacheva, T. Arkhangelskiy*. Grammaticalization of possessive markers in the Beserman dialect of Udmurt. In: *L. Johanson, L. F. Mazzitelli, I. Nevskaya* (eds.). *Possession in languages of Europe and North and Central Asia*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2019. P. 291—311.
- Simonenko 2017 — *A. Simonenko*. Towards a semantic typology of specific determiners. In: *A. Cremers, T. van Gessel, F. Roelofsen* (eds.). *Proceedings of the 21st Amsterdam Colloquium*. Amsterdam, 2017. P. 425—434.
- Sipos 2022 — *M. Sipos*. North Khanty. In: *M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik* (eds.). *The Oxford guide to the Uralic languages*. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 582—607.
- Tiutiunnikova 2024 — *V. Tiutiunnikova*. (In)definiteness of bare nouns in the Kazym dialect of Northern Khanty. Unpublished BA term paper, Lomonosov MSU, Moscow, 2024.
- Tonhauser et al. 2013 — *J. Tonhauser, D. Beaver, C. Roberts, M. Simons*. Toward a taxonomy of projective content. In: *Language*. 2013, 89 (1). P. 66—109.
- Vikner, Jensen 2002 — *C. Vikner, P. A. Jensen*. A semantic analysis of the English genitive. Interaction of lexical and formal semantics. In: *Studia Linguistica*. 2002, 56 (2). P. 191—226.
- Wood 2015 — *J. Wood*. *Icelandic morphosyntax and argument structure*. Cham: Springer International Publishing, 2015.
- Wood, Marantz 2017 — *J. Wood, A. Marantz*. The interpretation of external arguments. In: *R. D'Alessandro, I. Franco, Á. J. Gallego* (eds.). *The verbal domain*. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 255—278.

Смена поколений: лексико-семантический аспект (на материале современного турецкого языка)¹

Напольнова Елена Марковна, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова; elenapolnova142@mail.ru

Лексемы со значением ‘поколение’ исконно соотносились с отцами и потомками в рамках одной семьи, генетическая связь между которыми в наивных картинах мира представляется рядом языков как «общая кровь», «производность», «ответвление» и др. В рамках научной картины мира термины *поколение* указывают не только на «вертикальную» связь между поколениями одной семьи, но и на «горизонтальную» — сообщество современников, исследуемое, исходя из того или иного группового признака. Такая точка зрения распространилась и на бытовое понимание лексем с этим значением. Техническое понимание поколения отражает функциональные возможности устройств. В статье рассматриваются этимология, семантика и сочетаемость лексем со значением ‘поколение’ в современном турецком языке: тюркских *kuşak*, *göbek*, *döl* и заимствований *nesil* (араб. *nasl*), *batın* (араб. *batın*), *jenerasyon* (фр. *génération*). Лексема *kuşak* имеет максимально широкую сочетаемость, а также ряд значений, производных от первичного ‘пояс’. *Nesil* приобрела значение ‘поколение’ при заимствовании из арабского в персидский, но крайне редко соотносится с поколениями одной семьи, однако наилучшим образом подходит для характеристики технических средств. *Döl* отражает родство по отцовской линии и не перешла в разряд архаизмов благодаря попытке использования в составе медицинских терминов для замены заимствованных. *Göbek* благодаря значению ‘пуповина’ олицетворяет связь между матерью и ребенком, однако в современном языке практически не используется в значении ‘поколение’. *Jenerasyon* крайне низкочастотна и соотносится в основном с поколением в общественном понимании и техническими устройствами. *Batın* стандартно используется в качестве медицинского термина ‘брюшная полость’ и приобрела значение ‘поколение’ благодаря семантическому освоению в турецком языке. В рамках «абсолютной стратегии времени» *kuşak* и *nesil* представляют процесс смены поколений как объективную последовательность; в рамках «антропоцентрической стратегии времени», исходя из «сонаправленного с временем» перемещения человека вперед, будущее поколение, как и другие объекты, может представляться как бы приближающимся, двигающимся навстречу, с другой стороны, сам человек и его поколение являются теми, кто движется в направлении из прошлого в будущее.

Ключевые слова: турецкий язык, поколение, смена поколений, родственные связи

GENERATIONAL CHANGE: LEXICAL SEMANTIC ASPECT (BASED ON THE MODERN TURKISH LANGUAGE)

Elena M. Napolnova, Institute of Asian and African Studies at Lomonosov Moscow State University; elenapolnova142@mail.ru

Lexemes with the meaning ‘generation’ were originally associated with fathers and descendants from a single family, whose genetic connection is represented as ‘common blood’, ‘derivation’ etc. in naive worldviews of a number of languages. Within the scientific view of the world, the terms ‘generation’ indicate not only the “vertical” connection between generations of a single family, but also the “horizontal” one — a community of contemporaries, studied on the basis of one or another group characteristic. This point of view has also spread to the everyday understanding of lexemes with this meaning. Additionally, a technical understanding of “generation” has been formed, in the context of technological advancements. This article examines the etymology, semantic features and compatibility of lexemes meaning ‘generation’ in modern Turkish. The most frequent are the polysemous lexemes *nesil* and *kuşak*. *Kuşak* has the widest compatibility, as well as a number of meanings derived from the primary ‘belt’. *Nesil* acquired the meaning ‘generation’ when borrowed from Arabic into Persian, but is best suited to characterize technological means. *Döl* reflects paternal kinship and has not become an archaism due to attempts to use it to replace borrowed medical terms. *Göbek*, due to its meaning ‘umbilical cord’ (*göbek bağı*), almost always represents the connection between mother and child. *Batın* is used as a standard medical term for ‘abdominal cavity’ and has acquired the meaning ‘generation’ due to semantic assimilation in Turkish. Within the framework of the ‘absolute strategy of time’, *kuşak* and *nesil* represent the process of generational change as an objective sequence. However, within the framework of the “anthropocentric strategy of time”, based on the “co-directional movement with time” of man forward, the future generation can instead be imagined as approaching.

Keywords: Turkish language, generation, generational change, family relations

¹ Искренне благодарю уважаемого И. Л. Кызласова за привлечение внимания к рассматриваемой теме.

Понимание термина «поколение»

Термин «поколение» в настоящее время используется в ряде гуманитарных наук, в наиболее разнообразном контексте — в социологии. Это обуславливается широким спектром проводимых исследований, однако в их числе не обнаруживается лексико-семантических, направленных на выявление специфики связанных с соответствующей лексемой/лексемами национально-языковых представлений. Такое положение, на наш взгляд, в значительной степени связано со схожестью концептов «поколение/generation» в ряде современных языков (например, в паре русский — английский [Дементьева 2015]) с точки зрения когнитивной лингвистики.

В словаре В. И. Даля *поколение* определено как «однокровные в восходящем, и нисходящем порядке, с праотцами и потомками» и «одно колено, наличные люди или животные в данный срок» [Даль]. Начиная с XIX в. в социальной философии это понятие стало рассматриваться также в широком плане — вне генеалогических отношений, и в настоящее время понимается как «обозначающее разные аспекты родственной, возрастной структуры общества на том или ином этапе исторического развития» [Садыкова 2015], а возраст является главным (но не единственным) критерием разделения людей на поколения. В зависимости от направления научного анализа выделяются [там же]:

- 1) антропологическое поколение (генеалогия семьи),
- 2) демографическое поколение (совокупность сверстников),
- 3) историческое поколение (интервал между рождением родителей и их детей — 20—25 лет),
- 4) хронологическое поколение (период жизни одного поколения),
- 5) поколение в духовно-символическом понимании (историко-культурная общность современников).

К перечисленным пунктам следует добавить техническое понимание термина «поколение»: «однородные машины, приборы, устройства и т. п. на определенном этапе их развития, существенно отличающиеся технико-экономическими показателями, надежностью, функциональными возможностями и др. от выпускавшихся ранее» [ЭС]. Таким образом, структура общества на предшествовавших этапах его развития обуславливала признание важности наличия именно генетической (вертикальной) взаимосвязи и преемственности между поколениями «отцов» и «потомков». В противоположность этому в современном понимании термин «поколение» в большинстве случаев определяется как характер социальных групп современников, выделяемых на основе разных признаков, при этом исследуется сходство их представителей между собой и отличия от других групп. Это означает отрыв от вертикальной системы взаимосвязей и переход к горизонтальной, а в техническом термине, кроме того, делается очевидный акцент на превосходстве «потомков» по сравнению с «отцами». Специфика терминологического понимания лексемы *поколение* отвечает современному уровню развития науки и отражает единообразие научной картины мира, в отличие от лингво-специфических представлений о сущности генетического родства, запечатлённых в наивных картинах мира. Между тем интерес вызывает именно то, какое социальное, биологическое, физиологическое, процессуальное, визуальное или другого рода содержание было заложено в семантике лексем *поколение* на ранних этапах развития каждого языка, как эта семантика развивалась и каким образом процесс смены поколений связан с временными представлениями. В настоящей статье рассматриваются этимология, особенности семантики, сочетаемость, частотность лексем со значением 'поколение' в современном турецком языке, а также зафиксированных в языке представлений о смене поколений на материале онлайн-словаря турецкого языка Турецкого лингвистического общества [TDK], корпуса турецкого языка The Turkish Corpus [TSC] и отдельных примеров из интернет-источников.

Семантика лексем со значением 'поколение' в турецком языке

Очевидно, что на ранних этапах общественного развития понимание слов со значениями 'поколение', 'предки', 'потомки' предопределялось такими факторами, как первостепенность институтов семьи и рода, правила наследования, продолжительность жизни человека, специфика религиозных верований и временных представлений, безусловное определяющее значение способа и объема производства материальных благ и др. В ряде современных европейских языков в значении 'поколение' используются слова, восходящие к праиндоевропейскому **gen-/*gon-/*gn-* 'порождать' и латинскому *generatio* 'порождение, генерирование, поколение'. В русском и некоторых других славянских языках *поколение* образовано от слова *колено*, т. е. 'род, племя, ответвление' (например, *до седьмого колена, в седьмом поколении*). Внеязыковым визуальным отражением представлений древних тюрков о важности принадлежности лица мужского пола именно к определённой семье и поколению является прослеженная И. Л. Кызласовым в Южной Сибири система начертания тамг — «аристократической фамильно-личной эмблематики эпо-

хи рунического письма: отцовскую графическую основу каждый из сыновей дополнял индивидуально размещенным штрихом-отпятнышем — из поколения в поколение» [Кызласов 2014: 54]. Исследователь привлекает внимание к различию в значениях между, с одной стороны, рассмотренным в [Дыренкова 1940: 434], образующим основу для построения тамг и обозначающим в тюркских языках Саяно-Алтая мужские поколения одной семьи (отца, его сыновей и сыновей его сыновей) термином *töl/möl/möle/töly/mölgе* «подразделение рода», «патриархальная семья», «фамилия», «дети, потомки, наследники», «род», «поколение», «потомство», и, с другой стороны, термином *söök/sөөк*, именующим крупное историко-культурное объединение многих *möl'*ей [Кызласов 2014: 54].

Что касается непосредственно турецкого языка, то разнообразие лексем, с той или иной частотностью используемых для обозначения «поколения», отражает положение в турецкой лексической системе в целом: наряду с исконными тюркскими словами и корнями, а также искусственно созданными неологизмами на основе тюркских корней, в ней присутствуют арабо-персидские заимствования, в том числе с изменёнными по сравнению с источником значениями, а также заимствования из европейских языков, в первую очередь из французского вследствие его высокой распространённости среди интеллигенции в XIX в. [Davison 1994]. Значительное затруднение состоит в том, что из-за отсутствия соответствующих словарных помет и исследований по источнику конкретных турецких слов обычно сложно понять, какие из тюркских слов присутствовали в языке генетически, а какие являются результатом «словотворчества».

Исходя из отдельных словарных статей [TDK] к лексемам, используемым в значении «поколение», относятся арабские заимствования *nesil* (араб. *nasl*), *batın* (араб. *batn*), французское заимствование *jenerasyon* (фр. *génération*), а также тюркские *kuşak*, *göbek*, *döl*, однако между ними обнаруживаются существенные семантические (в широком понимании) различия.

Jenerasyon «поколение» имеет достаточно низкую частотность (около 2,5 слова на миллион, по данным [TSC]), в современном турецком практически не используется в отношении поколений внутри одной семьи, редко — в отношении групп современников (1), (2), чаще всего — в отношении технических средств и научных разработок (3), хотя это положение, скорее всего, является следствием высокой актуальности технических контекстов (это касается также и рассматриваемых ниже лексем):

- (1) *Tarih-te ilk kez bir jenerasyon anne-baba-lar-ı-ndan daha sağlık-sız ve kısa*
история-LOC первый раз один поколение мама-папа-PL-POSS3SG-ABL более здоровье-ABS и короткий
yaşa-yabil-ir (онлайн-газета «Gazete Oksijen»)
жить-ABIL-AOR
‘Впервые в истории поколение может оказаться менее здоровым и иметь меньшую продолжительность жизни, чем родители’.
- (2) *Jenerasyon kaç yıl-da bir değiş-ir?* [TDK]
поколение сколько год-LOC один меняться-AOR
‘За сколько лет меняется поколение?’
- (3) *7. Jenerasyon 2023 Sezon Scarlet Tennis Raket-i* (реклама)
7 поколение 2023 сезон Скарлет теннис ракетка-POSS3SG
‘теннисная ракетка «Скарлет» 7-го поколения сезона 2023 г.’.

По всей вероятности, вследствие «прогрессивности» *jenerasyon* как европейского заимствования эта лексема активнее сочетается с определением *yeni* «новый» (около 250 использований в [TSC]), чем с *eski* «старый» (в [TSC] зафиксировано около 10 использований — в отношении поколений футболистов и технических средств), и можно даже обнаружить определённую смысловую противопоставленность тюркскому *kuşak*:

- (4) *Tecrübeli isim-ler, orta kuşak ve yeni jenerasyon var* [TSC]
опытный имя-PL средний *kuşak* и новый *jenerasyon* иметься
‘Есть опытные игроки, среднее поколение и новая генерация’ (о составе футбольной команды).

Высокочастотное арабское заимствование *nesil* в настоящее время используется в турецком языке в значении «поколение современников» (5), (6) (также *nesil-daş* «современник», где *-daş/-taş* указывает на признак, объединяющий лиц; ср. *meslek-taş* «коллега» от араб. *meslek* «профессия»), реже — «вид животных» (7), также, видимо, возможно «вид растений» (8) (обнаружен один пример в [TSC]):

- (5) *Yeni nesil bencil narsist ve mutsuz* (онлайн-газета «Milliyet»)
новый *nesil* эгоист нарцисс и несчастный
‘Новое поколение эгоистично, нарцисстично и несчастно’.

- (6) ...*sağlıklı bir nesil yetiştir-ebil-mek için...* [TSC]
 здоровый один nesil выращивать-ABIL-NMLZ для
 ‘...для того, чтобы суметь вырастить здоровое поколение...’
- (7) *Akdeniz fok-ları-nın nesli-i* [ibid.]
 Средиземное.море тюлень-POSS3PL-GEN nesil-POSS3SG
 ‘вид средиземноморских тюленей’
- (8) ...*bir yabani bitki nesli o madde-ye karşı direnç kazan-abil-ir* [ibid.]
 один дикий растение nesil-POSS3SG тот вещество-DAT против сопротивление завоевать-ABIL-AOR
 ‘...какой-то вид растений может приобрести устойчивость по отношению к этому веществу’.

В крайне редких случаях *nesil* используется в отношении поколений одной семьи (9), обычно — в устойчивых словосочетаниях ближе к значению ‘род’ (например, в отношении «Адамова рода» (10)), что в определённом смысле сопоставимо с *видом* у животных и растений:

- (9) *aile-ler-de nesil-ler ara-sı normatif dayanışma* [ibid.]
 семья-PL-LOC nesil-PL промежутки-POSS3SG стандартный солидарность
 ‘обычная солидарность между поколениями в одной семье’
- (10) *Adem ve O'nun nesli ol-an bütün insan-lar* [ibid.]
 Адам и он'GEN nesil-POSS3SG быть-PC все человек-PL
 ‘Адам и все люди, являющиеся его потомками’.

Значения ‘род’, ‘вид’ задействованы в высокочастотных устойчивых выражениях, связанных с продолжением или прекращением существования рода человека (в прямом и переносном смысле), вида животных, растений (крайне редко) и даже предметов (крайне редко). В отношении человека в прямом значении в сочетании с *nesil* используется глагол *kuru-* ‘(за)сохнуть’ (11); про человека в переносном значении и другие типы объектов в прямом и переносном значениях — *tüken-* ‘израсходоваться, закончиться, иссякнуть’ (12)—(15).

- (11) *Nesli-i kuru-du* [ibid.]
 nesil-POSS3SG сохнуть-PST
 ‘Его род оборвался’.
- (12) *Ora-lar-da nesli-i tüken-miş san-dığ-ımız âşık-lar, halk-ı*
 то.место-PL-LOC nesil-ACC израсходоваться-PRF полагать-SAF-POSS1PL ашык-PL народ-ACC
çoştur-mak için ozan-lar-ın kopuz-ları-nı çalı-yor-lar (Orhan Seyfi Orhon [TDK])
 воодушевить-NMLZ для озан-PL-GEN копуз-POSS3PL-ACC играть-PRS-PL
 ‘Для того чтобы развеселить народ, там на копузах озанов играют певцы-ашыки, каких, как мы думали, уже не осталось в природе’.
- (13) *nesli-i tüken-miş bir yılan tür-ü* [TSC]
 nesil-POSS3SG израсходоваться-PC один змея вид-POSS3SG
 ‘вымерший вид змей’
- (14) *nesli-i tüken-en yüz-ler-ce tohum-u ... toplama-ya devam ed-en bir kadın* [ibid.]
 AUX-PC один женщина
 ‘женщина, продолжавшая собирать сотни видов семян (ныне) исчезнувших растений’
- (15) *nesli-i tüken-miş tornavida* [ibid.]
 nesil-POSS3SG израсходоваться-PRF отвёртка
 ‘отвёртка, каких больше не встретишь’.

Источником таких семантических особенностей *nesil* в турецком языке следует признать значения арабской лексемы *nasl*: в толковом словаре арабского языка [Arabic] из наиболее близких в смысловом отношении указываются значения ‘предки’ и ‘потомки’, а собственно в отношении «поколения», включая разные значения этого слова, в арабском используется не *nasl*, а *jil* [ibid.]. В словаре персидского языка [Farsi] для *nesl* приводятся значения ‘возраст, происхождение, поколение, потомство’, т. е. частичное изменение значения этого слова, видимо, произошло при заимствовании из арабского в персидский.

Nesil стандартно и несопоставимо чаще, чем в отношении людей, используется при характеристике технических средств (аналогично *jenerasyon*), что также может быть обусловлено тематикой текстов:

- (16) *yeni nesil ol-an 5G cep telefon-u* [TSC]
 новый поколение быть-PC 5G карман телефон-POSS3SG
 ‘сотовый телефон нового поколения 5G’

Для *batın* в словаре арабского языка указываются значения ‘желудок’ и ‘живот’ [Arabic], а также религиозное значение ‘скрытое, тайное’; значения ‘поколение’ не отмечается ни в арабском, ни в персидском языках. В турецком это слово, кроме религиозного значения (*zahir ve batın ilimleri* ‘науки о явном и тайном’), стандартно используется в качестве медицинского термина ‘брюшная полость’ (17); в значении ‘поколение’ (18), (19) имеет крайне низкую частотность:

- (17) *batın USG fiyat-lar-ı* [ibid.]
 брюшная.полость ультразвуковое.исследование цена-PL-POSS3SG
 ‘цены на ультразвуковое исследование брюшной полости’

- (18) *O, dördüncü batın-dan dede-si olu-yor* [TDK]
 он четвёртый batın-ABL дедушка-POSS3SG быть-PRS
 ‘Он — его прадед в четвёртом поколении’.

- (19) *Her iki-si-nin soy-u, birkaç batın yukarı-da, Kilâb-da birleş-mekte-dir* [TSC]
 каждый два-POSS3SG-GEN род-POSS3SG несколько batın верх-LOC Кияльб-LOC объединяться-PRGR-INS
 ‘Оба их рода соединяются на несколько поколений выше, в Кияльбе’.

В современном турецком языке сохранилась упоминавшаяся выше лексема *döl* (при этом её частотность крайне низка — 0,76 на миллион слов, по данным [TSC]). ДӨЛ зафиксирована в ряде тюркских языков, где её первичные значения, указанные в [ЭСТЯ 1980: 274—276], можно объединить в три группы — кровное родство, продолжение рода, принесение потомства: 1) физиологические процессы, связанные с размножением человека и животных; 2) род и потомство человека и животных; 3) половые клетки. При низкой частотности *döl* в турецком языке из примерно 300 употреблений, представленных в [TSC], основную массу составляют биологические термины, предположительно, вводимые в язык для замены заимствований, например *döl yatağı* (*döl* постель-POSS3SG) ‘матка’ — вместо стандартного *rahim*, *döl hücre-leri* (*döl* клетка-POSS3PL) ‘сперматозоиды’ — вместо стандартного *spermatozoit*, *sperm hücreleri* (ср. *yumurta* ‘яйцо’, ‘яйцеклетка’) и др., в которых сохраняется указание на исторически имевшую принципиально важную связь с продолжением рода именно по мужской линии (также *dölle-* ‘оплодотворять’, *döl ver-me-yen* (*döl* давать-NEG-PC) ‘бесплодный, оскопленный’). Часть использований — в отношении растений: ‘семена’, ‘споры’ (при наличии стандартных терминологических *tohum* ‘семя, семена’, *spor* ‘споры’) и др. Хотя в словарях, в том числе в [TDK] и учитываемых в [TSC], *döl* приводится при пояснении значений слов *kuşak* и *nesil*, в [TSC] выявлено лишь около 10 употреблений в отношении людей и животных, более близких к ‘потомству’:

- (20) *...bu yüz-den on-u döl olarak gör-meli-yiz, ebeveyn olarak değil...* [ibid.]
 этот причина-ABL он-ACC döl как видеть-OBL-1PL родители как NEG
 ‘...по этой причине мы должны рассматривать его как потомка, а не как родителя...’

- (21) *Yaz boyunca 6—7 döl meydan-a getir-ir-ler* [ibid.]
 лето вдоль 6—7 döl площадь-DAT приносить-AOR-PL
 ‘За лето приносят потомство 6—7 раз’.

Парное использование *döl döş*, в котором второе слово признаётся параллельной и семантически тождественной формой первого [ЭСТЯ 1980: 275], также ДӨШ ‘грудь, подреберье’ [там же: 286], можно считать архаизмом, поскольку присутствует в примере [TDK] (22), но не отмечено в [TSC]:

- (22) *Öyle ya, senin döl-ün yok, döş-ün yok!*
 так же твой döl-POSS2SG нет döş-POSS2SG нет
Bekâr-a karı boşa-ma-sı kolay-dir (Ercüment Ekrem Talu, 1886—1956 [TDK])
 холостяк-DAT жена разводиться-NMLZ-POSS3SG легко-IND
 ‘Конечно, у тебя детей нет! Холостяку развестись просто’.

В качестве синонима *döl* в [TDK] приводится заимствование *zürriyet* от араб. *zurriyyet* ‘дети, потомство’, ‘штамм’, однако оно достаточно низкочастотно (около 10 использований в [TSC]), и его значение плохо знакомо большинству стандартных носителей.

Лексема *döl* указывает на прямую генетическую связь между отцом и ребёнком, в отличие от более широкого понимания «кровного родства», представленного в ряде европейских языков (англ. *blood relations*, нем. *Blutsverwandtschaft*, фр. *consanguinité* и др.). Турецкое словосочетание *kan bağı* (кровь связь-POSS3SG) букв. ‘кровная связь’ имеет низкую частотность (около 200 употреблений в [TSC]) и используется в современных текстах в отношении не столько фактического прямого родства, сколько в качестве указания на медицинский фактор и наличие «общих корней», например среди представителей различных тюркских народов:

- (23) ...*kan bağı* *ara-ma-ya* *kalk-tı* *mi, ben belki* *Türk* *çık-ar-ım*
 кровь связь-POSS3SG искать-NMLZ-DAT вставить-PST Q я возможно турок/тюрк выходить-AOR-1SG
 ‘...если заняться поисками общих корней, то, возможно, я окажусь турком/тюрком’.

Это же значение — не прямого родства, а принадлежности к одному роду — отражено в терминах *kan dava-sı* (кровь дело-POSS3SG) ‘кровная вражда, месть’, *kan-lı* (кровь-EXS) ‘кровник, кровный враг’ [Ökten 2010]:

- (24) *Ancak, kanlı-sı* *ol-an* *iki kişi* *mahkûm-u* *öldür-mek için fırsat* *ara-makta-dir*
 однако кровник-POSS3SG быть-PC два человек осужденный-ACC убить-NMLZ для случай искать-PRGR-IND
 ‘Однако два кровника осуждённого ищут его, чтобы убить’.

Лексема *kuşak* (частотность только в форме номинатива — более 25 на миллион [TSC]) этимологически восходит к корню ҚУР: в [ЭСТЯ 1980: 150—153] указано два омонима ҚУР. Основные значения одного из них в ряде тюркских языков связаны с процессом окружения, опоясывания — ‘пояс, лента, завязка’ — *куршақ* и *кушақ* в разных фонетических вариантах. Значения другого омонима ҚУР связаны с возрастом человека (‘время, пора, время достижения определённого возраста, положения’) и группой людей (‘сверстники, компания, гости’). Существует также мнение о едином происхождении обоих омонимов ҚУР [там же].

Kuşak в турецком языке является полисемичной лексемой и обладает максимально широким спектром значений в группе рассматриваемых лексем — в [TDK] их указано 10, одно из которых — предмет одежды *пояс* (25), а в большинстве метафорически переосмысливается форма пояса как вытянутой полосы, охватывающей или соединяющей что-либо с чем-либо и, как правило, расположенной горизонтально: деревянная или металлическая горизонтальная конструкционная или декоративная деталь (‘пояс, полоса, скрепа, полка, бандаж’) [Turksebilgi] (27), географическая зона, вытянутая в горизонтальном направлении (28) и расположенная в горизонтальной или вертикальной (29) плоскости (возможно, в этом случае семантика частично нарушается, что нередко происходит в современном турецком языке, см., например, [Напольнова 2021: 304]), в том числе сейсмический пояс (30):

- (25) *gelin kuşağı*
 невеста *kuşak*-POSS3SG
 ‘пояс невесты’ (обычно красного цвета, символизирует невинность)

- (26) *gök kuşağı*
 небо *kuşak*-POSS3SG
 ‘радуга’

- (27) *korozyon-a uğra-mış sütun başlık kuşağı* [TSC]
 коррозия-DAT подвергаться-PRF колонна головная.часть *kuşak*-POSS3SG
 ‘бандаж капители колонны, подвергшийся коррозии’

- (28) *Kafkasya, Türkiye'-yi Orta Asya'-ya bağla-yan kuşak iç-i-nde büyük bir stratejik önem taşı-makta-dir* [ibid.]
 Кавказ Турция-ACC Средняя Азия-DAT привязывать-PC *kuşak* нутро-POSS3SG-LOC большой
 один стратегический важность нести-PRGR-IND
 ‘Кавказ имеет стратегическое значение внутри пояса, соединяющего Турцию со Средней Азией’.

- (29) *Kayak alanı 1850—2200 metre yükseklik kuşağı*
 лыжи площадь-POSS3SG 1850—2200 метр высота *kuşak*-POSS3SG
üzer-i-nde yer al-ırken... [ibid.]
 верх-POSS3SG-LOC место брать-CV
 ‘Горнолыжная зона находится в полосе, расположенной на высоте 1850—2200 м...’

- (30) *Yer-yüz-ü-nde-ki büyük deprem-ler-in*
 Земля-поверхность-POSS3SG-LOC-ADJ большой землетрясение-PL-GEN
yüz-de 81'-i bu kuşak üzer-i-nde gerçekleş-ir [ibid.]
 сто-LOC 81-POSS3SG этот kuşak верх-POSS3SG-LOC осуществляться-AOR
 ‘81 % крупных землетрясений на земной поверхности происходит в этом поясе’.

В случае с *kuşak* пространственное значение очевидно является производным от предметного через представление о вытянутой форме и горизонтальности (метафора). Кроме того, в настоящее время с помощью *kuşak* именуется временные интервалы, в течение которых на телевизионных каналах демонстрируются передачи того или иного типа (31)—(33). Данное значение достаточно высокочастотно и получило терминологический статус, при этом близких к нему не зафиксировано в иных сферах деятельности. В современном турецком языке слова с изначальной пространственной семантикой стандартно используются для номинации временных явлений [Напольнова 2021: 232—234], однако в случае с *kuşak*, по нашему мнению, такой путь развития полисемии сомнителен, сложно также найти основание семантического переноса от предметного ‘пояс’ к временному:

- (31) *Çizgi Film ve Animasyon Kuşağı* [TSC]
 линия фильм и анимация kuşak-POSS3SG
 ‘время показа мультфильмов и анимационных фильмов’
- (32) *Yine 64 dakika-lık bir dizi olan Kurşun Yara-sı'-nda ise 51 dakika-lık reklam kuşağ-ı...* [ibid.]
 опять 64 минута-ADJ один сериал быть-PC пуля рана-POSS3SG-LOC же 51 минута-ADJ
 реклама kuşak-POSS3SG
 ‘Опять-таки в 64-минутном сериале «Пулевое ранение» продолжительность рекламных перерывов (составила) 51 минуту...’
- (33) *İtiraz-ımız sadece ucuz gündüz kuşağ-ı program-ları-na değil* [ibid.]
 возражение-POSS1PL только дешёвый день kuşak-POSS3SG программа-PL-POSS3SG-DAT NEG
 ‘Наши возражения касаются не только времени демонстрации дешёвых дневных программ’.

С учётом того, что в настоящее время вследствие наличия устойчивой тенденции к использованию тюркских слов и корней одним из самых активных способов словообразования, особенно в научно-технологической сфере, является калькирование, наиболее убедительным обоснованием возникновения указанного значения у *kuşak* может быть то, что его источником стало англ. *fringe* ‘бахрома, край, кайма’, получившее также значение ‘интервал эфирного времени, предшествующий праймтайму (*early fringe* букв. ‘ранний край’ — 16:30—18:30) или следующий непосредственно за ним (*late fringe* букв. ‘поздний край’ — 24:00—1:00)’ [ITD], с последующим семантическим расширением в турецком на лубые интервалы эфирного времени благодаря отсутствию у *kuşak* значения пограничности.

Два из указанных в [TDK] значений *kuşak* именуют группы людей (‘поколение’) — это ‘люди приблизительно одного возраста, живущие одновременно’ (34), (35), а также ‘группа людей, занимающихся общей деятельностью’ (36), и эти два использования наиболее частотны:

- (34) *Bugün Almanya'-da dördüncü kuşak Türk-ler yetiş-mekte-dir* [TSC]
 сегодня Германия-LOC четвёртый kuşak тюрк/тюрк-PL вырастить-PRGR-INS
 ‘Сегодня в Германии подрастает четвёртое поколение турок’.
- (35) *Bir siyasi kuşak değiş-irken...* [ibid.]
 один политический kuşak меняться-CV
 ‘При смене политического поколения...’
- (36) *Çallı kuşağ-ı* [ibid.]
 Чаллы поколение-POSS3SG
 ‘группа художников, получивших образование в Европе и вернувшихся в Османскую империю с началом Первой мировой войны’ (также именуется *1914 kuşağı*).

С английского названия некоторых поколений переведены следующим образом: *Z Generation* → *Z Kuşağı* ‘поколение Z’, *Generation Next* → *Gelecek Kuşak* (будущее поколение) ‘следующее поколение’, *Nexters* → *Bir Sonra-ki-ler* (один потом-ADJ-PL) букв. ‘следующие’.

Kuşak используется также и для обозначения поколений в рамках семьи, однако внимание современного общества в большей степени привлекают не генеалогические, а общие социальные проблемы, и по

этой причине соответствующих примеров достаточно мало, но характерной особенностью во многих случаях является использование наряду с изафетом (37) конструкций с локативом (38) и аблативом (39), (40), чего не отмечается при других значениях *kuşak*:

- (37) *Aile-nin genç kuşağ-ı 2004 yıl-ı-nda ... düzenle-miş* [TSC]
 семья-GEN молодой kuşak-POSS3SG 2004 год-POSS3SG-LOC организовать-PRF
 ‘Младшее поколение семьи в 2004 году организовало ...’
- (38) *sülale-de-ki dört kuşak kadın-ın hikâye-si* [ibid.]
 род-LOC-ADJ четыре kuşak женщина-GEN история-POSS3SG
 ‘история четырёх поколений женщин из одной семьи’
- (39) *Genellikle aile-den en az iki kuşak, işletme yönetim-i-yle ilgilen-ir* [ibid.]
 обычно семья-ABL самый мало два kuşak бизнес управление-POSS3SG-с интересоваться-AOR
 ‘Обычно минимум два поколения семьи интересуются управлением бизнесом’.
- (40) *...o aile-den birkaç kuşağ-ı etkile-miş ol-ma-sı lazım* [ibid.]
 тот семья-ABL несколько kuşak-ACC влиять-PRF быть-NMLZ-POSS3SG нужно
 ‘(Это), должно быть, повлияло на несколько поколений той семьи’.

Переживаемый современным турецким языком процесс замещения заимствований неологизмами на тюркской основе порой требует пояснения значений некоторых используемых в тексте слов, что особенно распространено в научной и научно-популярной литературе вследствие отсутствия единообразия терминологических систем, и прежде всего — в общественных науках. По этой причине во избежание неправильного понимания, которое может образоваться ввиду многозначности *kuşak*, мог возникнуть следующий пример:

- (41) *Şimdi de M kuşağ-ı (nesil-i) gel-iyor* [TSC]
 сейчас тоже M kuşak-POSS3SG (nesil-POSS3SG) приходить-PRS
 ‘А теперь на подходе поколение «М»’.

Хотя использование *kuşak* в качестве синонима рассмотренных выше *jenerasyon* и *nesil* в значении ‘поколение технических средств’ возможно (42), однако такие случаи значительно менее частотны по сравнению с другими значениями, чем у двух указанных лексем, и, по мнению некоторых компетентных носителей турецкого языка, менее всего уместны:

- (42) *İkinci kuşak internet işletim sistem-i-nin kur-ul-ma-sı-ndan bu yan-a...* [TSC]
 второй kuşak интернет операция система-POSS3SG-GEN
 создавать-PASS-NMLZ-POSS3SG-ABL этот сторона-DAT
 ‘С момента создания для интернета операционной системы второго поколения...’

Наиболее распространённым значением для ГӨ:БЕК в тюркских языках указывается ‘пупок’ [ЭСТЯ 1980: 52]. Для турецкого *göbek* в [ТДК] приведено 12 значений, в основном связанных с животом и его округлой формой (ср. *göbek salata* ‘салат «Айсберг»’ — в форме округлого кочана; *göbek* (разг.) ‘перекрёсток с круговым движением’, в центре которого находится клумба, газон и под.), а значение ‘пупок’ точнее выражается термином *göbek deliğ-i* (гёбек дырка-POSS3SG). Одно из значений *göbek* поясняется как *göbek bağ-ı* (гёбек завязка/связь-POSS3SG) ‘пуповина’ и используется как в качестве термина, так и в бытовом языке, олицетворяя неразрывную связь между поколениями — матерью и ребёнком:

- (43) *İlk göbek bağ-ı kes-il-dik-ten sonra 20 yaş-ı-na kadar anne-si-yle duygusal göbek bağ-ı devam edi-yor* [TSC]
 первый göbek связь-POSS3SG резать-PASS-SAF-ABL после 20 год-POSS3SG-DAT до
 мать-POSS3SG-с эмоциональный göbek связь-POSS3SG продолжение AUX-PRS
 ‘После того как обрезана настоящая пуповина, остаётся эмоционально привязанным к матери до своего 20-летия’.

Возможно также более широкое использование в переносном значении для указания на наличие неразрывной связи:

- (44) *...artık kooperatif-e göbek bağ-ı ile bağlı değil-siniz* [TSC]
 уже кооператив-DAT göbek связь-POSS3SG с привязан NEG-2PL
 ‘...вы уже не «связаны пуповиной» с кооперативом’.

Значение *göbek* ‘поколение’, вероятно, является производным от словосочетания *göbek bağı* — такой способ развития полисемии, при котором первое слово (определение) в словосочетании на основе одноаффиксного изафета приобретает значение всего словосочетания, характерен для турецкого языка (например, *cep telefon-u* (карман телефон-POSS3SG) ‘сотовый телефон’ → *cep* ‘сотовый телефон’ [TDK]):

- (45) *Üç göbek önce-si sülale-miz-in mezar-lar-ı*
 три гёбек раньше-POSS3SG род-POSS1PL-GEN могила-PL-POSS3SG
Üsküdar'-da... (Burhan Felek, 1889—1982 [TDK])
 Ускюдар-LOC
 ‘Могилы трёх поколений нашей семьи — в Ускюдаре...’

Для указания на степень кровного родства с предками используется аблатив (ср. (18), (39), (40)), при том что для турецкого языка соединение существительных с применением падежных конструкций мало характерно:

- (46) *yirmi birinci göbek-ten dede-si* (İslam Ansiklopedisi)
 двадцать первый гёбек-ABL дедушка-POSS3SG
 ‘его предок в двадцать первом колене’ (в другом месте в аналогичном случае использовано *kuşak*)
- (47) *Sen-in sekizinci göbek-ten büyük dede-n-e...* [TSC]
 ты-GEN восьмой гёбек-ABL большой дед-POSS2SG-DAT
 ‘Твоему прадеду в восьмом поколении...’

Совпадение основного значения *göbek* и *batın* ‘живот’ позволяет полагать, что причиной появления в турецком языке у заимствования *batın* значения ‘поколение’, отсутствующего в арабском, стало семантическое освоение с расширением значения через частичную семантическую ассимиляцию с неполным тюркским синонимом *göbek*, что также отразилось в совпадении управления обоих слов.

Смена поколений в контексте временных и пространственных представлений

«Научный интерес к анализу поколений и проблемам отношения между ними возник в западноевропейской литературе во второй половине XIX в., в том числе и в связи с философским осмыслением такой категории, как время» [Исаева 2011: 265], при том что смена поколений — безусловная реалья окружающего мира, которая первоначально не только имела практическое основание при определении наследственных прав, но и была частью очевидных проявлений течения времени. Следовательно, встаёт вопрос о том, каким образом связаны способы выражения «направления течения времени» и смены поколений в современном турецком языке.

Наиболее частотные лексемы *nesil* и *kuşak*, а также *jenerasyon* стандартно используются в сочетании с определениями *yeni* ‘новый’ и *eski* ‘старый’, а кроме того, — с отражающими «абсолютную стратегию времени» (которая представляет время как объективный процесс, и в его рамках более ранние события характеризуются как передние (*ön* ‘перед’ → *önce* ‘сначала’), а более поздние — как направленные к концу (*son* ‘конец’ → *sonra* ‘потом’) [Напольнова 2021: 247—249]) определениями *bir önce-ki* (один сначала-ADJ) ‘предыдущий’ и *bir sonra-ki* (один потом-ADJ) ‘следующий’:

- (48) *Bir nesil-in kader-i-ni bir önce-ki*
 один поколение-GEN судьба-POSS3SG-ACC один сначала-ADJ
nesil tayin ed-er (перевод изречения Конфуция)
 поколение назначение AUX-AOR
 ‘Судьба поколения определяется предыдущим поколением’.
- (49) *Biz-den sonra-ki nesil daha dirayet-li* [TSC]
 мы-ABL после-ADJ поколение более сообразительность-EXS
 ‘Следующее после нас поколение — более сообразительное’.

В рамках «антропоцентрической стратегии времени» (выражающейся в том, что человек ощущает себя частью «потока времени» и даже соревнуется с ним в скорости, прошлое остаётся позади, а движение в направлении к будущему визуализируется как пространственное перемещение вперёд, когда все встречающиеся на пути объекты как бы двигаются навстречу [Напольнова 2021: 246—247]) «человек из будущего» может представляться двояко. С одной стороны, исходя из «сонаправленного с временем» продвижения человека вперёд, будущее поколение, как и другие объекты, может казаться как бы приближающимся, двигающимся навстречу:

- (50) *Gel-ecek nesil-ler için tüm doğa-yı ve tarihi yer-ler-i koru-malı-yız* [TSC]
 приходит-FUT поколение-PL для весь природа-ACC и
 исторический место-PL-ACC хранить-OBL-1PL
 ‘Мы должны сохранить для следующих поколений всю природу и исторические места’.

С другой стороны, человек сам и является тем, кто движется в направлении из прошлого в будущее. Пространственное перемещение людей в колонне друг за другом описывается с помощью глаголов *gel-* ‘пространственное перемещение к говорящему или субъекту действия’ и *git-* ‘пространственное перемещение в горизонтальной плоскости в направлении не к говорящему и не к ориентиру’ [Напольнова 2021: 101]:

- (51) *Ön-den gid-en-ler ve arka-dan gel-en-ler şöyle bağır-ıyor-lar-di...* (перевод Евангелия от Марка, гл. 11, стих 9)
 перед-ABL идти-PC-PL и зад-ABL приходит-PC-PL вот.так
 кричать-PRS-PL-PST
 «И предшествовавшие и сопровождавшие восклицали...»

Согласно этому способу характеристики пространственного перемещения смена поколений описывается следующим образом:

- (52) *Arka-dan gelen-ler ön-den giden-ler-in ne zorluk-lar-la ilerle-diğ-i-ni asla bil-e-mez-ler* (Facebook)
 зад-ABL приходит-PL перед-ABL идти-PL-GEN что трудность-PL-INS
 продвигаться.вперед-SAF-POSS3SG-ACC ни.за.что знать-ABIL-NEGA-PL
 букв. ‘Идущие позади никак не могут знать, с каким трудом продвигались вперёд те, кто шёл впереди’ (образное выражение, используется метафорически).
- (53) *Arka-mız-dan gel-en-ler-e her zaman desteğ-im sonsuz* (Linkedin)
 зад-POSS1PL-ABL приходит-PC-PL-DAT каждый время поддержка-POSS1SG бесконечный
 ‘Я всегда безусловно поддерживаю следующих за нами’.
- (54) *arka-mız-dan gel-en yeni nesil-ler-e* [TSC]
 зад-POSS1PL-ABL приходит-PC новый поколение-PL-DAT
 ‘новым поколениям, следующим за нами’
- (55) *İyi veya kötü, arka-mız-dan gel-en-ler biz-den gör-dük-ler-i-ni hep bir adım ön-e taşı-r-lar* (Instagram)
 хороший или плохой зад-POSS1PL-ABL приходит-PC-PL мы-ABL
 видеть-SAF-PL-POSS3SG-ACC всегда один шаг перед-DAT нести-AOR-PL
 ‘Те, кто идёт за нами, проносят на шаг вперёд всё, что получают от нас, будь то хорошее или плохое’.

Заключение

Особенности лексической системы современного турецкого языка благодаря использованию ряда лексем в значении ‘поколение’ предоставляют возможности для выражения как генеалогических связей, так и более широких значений, в том числе терминологических.

Для указания непосредственно на **прямое родство** используются в основном тюркские лексемы, при этом генетическая связь ассоциируется:

- с передачей мужских клеток (*döl*) от отца к ребёнку (что соответствует представлениям древних тюрков),
- со связью между матерью и ребёнком через пуповину (*göbek*) и
- с последовательностью появления на свет групп родственников, связанных между собой «по горизонтали» (*kuşak*).

Хотя *döl* приводится в словарях в качестве синонима к другим лексемам со значением ‘поколение’, его собственное значение правильнее охарактеризовать как ‘потомство’, поскольку оно соотносится исключительно с младшим поколением на фоне того, что в современном языке в значении ‘потомство’ стандартно возможны только *çocuk-lar* (ребёнок-PL) ‘дети’, *torun-lar* (внук-PL) ‘внуки’². Вместе с тем

² Для обозначения различных групп в рамках семьи в турецком языке зачастую не имеется собирательных тюркских наименований: в отношении *родителей* используются арабские заимствования с ограниченной сочетае-

архаизация *döl* в значении ‘потомство’ связана с отходом от традиционного мировосприятия, влиянием иностранных языков и закреплением в сознании носителей элементов научной картины мира. Использование *döl* в терминологических словосочетаниях объясняется стремлением к замене заимствований на тюркские слова, однако это не привело к замещению устоявшихся терминов.

Göbek в значении ‘поколение’ в современном языке используется редко, и в большей степени это характерно для литературных произведений XX в. Как и в случае с *döl*, низкая частотность *göbek* в генетическом понимании указывает на снижение актуальности прослеживания соответствующих родственных связей и влияние современных представлений о мироустройстве, в том числе научных.

Для лексемы *kuşak* значение ‘поколение’ — стилистически нейтральное и в современном языке в отношении поколений одной семьи используется чаще других. Семантически важными особенностями различных объектов номинации, обозначаемых с помощью лексемы *kuşak* в предметном, географическом и социальном значениях, являются «соединяющая или объединяющая функция» и действительное или виртуальное «горизонтальное расположение».

Арабское заимствование *batın* в турецком языке является устоявшимся медицинским термином со значением ‘брюшная полость’ и, кроме того, путём семантического освоения приобрело значение ‘поколение’, а также управление исходным падежом, однако используется в этом значении крайне редко.

Для передачи значения **поколения как «общности современников, объединённых теми или иными сходными качествами или ценностями»** и в отношении поколения **как уровня развития технических средств** наиболее активно используется заимствованное из арабского языка через персидский существительное *nesil*, значительно менее частотны тюркское *kuşak* и французское *jenerasyon*. Выбор одной из трёх лексем, как и в других многочисленных случаях, зависит не от семантических или функционально-стилистических особенностей текста, а от политических и отражающих их языковых предпочтений говорящего или пишущего.

Исторический процесс смены поколений оязыковляется в рамках «абсолютной» и «антропоцентрической» стратегий течения времени.

Г л о с с ы

1 — первое лицо	IND — изъявительное наклонение
2 — второе лицо	INS — инструментальный падеж (инструментатив)
3 — третье лицо	LOC — местный падеж (локатив)
ABİL — модальность возможности	NEG — отрицание
ABL — отложительный падеж (аблатив)	NEGA — негативная форма аориста
ABS — словообразовательный показатель, указывающий на отсутствие признака	NMLZ — имя действия
ACC — винительный падеж (аккузатив)	OBL — показатель долженствования
ADJ — показатель имени прилагательного (адъективизатор)	PASS — пассивный залог (пассив)
AOR — аорист (настоящее-будущее время)	PC — причастие
AUX — вспомогательный глагол	PL — множественное число
CV — деепричастие (конверб)	POSS — посессивный показатель
DAT — дательный падеж (датив)	PRF — перфект (прошедшее заглазное время)
EQU — сравнительный показатель	PRGR — настоящее продолжающееся время
EXS — показатель, указывающий на наличие признака	PRS — настоящее время
FUT — показатель причастия будущего времени	PST — прошедшее время
GEN — родительный падеж (генитив)	Q — вопросительная частица
	SAF — показатель субстантивно-адъективной формы ³
	SG — единственное число

Л и т е р а т у р а

Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://gufo.me/dict/dal> (дата обращения: 23.07.2024).

мостью *ebeveyn, veli* или тюркские *anne-ler* (мама-PL), *baba-lar* (папа-PL) с собирательным значением, в значении ‘предки’ — *ata-lar* (отец/дед/предок-PL), *dede-ler* (дед-PL).

³ Именная отглагольная форма, используемая в функции как существительного, так и прилагательного.

- Дементьева 2015 — *И. А. Дементьева*. Дефиниционный анализ лингвокультурного концепта «generation» в английском языке // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015, 8 (50), ч. 3. С. 70—73.
- Дыренкова 1940 — *Н. П. Дыренкова*. Шорский фольклор. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940.
- Исаева 2011 — *М. А. Исаева*. Поколение // *Энциклопедия гуманитарных наук*. 2011, 1. С. 265—268.
- Кызласов 2014 — *И. Л. Кызласов*. Религиозная природа енисейской письменности. II // *Российская тюркология*. 2014, 1 (10). С. 52—61.
- Напольнова 2021 — *Е. М. Напольнова*. Пространственные и временные отношения в лексической семантике современного турецкого языка. Дис. ... докт. филол. наук. М., 2021.
- Садыкова 2015 — *Х. Н. Садыкова*. Генезис научных представлений о поколении как социокультурном феномене // *Современные проблемы науки и образования*. 2015, 1—2. С. 213. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20258> (дата обращения: 23.07.2024).
- ЭС — Энциклопедический словарь. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/85771/ПОКОЛЕНИЕ> (дата обращения: 23.07.24).
- ЭСТЯ 1980 — *Э. В. Севортыан*. Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтуркские основы на буквы «И», «Г», «Д» / Под ред. *Н. З. Гаджиевой*. М.: Наука, 1980.
- Arabic — Arabic Terms Dictionary. URL: www.almaany.com/ar/dict/ar-ar (дата обращения: 23.07.2024).
- Davison 1994 — *R. H. Davison*. Ondokuzuncu Yüzyıl Osmanlı Reformlarına Araç Olarak Fransız Dili // *Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi*. 1994, cilt 2, no. 4. P. 171—188. URL: www.dergipark.org.tr/tr/pub/ctad/issue/25230/266684 (дата обращения: 23.07.2024).
- Farsi — Dictionary Farsi. URL: www.dictionary-farsi.com (дата обращения: 23.07.2024).
- ITD — The Interactive Television Dictionary & Business Index. URL: https://www.itvdictionary.com/definitions/fringe_time_definition.html (дата обращения: 23.07.2024).
- Ökten 2010 — *Ş. Ökten*. Kan Davası: Kanın Öcü ya da Şeref Uğruna Verilen Kolektif Savaş (Blood Feud: Vengeance of Blood or the Collective Fight for Honour) // *DergiPark*. 2010, 24. P. 165—187. URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/646132> (дата обращения: 17.11.2024).
- TDK — Материалы официального сайта Турецкого лингвистического общества (Türk Dil Kurumu). URL: www.tdk.gov.tr (дата обращения: 23.07.2024).
- TSC — The Turkish Corpus. URL: <https://tscorpus.com/> (дата обращения: 18.11.24).
- Turkcebilgi — Turkcebilgi. URL: <https://www.turkcebilgi.org/sozluk/mimarlik-terimleri/kusak-17633.html> (дата обращения: 23.07.2024).

References

- Arabic — Arabic Terms Dictionary. URL: www.almaany.com/ar/dict/ar-ar (accessed: 23.07.2024).
- Dal' — V. I. Dal'. Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka. {V. I. Dal. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language.} URL: <https://gufo.me/dict/dal> (accessed: 23.07.2024).
- Davison 1994 — *R. H. Davison*. Ondokuzuncu Yüzyıl Osmanlı Reformlarına Araç Olarak Fransız Dili. In: *Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi*. 1994, cilt 2, no. 4. P. 171—188. URL: www.dergipark.org.tr/tr/pub/ctad/issue/25230/266684 (accessed: 23.07.2024).
- Dement'eva 2015 — *I. A. Dement'eva*. Definiionnyj analiz lingvokul'turnogo koncepta “generation” v anglijskom jazyke. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2015, 8 (50), chast' 3. S. 70—73. {I. A. Dementeva. Definitional analysis of the linguacultural concept of “generation” in English. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2015, 8 (50), part 3. P. 70—73.}
- Dyrenkova 1940 — *N. P. Dyrenkova*. Shorskij folklor. Moskva; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1940. {N. P. Dyrenkova. Shor folklore. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1940.}
- ES — Ensiklopedicheskij slovar. {Encyclopedic dictionary.} URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/85771/ПОКОЛЕНИЕ> (accessed: 23.07.2024).
- ESTYA 1980 — *E. V. Sevortyan*. Etimologicheskij slovar' tyurkskih jazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy “V”, “G” i “D” / Pod redakciej *N. Z. Gadzhievoy*. Moskva: Nauka, 1980. {E. V. Sevortyan. Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and inter-Turkic bases on the letters “V”, “G” and “D” / Ed. by *N. Z. Gadzhieva*. Moscow: Nauka, 1980.}
- Farsi — Dictionary Farsi. URL: www.dictionary-farsi.com (accessed: 23.07.2024).
- Isaeva 2011 — *M. A. Isaeva*. Pokolenie. In: *Jenciklopedija gumanitarnyh nauk*. 2011, 1. S. 265—268. {M. A. Isaeva. Generation. In: *Encyclopedia of Humanities*. 2011, 1. P. 265—268.}
- ITD — The Interactive Television Dictionary & Business Index. URL: https://www.itvdictionary.com/definitions/fringe_time_definition.html (accessed: 23.07.2024).

Kyzlasov 2014 — I. L. Kyzlasov. Religioznaja priroda enisejskoj pis'mennosti. II. In: Rossijskaja t'urkologija. 2014, 1 (10). S. 52—61. {I. L. Kyzlasov. The religious nature of the Yenisei inscriptions. II. In: Russian Turkology. 2014, 1 (10). P. 52—61.}

Napolnova 2021 — E. M. Napolnova. Prostranstvennye i vremennye otnoshenija v leksicheskoj semantike sovremenogo tureckogo jazyka. Dis. ... doktora filologicheskikh nauk. Moskva, 2021. {E. M. Napolnova. Spatial and temporal relations in the lexical semantics of modern Turkish. PhD thesis. Moscow, 2021.}

Ökten 2010 — Ş. Ökten. Kan Davası: Kanın Öcü ya da Şeref Uğruna Verilen Kolektif Savaş. In: DergiPark. 2010, 24. P. 165—187. URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/646132> (accessed: 17.11.2024).

Sadykova 2015 — H. N. Sadykova. Geneziz nauchnyh predstavlenij o pokolenii kak sociokul'turnom fenomene. In: Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2015, 1—2. S. 213. {H. N. Sadykova. Genesis of scientific ideas about generation as a sociocultural phenomenon. In: Modern problems of science and education. 2015, 1—2. P. 213.} URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20258> (accessed: 23.07.2024).

TDK — Türk Dil Kurumu. URL: www.tdk.gov.tr (accessed: 23.07.2024).

TSC — The Turkish Corpus. URL: <https://tscorpus.com/> (accessed: 23.07.2024).

Turkcebilgi — Turkcebilgi. URL: <https://www.turkcebilgi.org/sozluk/mimarlik-terimleri/kusak-17633.html> (accessed: 23.07.2024).

Wh-in-situ in Tatyshly Udmurt

Vladislav A. Orlov, Institute of Linguistics of RAS (Moscow); vladorlov@iling-ran.ru

The article discusses novel data regarding the syntax of *wh*-questions in Tatyshly Udmurt (Permic < Uralic). Specifically, it argues that *wh*-questions in Tatyshly Udmurt are derived *in situ*, i.e. the *wh*-phrase does not have to move to the left periphery of the clause to get interpreted. Two major approaches to this phenomenon in the literature model it through the covert movement of the *wh*-phrase to the left periphery of the relevant clause or postulate a special mechanism of *in situ* interpretation to derive the meaning of the *wh*-questions. The elicited data from Tatyshly Udmurt support the second approach. First, the scope of *wh*-phrases is insensitive to most syntactic islands (finite and non-finite adjunct clauses, coordinate structures, embedded *wh*-questions), which is usually served as a diagnostic against covert movement of those items. The exceptions to this generalization are also discussed. Specifically, it discusses the ban on *wh-in-situ* in finite relative clauses and nominalized complement sentences and issues such constraints pose to current analyses. Second, Tatyshly Udmurt demonstrates (Focus) Intervention, when the presence of some semantic operators preceding the *wh*-phrase makes the sentence significantly worse. I discuss attested cases of (Focus) Intervention in the language as well as possible generalizations of the list of interveners. Finally, no Superiority Effect is attested in Tatyshly Udmurt, which means that *wh*-phrases in multiple questions can be arranged in any order with respect to one another.

Keywords: Tatyshly Udmurt, *wh-in-situ*, Islands, Focus Intervention, Superiority

WH-IN-SITU В ТАТЫШЛИНСКОМ ГОВОРЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

Орлов Владислав Андреевич, Институт языкознания РАН (Москва); vladorlov@iling-ran.ru

В статье приводятся новые данные, касающиеся синтаксиса специальных вопросов в татышлинском говоре удмуртского языка. Показано, что татышлинский удмуртский относится к языкам с *wh-in-situ*, где вопросительное местоимение не выдвигается на левую периферию клаузы для интерпретации. В литературе существуют два основных подхода к этому явлению. Первый из них предполагает, что в таких языках местоимение подвергается скрытому передвижению на левую периферию клаузы. Второй постулирует отдельный механизм *in situ* интерпретации вопросительного местоимения. Данные татышлинского удмуртского говорят в пользу второго подхода. Об этом свидетельствует прежде всего возможность интерпретации вопроса, где местоимение находится в синтаксическом острове, что может указывать на отсутствие скрытого *wh*-передвижения. В пользу этого также говорит отсутствие в языке эффектов превосходства (англ. *Superiority effects*), которые регулировали бы позицию вопросительных местоимений во множественных вопросах. Наконец, в татышлинском удмуртском наблюдается эффект интервенции фокуса: присутствие некоторых семантических операторов в позиции, предшествующей вопросительному местоимению, значительно снижает грамматичность предложения.

Ключевые слова: татышлинский удмуртский, *wh-in-situ*, синтаксические острова, интервенция фокуса, эффекты превосходства

1. Introduction¹

Derivation of wh-questions belongs to one of the most well-studied topics in syntactic literature, relevant both from theoretical and typological perspectives. It is generally assumed that languages fall into two large classes, depending on whether the wh-phrase overtly moves to its scopal position (wh-fronting languages) or stays *in situ* (see e.g. [Dryer 2013]). However, syntax of the latter class is subject to much controversy and variation. There are two major approaches to *wh-in-situ* in different languages (see [Bayer, Cheng 2017] for an overview). The first one is covert-movement analysis, which suggests that wh-questions in those languages are derived by the mechanism identical or very similar to the one found in wh-fronting languages. The second approach postulates some other mechanism (see below) that derives the meaning of wh-questions without the movement of wh-phrase.

Tatyshly Udmurt belongs to the class of languages, in which the wh-phrase² does not have to move overtly and can appear in any preverbal³ surface position⁴:

- (1) *mar pet'a (mar) tolon (mar) lãmšor-ân (mar) s'i-i-z (*mar)?*
 what Petya what yesterday what noon-LOC what eat-PST-3SG what
 ‘What did Petya have for lunch yesterday?’

Wh-phrases in the complement clause can get both matrix and embedded interpretations, which I show in (2)⁵. The verb *ž'ua-nâ* — ‘ask’ requires an interrogative clause as its complement (2a), whereas *malpanâ* — ‘think’ is

¹ I thank all the participants in MSU field project on Tatyshly Udmurt for sharing their ideas and data for this research (and for making our field trips so incredible!) and especially Egor Kashkin for organizing the work on Tatyshly Udmurt and his patient and careful reading of earlier drafts of this paper. I express my gratitude to the two anonymous reviewers for their questions and comments on the text. Mistakes, misinterpretation and incorrect generalizations are my own.

² Main interrogative words in Tatyshly Udmurt include *kin* — ‘who’, *mar* — ‘what’, *kud* — ‘which’ (also used as a relative pronoun), which can receive case and plural markings. See [Baidoullina 2003] for a morphological overview.

³ The constraint on postverbal position of the wh-phrase is typical of many languages but is still understood rather poorly. Existing accounts associate it with some obligatory movement step the wh-phrase has to undergo for some reason. Among those reasons, association with focus, which is characteristic of wh-phrases (see [Cable, ms.] for some discussion), is listed for Turkish [İşsever 2019 and literature therein]. However, allowance of postverbal focused constituents in Tatyshly Udmurt (possibly emerged due to contacts with Russian; as pointed out by a reviewer; see also [Asztalos 2018] a.o.) is an argument against such an explanation (focused constituents are in bold).

- (i) *mar das'a-j-Ø ? mon das'a-j-Ø žuk-me.*
 what cook-PST-1SG I cook-PST-1SG porridge-POSS.1SG.ACC
 ‘What did I cook? I cooked porridge’ [ANF-072019_VI_sijon].

- (ii) *so kârž'a-n-ez tod-e maša gäne.*
 that sing-VN-ACC know-PRS.3SG Masha only
 ‘Only Masha knows this song’.

Another approach, suggested in [Bhatt, Dayal 2007], derives postverbal constituents through rightward remnant movement. Such constituents are subject to obligatory reconstruction and never scope over preverbal constituents. Hence, postverbal wh-phrases are excluded because they are unable to take their scope position. Unfortunately, I do not have enough data to tell whether this analysis can apply to Tatyshly Udmurt. It should also be noted that according to [Belova, Kryukova, in prep.] complex wh-phrases show a different behavior being admissible in postverbal position (iii). The modifying wh-phrase is also admissible in postverbal position if it is marked with the possessive suffix (iv). See the mentioned paper for more data and discussion on LBE and complex wh-phrases in the language. It is yet unclear what factor is responsible for the asymmetry.

- (iii) *tolon l'eka-Ø-z Pet'a-jez kãše skal?*
 yesterday butt-PST-3SG petya-ACC what.kind cow
 (iv) *?tolon skal l'eka-Ø-z Pet'a-jez kãše-jez?*
 yesterday cow butt-PST-3SG petya-ACC what.kind-POSS.3SG
 ‘Which cow butted Petya yesterday?’ [ibid.].

⁴ The transcription for the examples is based on the system presented in [Baidoullina 2003]. Examples from Standard Udmurt and other languages are given as represented in the source. Examples written in Cyrillic are duplicated in Latin script. I use an automated Udmurt transliteration system to the Latin script, available at <https://www.copius.eu/trtr.php?lang=udm>.

compatible with a declarative complement, which leads to the matrix interpretation of the *wh*-phrase (b). The majority of speakers considers the movement of the *wh*-phrase to the left periphery ungrammatical (3).

- (2) a. *pet'a ž'ua-Ø-z [vas'a kin-e (meda)⁶ šukk-i-z šüä-sa]*.
 Petya ask-PST-3SG Vasya who-ACC INTER_PTCL hit-PST-3SG say-CVB
 'Petya asked whom Vasya hit'.
- b. *pet'a malpa-Ø-z [vas'a kin-e (meda) šukk-i-z šüä-sa]?*
 Petya think-PST-3SG Vasya who-ACC INTER_PTCL hit-PST-3SG say-CVB
 'Whom did Petya think Vasya hit?'
- (3) **kin-e_i pet'a malpa-Ø-z [vas'a t_i šukk-i-z šüä-sa]?*
 who-ACC Petya think-PST-3SG Vasya hit-PST-3SG say-CVB
Intended: 'Who did Petya think Vasya hit?'

The article provides new data, which may shed some light on the derivation and interpretation of *wh*-questions in Tatyshly Udmurt. I present three arguments that show that Tatyshly Udmurt is a genuine *wh-in-situ* language, so the *wh*-phrase does not undergo covert movement to get interpreted. The first argument is that *wh-in-situ* is grammatical in structures that restrict overt movement (islands). Second, no Superiority Effect is attested in the language. *Wh*-phrases in multiple questions occur freely in any order relative to each other, which is uncharacteristic of a language with *wh*-movement. Finally, Tatyshly Udmurt demonstrates (Focus) Intervention effect, which is a constraint on the order of the *wh*-phrase relative to some semantic operators, such as 'only' or 'even'. (Focus) Intervention is usually analyzed in terms of semantic incompatibility of the *wh*-phrase and other focus operators, so it can indicate that the *wh*-phrase is indeed interpreted in its surface position.

The article is organized as follows: Section 2 discusses previous research into Udmurt *wh*-questions and introduces some general facts about their syntax. Section 3 presents theoretical approaches to *wh-in-situ*. Section 4 discusses the methodology of the research. Section 5 shows the distribution of *wh*-phrases in islands. Section 6 shows the lack of Superiority Effects. Section 7 demonstrates the phenomenon of (Focus) Intervention in the language. Section 8 discusses some problems and extensions of the prospective analysis. Section 9 concludes.

2. Previous research on *wh*-questions in Udmurt

In this section, I provide basic information on Udmurt and summarize the existing findings on the syntax of questions and their gaps.

The Udmurt language belongs to the Permic branch of the Finno-Ugric languages (Uralic). It is mainly spoken in the central Russia (the Udmurt Republic and the neighboring regions; see a basic sociolinguistic description in [Edygarova 2022]).

Tatyshly Udmurt is regarded as a subdialect of Udmurt and belongs to the Peripheral-Southern dialect of the Southern dialectal group [Kelmakov 1998]. It is spoken by almost 21 000 people, most of whom live in rural areas in the northern part of the Bashkortostan Republic. It is characterized by intensive contacts with the neighboring Turkic languages, namely Bashkir and Tatar. The only existing phonological and morphological description of the language is provided in [Baidoullina 2003]. Since 2019, an extensive investigation of the language has been carried out at MSU⁷.

Typologically Udmurt is an agglutinative language with some synthetic properties and demonstrates the nominative-accusative strategy of alignment with optional marking of the direct object (differential object marking, see [Serdobolskaya, Toldova 2012]). The basic word order is SOV, although many researchers note the on-

⁵ The notions of matrix and embedded interpretation correspond to matrix and embedded question, respectively.

⁶ The particle *meda* is an emphatic particle used in interrogative sentences. It is usually translated as "I wonder" by the consultants. However, in embedded contexts it is usually expressed from the perspective of the attitude holder (see [Bayer et al. 2016] for the similar behavior of the particle *denn* in German):

(i) *pet'a ž'ua-Ø-z vas'a kin-e meda šukk-i-z šüä-sa*.
 Petya ask-PST-3SG Vasya who INTER_PTCL hit-PST-3SG say-CVB
 'Petya asked who (Petya wondered / *the speaker wonders) Vasya hit'.

It should be noted, though, that Tatyshly finite complement clauses can often be interpreted as embedded direct speech. Thus, subject-oriented reading of *meda* in (i) may follow from such an interpretation. I conclude that further research on the behavior of *meda* in embedded contexts is needed.

⁷ MSU field project on Tatyshly Udmurt: <https://tatyshly-udmurt.tilda.ws/en#rec382874247>

going shift to SVO, which is explained by the influence of Russian [Vilkuna 1998]. The actual word order is determined by the information structure.

There are few dedicated studies on wh-questions in Udmurt. However, some information about them can be found in most grammatical descriptions. In particular, in [GSUYA 1970] interrogative sentences are singled out as a separate type according to the purpose of utterance. They can be marked by the intonational pattern alone, as well as with the help of wh-words, which appear “often at the beginning of the sentence” [ibid.: 26] (4a). Some examples of the wh-phrase not in the left-most position in the clause are also given (4b). A similar observation is made by [Shutov 2002: 30], who characterizes the word order X-wh-V as a relict. However, [Winkler 2001: 67] notes that in a wh-question “neither is the position of this pronoun/adverb (i.e. of the wh-phrase. — *V. O.*) strictly determined, nor does the word order of the whole sentence differ obligatorily from a non-interrogative sentence”.

(4) Standard Udmurt

- a. *кy со кошк-и-з Глазов-е?*
ku so košk-i-z glazov-e
 when that leave-PST-3SG Glazov-ILL
 ‘When did he leave for Glazov?’ [GSUYA 1970: 27].
- b. *ач-иd кытчy ветл-и-д?*
ač-id kjtčj vetl-i-d
 REFL-POSS.2SG where.ILL go-PST-2SG
 ‘Where did you (yourself) go?’ [ibid.: 51].

Ponaryadov [2001: 73] and Shutov [2002: 31] note that the immediate preverbal position of the wh-phrase is characteristic of non-finite clauses headed by the nominalized form of the verb.

(5) Standard Udmurt

- ач-из [узыр мурт дор-ын мар вера-ськ-ем-зэс] кылзы-ны мын-эм*
ač-iz [uzjɪr murt dor-ɪn mar vera-šk-em-zes] kɪlzi-nɪ mɪn-em.
 REFL-POSS.3SG rich man side-LOC what tell-DETR-PTCP.PST-ACC.POSS.3PL listen-INF go-PST2
 ‘And he himself went to see what is told at the rich man’s house’ [UKL 1954: 113] as cited in [Ponaryadov 2001: 73].

Asztalos [2018; 2022] shows in her research on word order in Udmurt that the initial position of the wh-phrase is becoming more frequent, especially among younger speakers. She also notes that this tendency depends on the dialect, so the speakers of the Southern dialects use wh-phrase initial constructions less often. Finally, she compares the focus and the wh-phrase position in Udmurt, showing that the two are not identical (cf. (fn. 3)).

Some relevant facts can also be found in studies dedicated to other aspects of grammar. For instance, [Serdobolskaya et al. 2012: 426] in their study on clausal complementation in Finno-Ugric languages mention that embedded questions are possible within nominalized complement clauses in Beserman Udmurt (6a). They also note that the finite embedded question is compatible with the overt complementizer (6b), which is uncharacteristic of European languages.

(6) Besermyan Udmurt

- a. *ma-lā pot-em-m-e vunet-i.*
 what-DAT come.out-NMLZ-1-ACC forget-PST
 ‘I forgot why I came out’ [ibid.: 426].
- b. *vič’ak-s-e mon jua-s’ko [kil’l’en-kil’l’en ti šusa].*
 all-POSS.3SG-ACC I ask-PRS who-GEN-who-GEN you(pl.) COMPL
 ‘I ask everyone whose they are’ [ibid.: 438].

Georgieva [2018: 131] notes that wh-words in non-finite clauses headed by the *-on* verb form can receive the matrix scope only in echo-questions in Standard Udmurt. It can be seen in the translation of (7), which is only grammatical as an echo-question in English.

(7) Standard Udmurt

- [Pijaš kɪ-tčj mɪn-on] aʒɪn buskel’-jos-ɪz kuno-je likto?*
 boy where.ILL go-VN before neighbor-PL-3SG visit-ILL come.PRS.3PL
 ‘His neighbors visit [him] before the boy goes where?’ [ibid.].

Summarizing the above, the linear position of the wh-phrase in Udmurt is free, with positions at the beginning of the sentence or immediately before the verb being preferred. The position of the wh-phrase also depends

on the syntactic type of the clause. The data on embedded questions also suggest that these constructions differ from the European languages, which are usually characterized as *wh*-fronting. Finally, as reported in [Asztalos 2022], the differences between dialects should also be considered. While the initial position of the *wh*-phrase is typical for Standard Udmurt, it may be different in other dialects, especially Southern, in which *wh-in-situ* is often preferred.

At the same time, many questions of the syntax of *wh*-questions in Udmurt remain unanswered. Arguably, the most fundamental one is whether *wh*-questions are derived by covert *wh*-movement. The article provides some new facts about the syntax of *wh*-questions in Tatyshly Udmurt, which may give insights and help answer this question. The following section provides theoretical background of the research and discusses diagnostics of covert movement in the language.

3. Approaches to *wh-in-situ*

This section discusses analyses of *wh-in-situ* proposed for different languages. Specifically, it outlines the notion of covert movement and provides some arguments for and against such an approach. Three diagnostics of covert *wh*-movement are distinguished. First, covert movement is sensitive to locality constraints, i.e. it should obey syntactic islands [Ross 1967]. Therefore, the *wh*-phrase, which is argued to undergo covert movement, cannot occur in an island but be interpreted outside of it. Second, covert movement predicts restrictions on the surface order of the *wh*-phrases in multiple questions, which is commonly known as Superiority effects. Finally, if the *wh*-phrase undergoes covert movement, its interpretation should not depend on the presence of other semantic operators that linearly precede it, and no Intervention effects should be attested in these cases. In what follows, I present a theoretical motivation for these diagnostics and illustrate them with data from some *wh-in-situ* languages. Implementation of these diagnostics in Tatyshly Udmurt is given in Sections 5–7.

Covert movement analysis postulates that the derivation of *wh*-questions is identical in *wh*-fronting and *wh-in-situ* languages. The difference between the two is that in *wh-in-situ* the movement step of the *wh*-phrase happens in LF and is not reflected in the phonological output⁸. Since the same operation is responsible for the derivation, the same constraints are expected to apply to the overtly or covertly moved constituents (unless some additional differences between covert and overt movement are assumed; see the discussion below). The logic behind such an analysis is summarized in [Simpson 2000: 4] as The LF Movement Heuristic:

(8) LF Movement Heuristic

An analysis of LF-movement relating an element A to a higher position B is justified if either (i) or (ii) hold:

- (i) The interpretation of A is similar to elements which occur overtly in positions such as B.
- (ii) The relation of A to B is subject to constraints which otherwise characterize overtly formed syntactic (movement) dependencies.

The analysis of *wh-in-situ* in terms of covert movement was pioneered by C.-T. J. Huang in his thesis on the LF-phenomena in Mandarin Chinese [Huang 1982a], in which some parallels between *wh*-questions in English and Chinese were investigated. Among those parallels is the behavior of *wh*-phrases in islands. C.-T. J. Huang shows that adjunct *wh*-phrases in Chinese are sensitive to locality constraints and, thus, are unable to take scope if they occur in an island structure, despite the fact that they cross no island-boundary in overt syntax. This is demonstrated in (9), in which the adjunct *wh*-phrase *zeme* ‘how’ can only be interpreted within the embedded clause, so the interpretation (9b) is impossible. The behavior of the argument *wh*-phrases is more complicated, as can be seen from the availability of (9a) with the subject *wh*-phrase interpreted in the matrix clause. [Huang 1982a: Ch. 6, 7] argues for an analysis in which covert movement is not subject to Subjacency but is rather contingent on Empty Category Principle (ECP)⁹.

(9) argument-adjunct asymmetry in Chinese

ni xiang-zhidao [shei zeme pian-le zhangsan]?

You wonder who how cheated Zhangsan

a. ‘For which person x, you wonder how x cheated Zhangsan?’

b. * ‘For which way x, you wonder who cheated Zhangsan in x?’ [Huang 1982b: #54].

⁸ Certainly, the exact description of covert movement depends on the grammar architecture one assumes.

⁹ Subjacency is understood as a locality constraint which bans movement across more than one NP or clausal node (bounding nodes) at a time and, thus, ensures cyclicity of movement [Chomsky 1973]. ECP is a principle that requires that the trace (empty category) should be properly governed by its antecedent. The notion of proper government and the implications of the principle are discussed in [Chomsky 1981].

Another argument for covert movement discussed in the literature is the distribution of *wh*-phrases in multiple questions. It is well known that multiple questions in English obey **Superiority** [Chomsky 1973], i.e. they only allow certain order of *wh*-phrases, with the structurally higher phrase preceding the lower, which stays *in situ*.

(10) Superiority effect in English

- a. Who saw what?
- b. *What did who see?

Such cases are readily accounted for by constraints on movement. However, the exact pattern is more complicated even in English. D. Pesetsky [1987] notes that Superiority can be obviated if the set denoted by the *wh*-phrase is contextually restricted and known to the interlocutors, or discourse-linked (d-linked) in D. Pesetsky's terms. He suggests that d-linked questions do not undergo covert *wh*-movement and are unselectively bound instead¹⁰.

(11) D-linked *wh*-phrases do not obey superiority

- a. Which man did you persuade to read which book?
- b. Which book did you persuade which man to read? [ibid.: 106].

Interestingly, *wh-in-situ* languages pair with d-linked questions in English and do not obey Superiority¹¹, as can be seen in Japanese examples below, which together with the Subjacency violations may serve as an argument against covert movement of *wh*-phrases in these languages (see also [Kotek 2014: Ch. 6] for the discussion of the English *wh-in-situ* in islands).

(12) No superiority effects in Japanese

- a. *Dare-ga nani-o katta no?*
who-NOM what-ACC bought Q
'Who bought what?'
- b. *Nani-o_i dare-ga t_i katta no?*
what-ACC who-NOM bought Q
Lit. 'What did who buy?' [Takita, Chung-Yu Yang, 2014: 206].

Therefore, the covert movement approach faces severe empirical challenges (see also [Simpson 2000: Ch. 1] for further discussion), since at least in some cases *wh-in-situ* does not obey restrictions imposed by locality constraints (as the argument *wh*-phrases in Chinese (9a)) or Superiority¹² (as in Japanese examples in (8)). This discussion leads us to introducing some new approaches to deriving *wh*-questions without movement.

There exist several mechanisms that achieve this goal. The most popular include unselective binding [Pesetsky 1987; Nishigauchi 1990; Tsai 1994]; see also fn. 10), choice-functions¹³ [Reinhart 1998] and pointwise composition [Beck 2006; Cable 2010; Kotek 2019a]. Comparison of these theories goes beyond the scope of this paper. Instead, I will focus on the pointwise composition analysis. Only this approach provides a straightforward account of another constraint attested in Tatyshly Udmurt, namely (Focus) Intervention effect, which I discuss in detail below.

¹⁰ Unselective binding refers to the mechanism of obtaining scope by (potentially several) variables through binding by some higher operator. The idea was suggested by I. Heim in her dissertation on indefinites [Heim 1982]. Building on this idea and the analysis of *wh*-questions in [Baker 1970], D. Pesetsky [1987] suggests that *wh*-phrases in languages with *wh-in-situ* can be treated as variables, which are bound by the higher Q operator.

¹¹ There is, however, a restriction on the occurrence of the *why*-phrase in multiple questions. In Japanese, *nande* — 'why' cannot precede any other *wh*-phrase. In Chinese, the restriction is even more severe, so *weishenme* — 'why' is completely excluded from multiple questions. This phenomenon is usually referred to as 'antisuperiority', see [Tsai 2008; Takita, Chung-Yu Yang 2014] and literature therein.

¹² As a reviewer correctly notes Russian may constitute a potential counterexample as it has *wh*-fronting but lacks Superiority. However, the issue of Superiority in Russian is extremely complicated with little consensus about data in the first place. Therefore, some researchers argue for lack of Superiority and *wh*-movement [Stepanov 1998; Strahov 2001], and others do postulate Superiority at least in some configurations [Scott 2012]. For a recent discussion of Superiority in Russian based on experiment data see [Studenikina 2021]. I, thus, conclude that although lack of Superiority does not argue for lack of any movement of the *wh*-phrase, it does indicate lack of *wh*-movement as a separate operation.

¹³ Choice-function is a function that takes a set and returns a random member of this set. T. Reinhart applied choice functions to derive exceptional scope of indefinite NPs (1997) and *wh*-phrases in *wh-in-situ*.

Pointwise composition analysis combines the idea of [Hamblin 1973]; see also [Kratzer, Shimoyama 2002] that *wh*-words denote sets of alternatives with the focus semantics of [Rooth 1985], which assumes two levels of interpretation of ordinary and focus meaning¹⁴.

Informally speaking, pointwise composition assumes a standard view on the denotation of the *wh*-question as a set of propositions [Hamblin 1973; Karttunen 1977]. For example, the question ‘Which cat did Sue feed?’ denotes the set of alternative answers: ‘Sue fed Snowflake’, ‘Sue fed Scratchy’ etc. However, unlike more conventional approaches (see an overview in [Dayal 2016]), this set is first derived as focus meaning of the expression. The *wh*-word serves as an alternative generating expression, which does not have ordinary meaning. Its focus meaning denotes a set of alternative expressions of the same semantic type as the *wh*-word, further specified by its restrictor (i.e. the focus meaning of $[[\text{who}]]^f$ is a set of human individuals; $[[\text{which cat}]]^f$ denotes a set of individuals that are cats). As each set-denoting expression within the framework, its combining with other expressions is accommodated by the rule of Pointwise Functional Application, which applies the function to each element of the set (or vice versa, applies a single argument to the set of functions)¹⁵. The derived set of focus alternatives is then interpreted by the interrogative operator that converts the focus meaning of the expression into the ordinary (see a technical implementation in [Kotek 2019a]). The above-described approach to *wh-in-situ* involves no *wh*-movement, so it predicts island insensitivity. However, its main advantage compared to other *in situ* theories is that it provides a straightforward account of (Focus) Intervention effects, which I will now discuss.

The notion of (Focus) Intervention¹⁶ embraces a group of constraints on the position of the *wh*-phrase in many *wh-in-situ* languages, according to which the *wh*-phrase cannot be preceded by constituents modified by focus operators, such as ‘only’, ‘even’, etc. (issues with generalizing the exact list of interveners will be discussed below).

The phenomenon is demonstrated in (13) for Korean. The *wh*-question is ungrammatical if the *wh*-phrase is preceded by the focused constituent *minsu-man* ‘Minsu-only’ (13b). Scrambling of the *wh*-phrase to some position above the focused constituent makes the resulting expression significantly better (13c). The configuration is schematized in (a). The intervening clitic *man* — ‘only’ is underlined.

(13) Korean

- a. $*[C_{\text{quest}} \dots [\text{intervener} \dots [\dots \text{wh.} \dots]]]$
 b. $*\text{Minsu-}\underline{\text{man}} \text{ nuku-l\u016bl } \text{po-ass-ni?}$
 Minsu-only who-ACC see-PST-Q
 c. $\text{nuku-l\u016bl } \text{Minsu-man } \text{po-ass-ni?}$
 ‘Who did only Minsu see?’ [Beck 2006: 3].

According to the idea in [Beck 2006], later developed in [Cable 2010; Kotek 2019a], (Focus) Intervention can be explained if we assume that the same mechanism is responsible for the interpretation of *wh-in-situ* and focus, which seems plausible as both *wh*-questions and focus introduce alternatives.

S. Beck’s idea goes as follows: *wh*-phrases are unique lexical items, as they only have focus meaning, and their ordinary semantics value is undefined. Therefore, any structure that contains a *wh*-phrase is undefined, and will be blocked by the semantic interface unless it is merged with the interrogative operator, which, as was mentioned above, converts the focus meaning into the ordinary. The interrogative operator is also unique due to the fact that, unlike other focus operators, it does not require its argument to have an ordinary semantic value. Intervention of any other focus operator will result in uninterpretability, since those operators do need their arguments to have a defined ordinary semantic value. Therefore, the system excludes the structures where the focus operator precedes the *wh*-phrase.

Note, however, that the list of interveners in languages is usually wider and also includes items that are not usually analyzed in terms of focus semantics, such as negative quantifiers (14). It led to alternative ideas that generalize intervention in terms of information structure [Tomioka 2007] or Scope Rigidity which is understood as a property of some scope-taking expressions to be interpreted according to the position they occur linearly [Erlewine, Kotek 2017; Kotek 2019b; Demirok 2022; see also the discussion in Section 7].

¹⁴ See [Li, Law 2016] for a model of the interpretation of *wh*-questions and (Focus) Intervention that does not implement focus semantics.

¹⁵ The rule of Pointwise Functional Application can be notated as follows (after [Cable 2010: 65]):

If $[[X]]^f = \{f_{\sigma,t}\}$, $[[Y]]^f = A_{\sigma,t} = \{a_{\sigma}, b_{\sigma}, \dots h_{\sigma} \dots\}$, then $[[XY]]^f = B_{\tau,t} = f(A) = \{f(a), f(b), \dots f(h) \dots\}$.

¹⁶ As I discuss below, the term Focus Intervention, though conventional in the literature, does not account for the cases in which potential interveners are not focus-sensitive items and reflects a particular (and partially abandoned by many at this moment) analysis of the phenomenon. For this reason, I put the word *focus* in parentheses throughout the text.

(14) Turkish

a. **Parti-de hiçkimse kim-le konuş-ma-dı?*
party-LOC anybody.NCI who-with talk-NEG-PST

b. *Parti-de kim-le hiçkimse konuş-ma-dı?*
party-LOC who-with anybody.NCI talk-NEG-PST

‘Who₁ is such that nobody talked to them₁ at the party?’ [Demirok 2022: #1. b, c].

The discussion above suggests that several facts should be taken into consideration when studying *wh-in-situ* in a language. The choice between covert-movement and *in situ* interpretation analysis depends on the behavior of *wh*-phrases in island configurations and their interaction with potential interveners (see also the discussion in [Simpson 2000: Ch. 1] for other relevant diagnostics). Another important evidence for the presence of covert movement comes from obeying Superiority in multiple *wh*-questions. The article discusses these topics in Tatyshly Udmurt and suggests that the relevant data is best accounted for within *in situ* interpretation analysis.

4. Data and Methodology

My data was collected during fieldwork on Tatyshly Udmurt in 2022 and 2023. I worked in the Tatyshly district of the Bashkortostan Republic (villages Nizhnebaltachevo, Staryy Kyzyl-Yar, Novyye Tatyshly, Bigineyevo). The data mostly comes from the elicitation sessions with native speakers. They were asked to translate a sentence from Russian into Udmurt and vice versa, or assess the sentence I composed and reformulate it, if needed. The data gathered during such sessions are presented in the text without additional notes. The admissibility of a sentence was usually tested on at least three speakers. If the assessments varied between the speakers or they struggled to parse or access the sentence¹⁷, I asked additional 5 to 7 people. I also use data that other people shared with me. If the relevant example has not yet been published, I refer to it by mentioning the person who provided me with it.

Additionally, the data from the corpus of Tatyshly Udmurt is used (ca. 38.5 thousand words at the time of writing; http://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/index_en.html). Examples from the corpus are provided with the reference to the text.

5. Wh-phrases in islands

5.1. *Wh-in-situ* allowing structures

As was discussed in Section 3, the behavior of *wh*-phrases in Syntactic Islands provides a key argument for or against covert movement approach. It is usually assumed that covert movement should be as restrictive as its overt counterpart. Any asymmetries between the two cast doubt on the covert movement analysis. This is especially true within the Minimalist framework ([Chomsky 1993; 1995] and many subsequent works), which does not imply any differences in derivation between pre- and post-Spell-Out, unless they can be motivated by phonological reasons. Therefore, if a constituent that undergoes covert movement behaves differently from overtly moved ones, it provides a strong argument against such an analysis.

In this section, I demonstrate the distribution of *wh*-phrases inside Syntactic islands in Tatyshly Udmurt. *Wh*-phrases occur freely inside finite and non-finite clausal adjuncts, *wh*-islands and as the second conjunct inside coordinate structures. This suggests that no covert *wh*-movement takes place, and the *wh*-phrase gets interpreted *in situ*.

¹⁷ As correctly noted by a reviewer, some examples I construct involve a lot of complexity, so it might obscure speakers’ judgements. The issue of data interpretability in field work is extremely important and inevitably involves some compromises when one tries to gather reliable and complete data during limited sessions with native speakers. It is due to those limits I had to be satisfied with 3 judgements on some sentences. It should be noted again, however, that 3 was a minimum number that applied only to those cases when there was no hesitation or controversion in my speakers’ judgements. When such hesitation arose, I collected additional judgements from 5 to 7 speakers. Another issue is applying a linguistic experiment to gather more reliable data. It is true that such work will result in getting reliable data on more sophisticated stimuli. A full-fledged experiment will certainly be very helpful on later stages of the research into the *wh*-questions in Tatyshly Udmurt. However, at the current state we know too little about the topic to be able to formulate adequate hypotheses to be tested with an experiment. This article tries to fill this gap of knowledge so more sophisticated research could be done.

5.1.1. Adjunct island

The term adjunct island refers to the constraint on extraction out of an adjunct clause. Assuming that the wh phrase *in situ* undergoes covert movement to the left periphery, we would expect that *wh-in-situ* in the adjunct clause would be banned as it would require extraction of the wh-phrase out of it. In Tatyshly Udmurt, however, the wh-phrase can get the matrix interpretation if it occurs in an adjunct. This is demonstrated in (15) with the wh-phrase being inside the finite conditional clause. The wh-phrase occupies the subject position of the clause. The acceptability of these examples depends on the order of the clauses: the postposition of the conditional clause is admitted by a much smaller number of people. Note that the preferred answer to the question in (15) includes the whole island (see the same observation for Japanese in [Pesetsky 1987]).

- (15) a. [*kin lãkt-i-z ke*] *pet'a kuj-o-z?* — *maša lãkt-i-z ke*.
 who come-PST-3SG if Petya get.angry-FUT-3SG Masha come-PST-3SG if
 b. *?pet'a kuj-o-z [kin lãkt-i-z ke]?* — *maša lãkt-i-z ke*.
 Petya get.angry-FUT-3SG who come-PST-3SG if Masha come-PST-3SG if
 ‘— Which person is such, that Petya will get angry if that person comes?
 — If Masha comes’.

It should be noted that no such constraints on the word-order is present if the conditional clause does not contain wh-phrases:

- (16) a. *šukaje kũaz' zor-i-z ke rinat gurt-e mašina-jen mãn-o-z*.
 tomorrow weather rain-PST-3SG if Rinat village-ILL car-INS go-FUT-3SG
 b. *rinat gurt-e mašina-jen mãn-o-z, šukaje kũaz' zor-i-z ke*
 Rinat village-ILL car-INS go-FUT-3SG tomorrow weather rain-PST-3SG if
 ‘Rinat will go to the village by car, if it rains tomorrow’ (data by A. Podgoraia).

An adjunct wh-phrase¹⁸ is also allowed by most speakers (17), but is perceived as more marginal compared to (15a).

- (17) *?[maša kũ lãkt-i-z ke] pet'a kuj-o-z?*
 Masha when come-PST-3SG if Petya get.angry-FUT-3SG
 ‘Which moment is such, that Petya will get angry if Masha comes in that moment?’

Sentential adjuncts can also be expressed by converbial clauses. For this section, I have mainly studied *kâ* (-*ku*¹⁹) converbs, which are used to express simultaneity of actions²⁰.

According to my data, wh-questions within a converbial clause are acceptable for most speakers. This applies to both the same-subject (18) and different-subject (19) clauses (see [Danilova 2022; Kuznetsova 2022] on this distinction in Tatyshly Udmurt). The order of the clauses does not affect the evaluation, although it is sometimes noted that the preposition or embedding of the converbial clause are more natural.

- (18) a. [*mar s'iã-kã-z*] *vas'a vina ž'ũ-i-z?*
 what eat-CVB.SIM-POSS.3SG Vasya alcohol drink-PST-3SG
 b. *vas'a [mar s'iã-kã-z] vina ž'ũ-i-z?*
 Vasya what eat-CVB.SIM-POSS.3SG alcohol drink-PST-3SG

¹⁸ As will be shown below the temporal adjunct *kũ* ‘when’ is different from the respective adjunct in Chinese (see the discussion in [Tsai 1994]), which can occur in islands and, hence, pairs with argument wh-phrases. The distinction between different classes of adjuncts in *wh-in-situ* is usually accounted for in terms of different positions these adjuncts occupy in the syntactic structure [Stepanov, Tsai 2008], as well as their categorial status (see the distinction between PP and AdvP uses of the Japanese *nande* ‘why; by what means’ in [Fujii et al. 2014]). Murphy [2017: 200] proposes a generalization, stating that island-sensitivity is characteristic of TP-adjuncts. At this point, there is not enough data to classify wh-adjuncts in Tatyshly Udmurt with respect to their behaviour in islands. It should be noted that the behaviour of *kũ* is predicted by Murphy’s generalization, especially if we consider cross-linguistic arguments for TP-position of temporal adjuncts [Cinque 1999] and some existing models of their syntax [Demirdache, Uribe-Etxebarria 2004]. Tatyshly Udmurt *kũ* ‘when’ demonstrates asymmetry with argument wh-phrases in non-finite relative clauses and, hence, might be argued to be a genuine TP-level adjunct. However, thorough research of the argument-adjunct asymmetry in the language is required.

¹⁹ The *-ku* form is used in Standard Udmurt and considered literary by the speakers of Tatyshly Udmurt.

²⁰ The *kã*-converbial clauses can be analyzed as truncated clauses, which project TP but lack the CP-layer, as argued in [Georgieva 2018]. Syntactically, they serve as TP-adjuncts to the matrix clause.

- c. *vas'a vina ž'ü-i-z* [mar s'iâ-kâ-z]?
 Vasya alcohol drink-PST-3SG what eat-CVB.SIM-POSS.3SG
 'Which thing is such, that Vasya was drinking alcohol while eating that thing?'
- (19) a. [*maša mar lâ'ž'â-kâ*] *vas'a gožtet gožt-i-z?*
 Masha what read-CVB.SIM Vasya letter write-PST-3SG
 b. *vas'a [maša mar lâ'ž'â-kâ] gožtet gožt-i-z?*
 Vasya Masha what read-CVB.SIM letter write-PST-3SG
 c. ?*vas'a gožtet gožt-i-z* [*maša mar lâ'ž'â-kâ*?]
 Vasya letter write-PST-3SG Masha what read-CVB.SIM
 'Which thing is such, that Vasya was writing a letter while Masha was reading that thing?'

Examples (19a–c) show that the position of the wh-phrase *in situ* is possible for different-subject clauses. The position on the left boundary of the converbial clause (18), (20) is also acceptable.

- (20) [*kâč'â maša ve'lâ-ku*] *vas'a gormoška-en klub-ân šâd-i-z?*
 where.ILL Masha go-CVB.SIM Vasya accordion-INS club-LOC play-PST-3SG
 'Which x is such that Vasya was playing the accordion at the club while Masha was going to x?'

The examples above suggest that *wh-in-situ* in Tatyshly Udmurt is not constrained by the adjunct island, which speaks against covert movement approach.

5.1.2. Coordinate structure constraint

Another type of island construction is formed by the coordinate structure. The constraint says that extraction of conjuncts is disallowed²¹. Applying this constraint to *wh-in-situ* means that the wh-phrase cannot scope out of the coordinate structure if the wh-question is formed via covert movement.

In Tatyshly Udmurt, the wh-phrase in the coordinate structure is excluded as the first conjunct (21). However, it is allowed as the second one (22). Additionally, the second conjunct can be marked by the Russian borrowing *eššo* 'yet, else'.

- (21) **maša tolon [kin-e=no ruslan-ez] a'ž'-i-z?*
 Masha yesterday who-ACC=ADD Ruslan-ACC see-PST-3SG
 Intended: 'Which person is such, that Masha saw that person and Ruslan yesterday?'
- (22) *maša tolon [ruslan-ez=no (eššo) kin-e] a'ž'-i-z?*
 Masha yesterday Ruslan-ACC=ADD yet who-ACC see-PST-3SG
 'Which person is such, that Masha saw Ruslan and that person yesterday?'

The construction with the wh-phrase as the second conjunct is also acceptable in the embedded question.

- (23) *anaj-ez ž'ua-Ø-z maša tolon [ruslan-ez=no (eššo) kin-e] a'ž'-i-z šüä-sa.*
 mother-POSS.3SG ask-PST-3SG Masha yesterday Ruslan-ACC=ADD yet who-ACC see-PST-3SG say-CVB
 'Mother asked which person is such, that Masha saw Ruslan and that person yesterday?'

There is also a constraint on the wh-phrase as a second conjunct in a double-marked emphatic construction NP=no NP=no.

- (24) **maša tolon [ruslan-ez=no kin-e=no] a'ž'-i-z?*
 Masha yesterday Ruslan-ACC=ADD who-ACC=ADD see-PST-3SG
 Intended: 'Which person is such, that Masha saw Ruslan and that person yesterday?'

Again, no-movement analysis should be preferred to explain the data. However, it is unclear what exactly prevents the wh-phrase from emerging as the first conjunct. It should be noted that there is a general constraint on association of the wh-word with the additive particle =no in Tatyshly Udmurt. It cannot form an indefinite pronoun from the bare wh-word and is used only to modify some other series of indefinite pronouns (see [Baidoullina 2003: 78 et seq.]). Summing up, it might be possible to derive the constraint on the wh-phrase as the first conjunct from some independent properties of the Tatyshly grammar, but further research is required.

²¹ Another version of the constraint bans extraction **out** of the conjuncts. See [Oda 2017] for a discussion and empirical evidence for preserving both versions.

5.1.3. Wh-island

Wh-island is formed by the embedded question. Once again, we expect that the wh-phrase *in situ* cannot scope out of such a clause, if the wh-question is derived by covert movement.

This prediction was tested on finite postposed complement clauses. Unfortunately, I was able to gather only 3 judgements on these examples, so further research of the wh-island in the language is needed. The test sentence (25) consists of two clauses. The matrix predicate *ž'uanâ* — ‘ask’ selects an embedded question as its argument. The embedded clause contains two wh-phrases that ask about the subject and the temporal adjunct of the clause. Since the scope of the wh-phrase is not reflected in the overt syntax (recall the ban on extraction of the wh-phrase out of the embedded clause in (3)), the sentence (25) can have 3 potential readings that are relevant to the discussion. First, both wh-phrases can have embedded scope, which gives the reading of the multiple embedded question. That reading would be the only one expected if the wh-questions in Tatyshly Udmurt derived by covert movement. The crucial readings are given (25a, b), which show that embedded wh-phrases can receive matrix scope with the other one staying in the embedded clause. Moreover, no argument-adjunct asymmetry is attested for most of the speakers, which can be seen in (25b). However, it should be noted that (25b) never appears as the first response of the speakers when they are asked to translate the sentence into Russian, and some people do consider it marginal.

- (25) *anaj-e ž'ua-Ø-z [kin kù vojna=no mir lâž'-em šüä-sa]?*
 mother-POSS.1SG ask-PST-3SG who when war=ADD peace read-PST2 say-CVB
 a. ‘Which person is such, that my mother asked about that person when they read “War and Peace”?’
 b.? ‘Which moment is such, that my mother asked who read “War and Peace” in that moment?’

Summing up, the data presented above provide strong evidence against locality constraints on *wh-in-situ* in Tatyshly Udmurt, which would be hard to explain in terms of movement.

5.2. Wh-in-situ constraining structures

5.2.1. Finite relative clauses

This section shows that *wh-in-situ* is excluded from finite relative clauses in Tatyshly. Non-finite relative clauses headed by the *-em* verb form demonstrate argument-adjunct asymmetry, adjuncts being excluded from relative clauses. Finally, nominalized complement *-em* clauses do not allow *wh-in-situ* either.

Finite relative clauses in Tatyshly Udmurt are formed with the relative-interrogative pronoun *kud-* ‘which’ obligatorily marked with the possessive suffix referring to the antecedent in the matrix clause. It should be noted that the relative pronoun can be optionally followed by the indefiniteness marker *ke*. It is yet unclear whether the indefiniteness marker adds any effect to the interpretation.

- (26) *mi lâkt-i-m so korka-je [kud-a-z (ke) az'lo ul-i-mâ].*
 we come-PST-1PL that house-ILL which-LOC/ILL-POSS.3SG INDEF earlier live-PST-1PL
 ‘We visited the house in which we used to live’ (data by A. Rudneva).

The wh-phrase inside the finite relative clause is considered ungrammatical. This applies to any linear position of the relative clause regarding the matrix predicate (27). Adjunct wh-phrases are ungrammatical as well (28). The constraint also holds for non-restrictive relative clauses (29).

- (27) a. **maša kn'iga-ze [kud-ze kin gožt-em] lâž'-e?*
 Masha book-ACC.POSS.3SG which-ACC.POSS.3SG who write-PST2 read-PRS.3SG
 b. **maša lâž'-e kn'iga-ze [kud-ze kin gožt-em]?*
 Masha read-PRS.3SG book-ACC.POSS.3SG which-ACC.POSS.3SG who write-PST2
Intended: ‘Which person is such, that Maria read a book written by that person?’
- (28) **maša gožtet [kud-ze ataj-ez kù gožt-i-z val] lâž'-e?*
 Masha letter which-ACC.POSS.3SG father-POSS.3SG when write-PST-3SG be.PST read-PRS.3SG
Intended: ‘Which period of time is such, that Masha is reading the letter which her father wrote to her in that period of time?’
- (29) **van'-zâ rustam-ze [kud-iz mar gožt-e] ž'arat-o?*
 all-POSS.3PL Rustam-ACC.POSS.3SG which-POSS.3SG what write-PRS.3SG love-PRS.3PL
Intended: ‘Which thing is such, that all the people love Rustam, who (also) writes that things?’

The data does not suggest that the constraint depends on the semantic status of the head NP. Therefore, it applies to non-specific NPs as well (cf. the observation on Chinese in [Huang 1982b: 380—381], where only specific NPs bar the *wh*-phrase in their restrictor):

- (30) **jegor* [každaj až'ami-ze [kud-iz mar s'ain vera-s'k-e]] terga-Ø?
 Egor every human-ACC.POSS.3SG which-POSS.3SG what according tell-DETR-PRS.3SG scold-PRS.3SG
Intended: ‘Which language is such, that Egor scolds each person who speaks that language?’

I conclude that the constraint on *wh-in-situ* in finite relative clauses is absolute and does not depend on the properties of the head noun or on the position of the *wh*-phrase within the relative clause.

5.2.2. Nominalized *-(e)m* clauses

Tatyshly Udmurt employs a lot of non-finite verb forms, which can perform different syntactic functions. One of the most polyfunctional forms is the nominalized/participial *-em* form, which can introduce non-finite complement clauses and relative clauses. In this section I present the distribution of *wh-in-situ* in *-em* clauses (see [Dékány, Georgieva 2020] for their unified syntactic analysis in different functions). While non-finite relative clauses allow nominal *wh*-arguments, *wh*-adjuncts are banned from such structures. Complement *-em* clauses do not allow *wh-in-situ*.

5.2.2.1. Non-finite relative clause

Non-finite relative *-em* clauses obligatorily precede the antecedent. They may have optional subject in the Genitive case (31).

- (31) *mil'am kujdâr-em až'ami mi dor-â noš vü-i-z.*
 we.GEN annoy-PTCP.PST man we near-ILL again come-PST-3SG
 ‘The man we annoyed came again’ (data by A. Rudneva).

Non-finite relatives allow *wh*-phrases in argument positions (32). In example (a), the *wh*-phrase occupies the position of the Genitive subject of the relative clause. (b) shows that the *wh*-phrase is admissible as the internal argument marking the Goal of the verb *vetlânâ* — ‘go’.

- (32) a. *kin-les' gožt-em kn'iga-ze (meda) maša lâ'ž'-e?*
 who-GEN2 write-PTCP.PST book-ACC.POSS.3SG INTER_PTCL Masha read-PRS.3SG
 ‘Which person is such that Masha is reading the book written by that person?’
 b. *ruslan [[kâtč'â²² vetl-em] pi-jez] pumita-Ø-z?*
 Ruslan where.ILL go-PTCP.PST boy-ACC meet-PST-3SG
 ‘Which place is such that Ruslan met a boy who was going to that place?’

However, non-nominal adjuncts are excluded from this structure. It can be seen in the contrast between (32b—33). While the internal argument is allowed, the temporal adjunct *wh*-phrase is unavailable or reinterpreted as part of the matrix clause (33b).

- (33) a. **ruslan [[klub-e kû vetl-em] pi-jez] pumita-Ø-z?*
 Ruslan club-ILL when go-PTCP.PST boy-ACC meet-PST-3SG
 ‘Which period of time is such, that Ruslan met a boy who went to the club at that period of time?’
 b. *ruslan [[kû klub-e vetl-em] pi-jez] pumita-Ø-z?*
 Ruslan when club-ILL go-PTCP.PST boy-ACC meet-PST-3SG
 #²³ ‘Which period of time is such, that Ruslan met a boy who went to the club at that moment?’
 ‘When did Ruslan met the boy who went to the club?’

The data suggests that non-finite relative clauses demonstrate argument-adjunct asymmetry in *wh-in-situ*, which is attested in many languages (see, e.g., [Stepanov, Tsai 2008; Murphy 2017]). While argument *wh*-phrases freely occur in an island formed by the relative clause, temporal adjunct *wh*-phrases are excluded. At this point, there is not enough data to tell what class of adjuncts is ungrammatical in that structure (see also fn. 18).

²² The pronoun *kâtč'â* — ‘where.ILL’ belongs to the the same paradigm as *kâtân* — ‘where.LOC’, *kâtis* — ‘where.EL’, *kâtî* — ‘where.PROL’.

²³ The # before the translation shows that the sentence cannot have that interpretation.

5.2.2.2. Complement *-em* clauses

Nominalized *-em* clause can also occur as complements of a number of mental and speech predicates [Serdobolskaya et al. 2012; Dékány, Georgieva 2020; Davidyuk, 2023]. Matrix scope *wh*-phrases within such clauses are very restricted. Most speakers allow the *wh*-phrase as the genitive subject of the nominalized clause (34)²⁴. At the same time, the only possible word order is the preposition of the nominalized clause with respect to the main clause (cf. (34b)). This constraint is also evidenced by the restrictions on the embedded question (35b).

- (34) a. ?[*kin-les'* *tolon* *košk-em-ze*] *vas'a malpa-Ø*?
 who-GEN2 yesterday leave-NMLZ-ACC.POSS.3SG Vasya think-PRS.3SG
 b. **vas'a malpa-Ø* [*kin-les'* *tolon* *košk-em-ze*?]
 Vasya think-PRS.3SG who-GEN2 yesterday leave-NMLZ-ACC.POSS.3SG
 'Who does Vasya think left yesterday?'
- (35) a. *anaj-e* *ž'ua-Ø* [[*kin-les'* *tolon* *bert-em-ze*] *pet'a tod-i-z* (*šüä-sa*)].
 mother-POSS.1SG ask-PRS.3SG who-GEN2 yesterday return-NMLZ-ACC.POSS.3SG Petya know-PST-3SG say-CVB
 b. **anaj-e* *ž'ua-Ø* [*pet'a tod-i-z* [*kin-les'* *tolon* *bert-em-ze*] (*šüä-sa*)].
 mother-POSS.1SG ask-PRS.3SG Petya know-PST-3SG who-GEN2 yesterday return-NMLZ-ACC.POSS.3SG say-CVB
 'My mother asks who Petya knows, returned yesterday'.

There is also a constraint on *wh*-phrases in other positions within the nominalized clause, which may suggest that the whole structure inside the non-finite clause excludes *wh-in-situ*:

- (36) * [*ruslan-les'* *mar* *bas't-em-ze*] *maša malpa-Ø*?
 Ruslan-GEN2 what take-NMLZ-ACC.POSS.3SG Masha think-PRS.3SG
 'What does Masha think Ruslan bought?'

5.3. Summing up

Most of the data presented here suggest that *wh*-question formation in Tatyshly Udmurt is insensitive to local constraints, which can be seen in the distribution of *wh*-phrases inside sentential adjuncts, coordinate structures and embedded *wh*-questions. This conclusion does not support the hypothesis that covert movement is involved in deriving the structure of the *wh*-question. Instead, a non-movement mechanism, such as the pointwise composition, should be used.

6. Lack of Superiority

Section 3 says that another consequence of *wh*-movement is the restriction on the order of *wh*-phrases in multiple questions, such that their surface order corresponds to their structural position (Superiority effect).

However, Tatyshly Udmurt demonstrates lack of Superiority effects. Examples (37)–(38) show that any order between subject and direct object *wh*-phrases is permitted. The same holds for the subject and *vP*-adjunct positions. Lack of Superiority is observed in the cases when both *wh*-phrases occupy left-most positions (a, b) and when only one of them occurs clause-initially (c, d). Examples (b, d) would be impossible if the *wh*-word moved to the left periphery via *wh*-movement.

- (37) subject and direct object
 a. *kin kin-e gorod-e nu-i-z*?
 who who-ACC city-ILL carry-PST-3SG
 b. *kine kin gorode nuiz*?
 c. *kin gorode kine nuiz*?
 d. *kine gorode kin nuiz*?
 'Who gave a lift to the town to whom?'
- (38) subject and nominal adjunct in instrumental case
 a. *kin kin-en tolon ekt-i-z*?
 who who-INS yesterday dance-PST-3SG

²⁴ There are arguments for treating the Genitive subjects of the *-em* clauses as part of the matrix clause (see [Dékány, Georgieva 2020]). If correct, the analysis accounts for the allowance of the subject *wh*-phrases in the subject position of the *-em* clause, as well as for the ban on its position after the matrix predicate (cf. examples (34b, 35b) and footnote 3).

- b. *kinen kin tolon ektiz?*
 c. *kin tolon kinen ektiz?*
 d. *kinen tolon kin ektiz?*
 ‘Who danced with whom yesterday?’

Additionally, an embedded multiple question was asked in the construction *pereč'isl'it' karânâ* ‘to list’. It is well known that multiple questions are often ambiguous between single-pair and pair-list readings, so the question ‘Which boy saw which girl?’ can be answered as ‘John saw Mary’ and as ‘John saw Mary, Pete saw Sue and James saw Jinnie’. However, the multiple-pair interpretation of the question can be lost in some configurations, which may indicate a defective status of such questions (see, e.g., [Kotek 2014: 238 et seq.], where the surviving single-pair reading of the multiple question with Intervention in English is proposed to be a type of the echo question). However, the semantics of the matrix predicate *pereč'isl'it' karânâ* ‘to list’ requires that more than one pair as the answer. The results of this diagnostic are given in (39) and show that the survival of the pair-list reading of the question does not depend on the linear order of the wh-phrases.

- (39) a. *pereč'isl'it' karâ-∅ kin kin-en tolon ekt-i-z (šüä-sa).*
 list do-IMP.2SG who who-INS yesterday dance-PST-3SG say-CVB
 b. *pereč'isl'it' karâ kinen kin tolon ektiz (šüäsa).*
 c. *pereč'isl'it' karâ kin tolon kinen ektiz (šüäsa).*
 d. *pereč'isl'it' karâ kinen tolon kin ektiz (šüäsa).*
 ‘Provide the list of who danced with whom’.

Therefore, lack of Superiority effects is observed, which may also indicate that word order observed in Tatyshly multiple wh-questions is not derived by wh-movement.

7. (Focus) Intervention

As was discussed in Section 3, (Focus) Intervention effects constrain the relative order of the wh-phrase and semantic operators, some of which are associated with Focus. Intervention effect is observed if such an operator precedes the wh-phrase in the clause. This section discusses (Focus) Intervention in Tatyshly Udmurt. I will show that the effect is observed with the restrictive focus marker *gäne* — ‘only’ and the additive clitic *no* — ‘even, too’. Intervention is also attested with the negative quantifier *no-wh=no*. I also discuss the notion of Scope Rigidity as potentially correct generalization of the class of interveners in Tatyshly Udmurt.

A basic example demonstrating the Intervention effect in Tatyshly Udmurt is given in (40). The particle *gäne* — ‘only’ always follows the focused constituent. The postposition of the focused constituent regarding the wh-phrase is considered grammatical by the speakers (a), whereas its preposition is regarded as significantly worse. As in (13), I underline the intervener.

- (40) a. *kin-en ruslan gäne tolon ekt-i-z?*
 who-INS Ruslan only yesterday dance-PST-3SG
 b. **ruslan gäne tolon kin-en ekt-i-z?*
 Ruslan only yesterday who-INS dance-PST-3SG
 ‘With whom did only Ruslan dance yesterday?’

Evaluation of examples with (Focus) Intervention varies greatly from speaker to speaker and from sentence to sentence. Nevertheless, the difference between the example with and without Intervention strongly suggests that Intervention effects do exist in Tatyshly Udmurt. Note that a similar variation in evaluations has been attested in other languages as well [Kotek, 2019b: 8].

In [Mayr 2020], several classes of expressions that can act as potential interveners are listed. Note that not all of them can be called focus operators, which somewhat compromises the analysis described in Section 3. It is also shown there that the set of interveners varies from language to language, which makes it relevant to refine the list for Tatyshly Udmurt.

In (40), the intervener is the focus operator *gäne* — ‘only’. The Intervention is also observed with the additive particle *no* — ‘and, even’ (41). As with the example above, the scrambling of the wh-phrase above the focused constituent would rescue the sentence. Hereafter, only the configurations with the intervention are given.

- (41) **ruslan tolon=no kin-en ekt-i-z?*
 Ruslan yesterday=ADD who-INS dance-PST-3SG
 ‘With whom did Ruslan dance even yesterday / yesterday as well?’

Focus Intervention is also attested with the negative quantifier *no-wh=no*.

- (42) **no-kin=no* *tolon kin-en óz ektâ?*
 NEG-who=ADD yesterday who-INS NEG.PST.3 dance
 ‘With whom did no one dance yesterday?’

(42) turns out problematic to the generalization that interveners are focus operators. The question is, thus, what the correct generalization should be. It can be shown that the data from the interaction of the examined expressions with the *wh*-phrase supports the importance of Scope Rigidity to determining the class of interveners in Tatyshly Udmurt. I follow the diagnostics suggested in [Erlewine, Kotek 2017], where Scope Rigidity is determined as the inability of the expression to reconstruct and, thus, be interpreted below negation (see [Georgieva et al. 2021] on the syntactic position of NegP in Udmurt).

The diagnostic applied to the focus particle *gâne* ‘only’ shows that this expression is obligatorily interpreted above negation:

- (43) *van'a gâne tús'tä-pun'i-jez óz mis'kâ.*
 Vanya only cup-spoon-ACC NEG.PST.3 wash
 OK *gâne* > NEG: ‘It is true only for Vanya that he didn’t wash dishes’.
 # NEG > *gâne*: ‘It was not the case that only Vanya washed dishes’ (data by V. Ovsyannikova).

The same applies to the negative quantifiers *no-wh=no*:

- (44) *mon no=kin-lâ=no kulevâl.*
 I NEG-who-DAT=ADD not_needed
 ‘Nobody needs me’.
 # ‘It is not the case that everyone needs me’.

Therefore, Intervention effects are observed in Tatyshly Udmurt, which suggests that *wh*-phrases are interpreted *in situ*.

8. Discussion and further issues

Throughout the text I argued for an *in situ* approach to Tatyshly *wh*-questions. Specifically, the pointwise composition analysis was chosen as the one that can also account for (Focus) Intervention effect. However, this analysis faces empirical challenges.

First of all, we saw that *wh-in-situ* in Tatyshly Udmurt violates some but *not all* islands. Specifically, it is excluded from finite relative clauses and nominalized complement *-em* clauses. Relative *-em* clauses demonstrate argument-adjunct asymmetry. These constraints seem *syntactic* in nature, and it is unclear what pointwise composition as a *semantic* account can offer to explain these constraints. In what follows I am going to discuss an extension of the theory that might fix that disconnection.

The idea, most thoroughly presented in [Kotek 2019b], associates (Focus) Intervention with movement and states that focus semantics is incompatible with Predicate Abstraction. Predicate Abstraction (λ -abstraction) is a semantic rule that associates the variable with its antecedent. Specifically, it associates the moved constituent with its base position, as shown in (45). The quantifier phrase *every cat* undergoes raising (so-called Quantifier Raising, QR; see below) to get interpreted. Still, it is associated with its trace t_3 via λ_3 , which is introduced to ensure the antecedent and the trace have the common index 3²⁵.

- (45) *Ruslan scared every cat in the neighborhood.*
 LF: every cat in the neighborhood λ_3 Ruslan scared t_3

The Predicate Abstraction Rule turns out extremely difficult to modify so it is well defined within focus semantics. Directly applying it to a set of alternatives would result in type incompatibility, which is impossible to fix with a type shifting rule [Shan 2004]²⁶. H. Kotek [2019b: 45] suggests that instead of trying to fix that (as

²⁵ The description provided here dramatically simplifies things to avoid technicalities. See a proper introduction to the Predicate Abstraction Rule in [Heim, Kratzer 1998: 184 et seq.].

²⁶ If applied to a set $\langle \tau, t \rangle$, the Predicate Abstraction rule would yield $\langle e, \langle \tau, t \rangle \rangle$. The type-shifting rule discussed in the literature is stated in (i) and shifts the type from a function into a set to a set of functions $\langle e, \tau \rangle, t \rangle$. However, that rule overgenerates and returns some unattested readings. As exemplified by C. Shan [2004: 295], if the rule in (i) applied, the question *Who saw nobody?* could be felicitously answered as *Barbara did not see Xavier, Alice did not see Yves, and Carol did not see Zack*, which in reality it cannot.

(i) $\lambda Q \langle e, \langle \tau, t \rangle \rangle. \{f_{\langle e, \tau \rangle}: \forall x_e. f(x) \in Q(x)\}$

done e.g. in [Romero, Novel 2013]), we might embrace that fact as ‘a feature, not a bug’. Thus, (Focus) Intervention can be generalized as (46a) (as represented schematically in (b); t_i stands for the base position of the moved DP; the Predicate Abstraction step represented by λ_i is underlined as the source of intervention). See also [Kotek 2019b] for an account of more canonical cases of (Focus) Intervention, such as intervention by focus operators, within this framework.

- (46) a. Intervention is the result of movement into a part of structure where non-trivial alternatives are being computed — because Predicate Abstraction, necessary to interpret the movement step, is not well-defined in such cases.
 b. *[CP C ... DP λ_i ... **wh**... t_i] [Kotek 2019b: 18, 15].

With this understanding of (Focus) Intervention in mind, we can return to the Tatyshly data. Let us first consider constrain on wh-in situ in *-em* complement clauses. It was argued in [Dékány, Georgieva 2020] that the derivation of those clauses involves an obligatory movement of the subject to the matrix clause, where it receives Genitive marking. If so, such clauses are predicted to be interveners, as demonstrates the structure of (36) repeated as (47a). The structure is given in (47b). The embedded clause is derived up to the TP-projection²⁷ and contains the wh-phrase. This projection is merged with the Participial Phrase headed by the *-em* suffix. It is then topped by the DP projection, making the resulted structure available as the VP complement. The Genitive Subject is attached as the specifier of the POSS head of the DP. Crucially, its attachment is preceded by λ -abstraction, which is used to bind the variable t_1 in TP and which creates intervention.

- (47) a. *[ruslan-les' **mar** bas't-em-ze] *maša malpa-Ø?*
 Ruslan-GEN2 what take-NMLZ-ACC.POSS.3SG Masha think-PRS.3SG
 ‘What does Masha think Ruslan bought?’
 b. *[_{VP} [_{DP} *ruslan-les'* [_{D'} λ_1 [_{D'} POSS [_{PTCP} *-m* [_{TP} t_1 ... **mar** bas't-]]]]]]]

This allows us to explain the constraints on the wh-phrases within nominalized complement clauses. Another supporting argument may come from the fact that a wh-phrase cannot occur within a non-finite relative clause if that clause has a proper genitive subject. Again, we assume the subject *vas'a-les'* — ‘Vasya-GEN2’ is merged inside the non-finite clause and moves to the SpecDP of the head noun and is associated with its base-position by the Predicate Abstraction and, hence, constitutes an intervener to the wh-phrase. Therefore, the only available interpretation of (48) suggests that the genitive DP is the possessor of the DP *mar veram pize* — ‘the boy who told what’, with the contextual interpretation of the boy being Vas’a’s son.

- (48) a. *ton vas'a-les' mar vera-m pi-ze terga-Ø-d?*
 you Vasya-GEN2 what tell-PTCP.PST boy-ACC.POSS.3SG scold-PST-2SG
 ‘Which thing is such, that you scolded Vasya’s son who told that thing?’
 # ‘Which thing is such, that you scolded the boy whom Vasya told that thing?’

Similarly, a constraint on *wh-in-situ* in finite relative clauses can be explained by the movement of the relative pronoun²⁸, to the left periphery of the relative clause, as shown below (after (27a)):

- (49) **kn'iga-ze* [*kud-ze* λ_3 *kin* *t_3 gožt-em*]
 book-ACC.POSS.3SG which-ACC.POSS.3SG who write-PST2

However, there are further empirical problems that analysis struggles with. First, it is unclear how such a system would account for the argument-adjunct asymmetry attested in non-finite relative clauses. Intervention as formulated in (46) does not mention that the syntactic position of the wh-phrase is somehow relevant. Therefore, it predicts no difference between examples (32b) and (33), contrary to the fact. It might be the case that a novel system that implements a relativized version of the Predicate Abstraction would be able to explain the asymmetry (cf. [Kotek 2019b: 44]) but developing such a system goes beyond the scope of this article.

Implementing this theory also requires some more empirical research. H. Kotek shows that some kinds of movement are expected not to trigger intervention since the constituent can reconstruct to its base position. It is yet to be seen how different types of movement interacts with *wh-in-situ* in Tatyshly Udmurt.

²⁷ The original proposal in [Dékány, Georgieva 2020] suggests that Participial Phrase merges with the vP. The argument for extending this structure in Tatyshly Udmurt comes from distribution of some TP adjuncts that can occur inside *-em* clauses.

²⁸ It is funny that movement of the relative pronoun does not constrain *wh-in-situ* in some other languages, see the discussion in [Kotek 2019b]. This asymmetry remains unexplained within this analysis.

Another possibility, which does not seem to be rejected with the data presented here, (D. Pesetsky, p.c.) is that the *wh*-phrase in the language do undergo movement to a lower position in the left periphery, which is accompanied by topicalization of the material preceding it. This line of reasoning would account for (Focus) Intervention along the lines suggested in [Tomioka 2007], where interveners are treated as anti-topical items. This analysis would face challenges explaining the pattern of *wh-in-situ* in islands, although exact issues would be different. Unfortunately, the reasons of space do not allow me to entertain this idea further. Instead, I simply conclude that deciding between such an analysis and the reasoning I presented above requires a serious investigation into information structure of the language, which I leave for further research.

9. Conclusion

The article has shown three distinct aspects of the syntax of *wh*-phrases in Tatyshly Udmurt. First, it shows that the word order in *wh*-questions is not derived by the *wh*-movement, i.e. Tatyshly Udmurt is a *wh-in-situ* language. It is also true in multiple questions, since no Superiority effects are attested in such structures. However, this diagnostic cannot tell whether the *wh*-phrase undergoes *covert* movement.

I argue that Tatyshly data is best explained if no-movement analysis of the Tatyshly *wh*-questions is adopted. Crucially, if one assumed *covert* movement instead, one would have to explain multiple cases of island violations. The resulting theory would inevitably postulate major differences between overt and *covert* movement, which would go against the LF-movement Heuristic (8). It is thus preferable from a theoretical viewpoint to derive the *wh*-questions in Tatyshly Udmurt using *in situ* mechanisms. I argue that the best suited mechanism for that is pointwise composition, since it predicts (Focus) Intervention effects, attested in the language.

However, some of the Tatyshly Udmurt data present problems to such an analysis. Specifically, this approach will not explain the ban on *wh*-phrases in finite relative clauses and nominalized complement clauses, as well as the argument-adjunct asymmetry observed in non-finite relative clauses. To overcome these problems, one may develop a more sophisticated theory of Intervention (e.g., building on the ideas from [Kotek 2019b]) and explain what restricts the interpretation of *wh*-phrases in these structures. However, much research is still needed to see if that system is a good fit for Tatyshly data.

Abbreviations

ACC — accusative	LOC — locative
ADD — additive	NCI — negative concord item
CMPR — comparative	NEG — negation
CVB — converb	NMLZ — nominalization
COMPL — complementizer	NOM — nominative
DETR — detransitive	PL — plural
EL — elative	POSS — possessive
FUT — future	PROL — prolativ
GEN/GEN2 — genitive	PRS — present
ILL — illative	PST/PST2 — past
IMP — imperative	REFL — reflexive
INDEF — indefinite	SG — singular
INF — infinitive	SIM — simultaneous
INS — instrumental	Q — question marker
INTER_PTCL — interrogative discourse particle	VN — verbal noun

References

- Asztalos 2018 — E. É. Asztalos. Szórendi típusváltás az udmurt nyelvben. Doktori disszertáció. Eötvös Loránd University. Budapest, 2018. {E. É. Asztalos. Word order type change in Udmurt. PhD thesis. Eötvös Loránd University. Budapest, 2018.} URL: <https://edit.elte.hu/xmlui/handle/10831/40549> (accessed: 30 January 2024).
- Asztalos 2022 — E. É. Asztalos. Focus positions and the distribution of interrogative phrases in Udmurt. Slides to the talk at Congressus XIII Internationalis Fenno-Ugristarum. Vienna, 2022.
- Baidoullina 2003 — A. Baidoullina. Tatyshlinskiy govor udmurtskogo yazyka: fonetika i morfologiya. {Tatyshly Udmurt. Phonetics and morphology}. MA thesis. Tartu: Tartu Ülikool, 2003.

- Baker 1970 — *C. L. Baker*. Notes on the description of English questions: The Role of an Abstract Question Morpheme. In: *Foundations of Language*. 1970, 6 (2). P. 197—219.
- Bayer, Cheng 2017 — *J. Bayer, L. L.-S. Cheng*. Wh-in-situ. In: *M. Everaert, H. C. van Riemsdijk* (eds.). *The Wiley Blackwell Companion to Syntax*. 2nd ed. Hoboken, NJ, USA: John Wiley & Sons, Inc., 2017. P. 1—44.
- Bayer et al. 2016 — *J. Bayer, J. Häussler, M. Bader*. A new diagnostic for cyclic wh-movement: discourse particles in German questions. In: *Linguistic Inquiry*. 2016. Vol. 47 (4). P. 591—629.
- Beck 2006 — *S. Beck*. Intervention Effects Follow from Focus Interpretation. In: *Natural Language Semantics*. 2006, 14 (1). P. 1—56.
- Belova, Kryukova, in prep. — *D. Belova, A. Kryukova*. Rasshcheplenie imennykh i poslelozhnykh grupp v tatyshlinskom govore udmurtskogo yazyka: polevoj kvaziéksperiment. {Splitting of nominal and postpositional groups in the Tatyshly Udmurt: a field quasi-experiment}. In: *Conference proceedings of Typology of morphosyntactic parameters*. (Moscow, MSU / IL RAS, 16—17 October).
- Bhatt, Dayal 2007 — *R. Bhatt, V. Dayal*. Rightward scrambling as rightward remnant movement. In: *Linguistic Inquiry*. 2007, 38 (2). P. 287—301.
- Cable, ms. — *S. Cable*. Wh-Fronting (in Hungarian) is Not Focus-Fronting. Manuscript.
- Cable 2010 — *S. Cable*. *The grammar of Q: Q-particles, Wh-movement, and pied-piping*. Oxford studies in comparative syntax. New York: Oxford University Press, 2010.
- Chomsky 1973 — *N. Chomsky*. Conditions on transformation. In: *H. Reinhart, P. Kiparsky* (eds.). *A Festschrift for Morris Halle*. New York: Holt, Rinehart, and Winston, 1973. P. 232—286.
- Chomsky 1981 — *N. Chomsky*. *Lectures on Government and Binding: The Pisa Lectures*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1993 [1981].
- Chomsky 1993 — *N. Chomsky*. A minimalist program for linguistic theory. In: *K. Hale, S. J. Keyser* (eds.). *The View From Building 20: Essays in Linguistics in Honor of Sylvain Bromberger*. Cambridge, Massachusetts; London, England: MIT Press, 1993. P. 153—200.
- Chomsky 1995 — *N. Chomsky*. *The minimalist program*. 20th Anniversary Edition. Cambridge, Massachusetts; London, England: The MIT Press, 2015 [1995].
- Cinque 1999 — *G. Cinque*. *Adverbs and Functional Heads: A Cross-Linguistic Perspective*. Oxford studies in comparative syntax. Oxford; New York: Oxford University Press, 1999.
- Danilova 2022 — *A. A. Danilova*. Sintaksicheskiye svoystva deyeprichastiy na *-sa, -kâ* i *-č'č'ož* v tatyshlinskom govore udmurtskogo yazyka. In: *I. A. Khomchenkova* (red.). *Malye yazyki v bolshoy lingvistike*. Vypusk 4. Moskva: Buki Vedi, 2022. {A. A. Danilova. Syntactic properties of *-sa, -kâ* i *-č'č'ož* converbs in Tatyshly Udmurt. In: I. A. Khomchenkova (ed.). *Minor Languages in Major Linguistic*. Conference proceedings. Issue 4. Moscow: Buki Vedi, 2022.}
- Davidyuk 2023 — *T. I. Davidyuk*. O svoystvakh subyektâ prichastiy na *-m* v konstruktsiyakh s sententsialnymi aktantami v tatyshlinskom udmurtskom. In: *T. I. Davidyuk et al.* (red.). “Yazyk kak on yest’”: Sbornik statey k 60-letiyu Andreyâ Aleksandrovicha Kibrika. Moskva: Buki Vedi, 2023. S. 172—177. {T. I. Davidyuk. Properties of the subject of the *-m* participle in complement clauses in Tatyshly Udmurt. In: T. I. Davidyuk et al. (eds.). “Language as it is”: Festschrift in honor of A. A. Kibrik’s 60th anniversary. Moscow: Buki Vedi, 2023. P. 172—177.}
- Dayal 2016 — *V. Dayal*. *Questions*. Oxford Surveys in Semantics and Pragmatics. New York: Oxford University Press, 2016.
- Dékány, Georgieva 2020 — *É. Dékány, E. Georgieva*. Three ways of unifying participles and nominalizations: The case of Udmurt. In: *A. Alexiadou, H. Borer* (eds.). *Nominalization: 50 Years on from Chomsky’s Remarks*. Oxford, United Kingdom: Oxford University Press, 2020. P. 169—202.
- Demirdache, Uribe-Etxebarria 2004 — *H. Demirdache, M. Uribe-Etxebarria*. The Syntax of Time Adverbs. In: *J. Guéron, J. Lecarme* (eds.). *The Syntax of Time*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2004. P. 143—180.
- Demirok 2022 — *Ö. Demirok*. Intervention effects follow from scope rigidity in Turkish. In: *Proceedings of SALT 31. Semantics and Linguistic Theory*. Brown University, 2022. P. 82—103.
- Dryer 2013 — *M. S. Dryer*. Position of Interrogative Phrases in Content Questions. In: *M. S. Dryer, M. Haspelmath* (eds.). *WALS Online*. Zenodo, 2013.
- Edygarova 2022 — *S. Edygarova*. 27. Udmurt. In: *M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik* (eds.). *The Oxford Guide to the Uralic Languages*. Oxford University Press, 2022. P. 507—522.
- Erlewine, Kotek 2017 — *M. Y. Erlewine, H. Kotek*. Intervention tracks scope-rigidity in Japanese. In: *Logic and Engineering of Natural Language Semantics*. 2017, 14. P. 369—416.
- Fujii et al. 2014 — *T. Fujii, K. Takita, B. Chung-Yu Yang, W.-T. D. Tsai*. Comparative Remarks on Wh-adverbials in Situ in Japanese and Chinese. In: *M. Saito* (ed.). *Japanese Syntax in Comparative Perspective*. Oxford University Press, P. 181—205.
- Georgieva 2018 — *E. Georgieva*. *Non-finite adverbial clauses in Udmurt*. PhD thesis. University of Szeged, 2018.
- Georgieva et al. 2021 — *E. Georgieva, M. Salzmann, P. Weisser*. Negative verb clusters in Mari and Udmurt and why they require postsyntactic top-down word-formation. In: *Natural Language & Linguistic Theory*. 2021, 39 (2). P. 457—503.

- GSUYA 1970 — *V. I. Alatyrev* (red.). *Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka. Sintaksis prostogo predlozheniya*. Izhevsk: Udmurtiya, 1970. {*V. I. Alatyrev* (ed.). *Grammar of Udmurt. Syntax of the simple sentence*. Izhevsk: Udmurtiya, 1970.}
- Hamblin 1973 — *C. L. Hamblin*. Questions in Montague English. In: *Foundations of Language*. 1973, 10 (1). P. 41—53.
- Heim 1982 — *I. Heim*. *The Semantics of Definite and Indefinite Noun Phrases*. PhD thesis. University of Massachusetts, Amherst, MA, 1982.
- Heim, Kratzer 1998 — *I. Heim, A. Kratzer*. *Semantics in Generative Grammar*. Blackwell Textbooks in Linguistics. Oxford, Malden, MA: Blackwell Publishers, 1998.
- Huang 1982a — *C. -T. J. Huang*. *Logical relations in Chinese and the theory of grammar*. PhD thesis. MIT, Cambridge, MA, 1982.
- Huang 1982b — *C. -T. J. Huang*. *Move Wh in a Language without Wh-Movement*. In: *The Linguistic Review*. 1982, 1 (4).
- İşsever 2019 — *S. İşsever*. *On the ban on postverbal wh-phrases in Turkish: A Syntactic Account*. In: *A. S. Özsoy* (ed.). *Word Order in Turkish*. Cham, Switzerland: Springer International Publishing (Studies in Natural Language and Linguistic Theory), 2019. P. 67—90.
- Karttunen 1977 — *L. Karttunen*. *Syntax and semantics of questions*. In: *Linguistics and Philosophy*. 1977, 1 (1). P. 3—44.
- Kelmakov 1998 — *V. K. Kelmakov*. *Kratkiy kurs udmurtskoy dialektologii*. Izhevsk: Izdatelstvo Udmurtskogo universiteta, 1998. {*V. K. Kelmakov*. *A short course in Udmurt Dialectology*. Izhevsk: Izdatelstvo Udmurtskogo universiteta, 1998.}
- Kotek 2014 — *H. Kotek*. *Composing questions*. PhD thesis. MIT, Cambridge, MA, 2014.
- Kotek 2019a — *H. Kotek*. *Composing questions*. *Linguistic Inquiry Monographs*, #80. Cambridge, MA: MIT Press, 2019.
- Kotek 2019b — *H. Kotek*. *Wh-intervention is caused by movement into regions of focus alternatives computation*. Yale University, 2019. Manuscript.
- Kratzer, Shimoyama 2002 — *A. Kratzer, J. Shimoyama*. *Indeterminate Pronouns: The View from Japanese*. In: *C. Lee, F. Kiefer, M. Krifka* (eds.). *Contrastiveness in Information Structure, Alternatives and Scalar Implicatures*. *Studies in Natural Language and Linguistic Theory*. Cham: Springer International Publishing, 2017 [2002]. P. 123—143.
- Kuznetsova 2022 — *Yu. N. Kuznetsova*. *Subyekt deyeprichastnoy klauzy i soglasovaniye deyeprichastnykh na -kâ i -č'č'ož v tatyshlinskom udmurtskom*. In: *Tretya konferentsiya po uralskim, altaiskim i paleoaziatskim yazykam. Tezisy dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*, Sankt-Peterburg. Sankt-Peterburg: ILI RAN, 2022. S. 59—62. {*Yu. N. Kuznetsova*. *Subject of the converbial clause and agreement of -kâ and -č'č'ož converbs in Tatyshly Udmurt*. In: *III Conference on Uralic, Altaic and Paleo-Siberian languages. Abstracts of the international scientific conference*, Saint Petersburg. Saint Petersburg: ILS RAS, 2022. P. 59—62.}
- Li, Law 2016 — *H. Li, J. H.-K. Law*. *Alternatives in different dimensions: a case study of focus intervention*. In: *Linguistics and Philosophy*. 2016, 39 (3). P. 201—245.
- Mayr 2020 — *C. Mayr*. *Intervention Effects: “How many books did you not read?”*. In: *D. Gutzmann et al.* (eds.). *The Wiley Blackwell Companion to Semantics*. 1st ed. Hoboken, New Jersey: Wiley, 2020. P. 1—45.
- Murphy 2017 — *A. Murphy*. *Toward a unified theory of wh-in-situ and islands*. In: *Journal of East Asian Linguistics*. 2017, 26 (2). P. 189—231.
- Nishigauchi 1990 — *T. Nishigauchi*. *Quantification in the theory of grammar*. Dordrecht [Netherlands]; Boston: Kluwer Academic Publisher, 1990. (Studies in linguistics and philosophy, 37).
- Oda 2017 — *H. Oda*. *Two types of the coordinate structure constraint and rescue by PF deletion*. In: *A. Lamont, K. Tetzloff* (eds.). *NELS 47: Proceedings of the 47th annual meeting of the North East Linguistic Society*. Amherst, MA: GLSA Publications, 2017. P. 343—356.
- Pesetsky 1987 — *D. Pesetsky*. *Wh-in-situ: Movement and unselective binding*. In: *E. Reuland, A. ter Meulen* (eds.). *The representation of (in)definiteness*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1987. P. 98—129.
- Ponaryadov 2001 — *V. V. Ponaryadov*. *Poryadok slov v permskikh yazykakh v sravnitelno-tipologicheskom osveshchenii (prostoye predlozheniye)*. *Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk*. RAN, Uralskoye otdeleniye, Komi nauchnyy tsentr, 2001. {*V. V. Ponaryadov*. *Word order in Permic languages from cross-linguistic perspective (simple sentence)*. PhD thesis. RAS, Uralic office, Komi centre of sciences, 2001.}
- Reinhart 1997 — *T. Reinhart*. *Quantifier scope: How labor is divided between QR and choice functions*. In: *Linguistics and Philosophy*. 1997, 20 (4). P. 335—397.
- Reinhart 1998 — *T. Reinhart*. *Wh-in-situ in the Framework of the Minimalist Program*. In: *Natural Language Semantics*. 1998, 6. P. 29—56.
- Romero, Novel 2013 — *M. Romero, M. Novel*. *Variable Binding and Sets of Alternatives*. In: *A. Fălăuş* (ed.). *Alternatives in Semantics*. *Palgrave Studies in Pragmatics, Language and Cognition*. London: Palgrave Macmillan UK, 2013. P. 174—208.
- Rooth 1985 — *M. Rooth*. *Association with Focus*. PhD thesis. University of Massachusetts, Amherst, MA, 1985.
- Ross 1967 — *J. R. Ross*. *Constraints on variables in syntax*. PhD thesis. MIT, Cambridge, MA, 1967. URL: <https://dspace.mit.edu/handle/1721.1/15166> (accessed: 7 November 2023).

- Rudneva 2023 — *A. M. Rudneva*. Pozitsii nefinitnoy relyativizatsii v tatyshlinskom udmurtskom. In: *E. A. Zabelina, N. M. Zaika* (red.). Dvadsataya konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovateley. Tezisy dokladov (Sankt-Peterburg, 23—25 noyabrya 2023 g.). Sankt-Peterburg: ILI RAN, 2023. S. 158—161. {*A. M. Rudneva*. Positions of non-finite relativisation in Tatyshly Udmurt. In: *E. A. Zabelina, N. M. Zaika* (eds.). XX conference on typology and grammar for young scholars. Abstracts (Saint Petersburg, November 23—25, 2023). Saint Petersburg: ILS RAS, 2023. P. 158—161.}
- Scott 2012 — *T. Scott*. Whoever doesn't HOP must be superior: The Russian left-periphery and the emergence of superiority. PhD thesis. Stony Brook University, New-York, 2012.
- Serdobolskaya et al. 2012 — *N. V. Serdobolskaya, A. A. Ilyevskaya, S. A. Minor, P. S. Miteva, A. V. Faynveyts, N. S. Matveyeva*. Konstruktsii s sententsialnymi aktantami v finno-ugorskikh yazykakh. In: *A. I. Kuznetsova* (red.). Finno-ugorskiye yazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formalnyy i funktsionalnyy podkhody. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur, 2012. S. 382—476. {*N. V. Serdobolskaya, A. A. Ilyevskaya, S. A. Minor, P. S. Miteva, A. V. Faynveyts, N. S. Matveyeva*. Types of complement clauses in Finno-Ugric languages. In: *A. I. Kuznetsova* (ed.). Finno-Ugric languages: fragments of grammar description. Formal and functional approaches. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2012. P. 382—476.}
- Serdobolskaya, Toldova 2012 — *N. V. Serdobolskaya, S. Yu. Toldova*. Differentsirovannoye markirovaniye pryamogo dopolneniya v finno-ugorskikh yazykakh. In: *A. I. Kuznetsova* (red.). Finno-ugorskiye yazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formalnyy i funktsionalnyy podkhody. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur, 2012. S. 59—142. {*N. V. Serdobolskaya, S. Yu. Toldova*. Differential object marking in Finno-Ugric languages. In: *A. I. Kuznetsova* (ed.). Finno-Ugric languages: fragments of grammar description. Formal and functional approaches. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2012. P. 59—142.}
- Shan 2004 — *C. Shan*. Binding Alongside Hamblin Alternatives Calls for Variable-free Semantics. In: *R. B. Young* (ed.). Proceedings of SALT 14. Semantics and Linguistic Theory. Northwestern University, 2004. P. 289—304.
- Shutov 2002 — *A. F. Shutov*. Puti razvitiya gipotaksicheskikh otnosheniy v udmurtskom yazyke. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni doktora filologicheskikh nauk. Udmurtskiy gosudarstvennyy universitet, 2002. {*A. F. Shutov*. Paths of development of hypotaxis in Udmurt. Doctor habilitatus thesis. Udmurt State University, 2002.}
- Simpson 2000 — *A. Simpson*. Wh-movement and the theory of feature-checking. Philadelphia, PA Amsterdam: J. Benjamins, 2000.
- Stepanov 1998 — *A. Stepanov*. On wh-fronting in Russian. In: *P. N. Tamanji, K. Kusumoto* (eds.). Proceedings of 28th annual meeting of North East Linguistic Society Amherst. MA: GLSA Publications, 1998. P. 453—467.
- Stepanov, Tsai 2008 — *A. Stepanov, W.-T. D. Tsai*. Cartography and licensing of wh-adjuncts: across-linguistic perspective. In: *Natural Language & Linguistic Theory*. 2008, 26 (3). P. 589—638.
- Strahov 2001 — *N. Strahov*. A scrambling analysis of Russian wh-questions. In: *S. Franks et al.* (eds.). Proceedings of 9th annual workshop on formal approaches to Slavic languages (FASL). The Bloomington meeting. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 2001. P. 293—311.
- Studenikina 2021 — *K. A. Studenikina*. Glava 10. Vliyaniye strukturnogo prioriteta na sintaksis russkikh mnozhestvennykh voprosov. In: *E. A. Lyutikova, A. A. Gerasimova* (eds.). Russkiye ostrova v svete eksperimentalnykh dannykh. Moskva: Buki Vedi, 2021. S. 262—286. {*K. A. Studenikina*. Chapter 10. The nature of superiority in Russian multiple wh-questions. In: *E. A. Lyutikova, A. A. Gerasimova* (eds.). Russian islands in the light of experimental data. Moscow: Buki Vedi, 2021. P. 262—286.}
- Takita, Chung-Yu Yang 2014 — *K. Takita, B. Chung-Yu Yang*. On Multiple Wh-Questions with “Why” in Japanese and Chinese. In: *M. Saito* (ed.). Japanese Syntax in Comparative Perspective. Oxford University Press, 2014. P. 206—227.
- Tomioka 2007 — *S. Tomioka*. Pragmatics of LF intervention effects: Japanese and Korean wh-interrogatives. In: *Journal of Pragmatics*. 2007, 39 (9). P. 1570—1590.
- Tsai 1994 — *W.-T. D. Tsai*. On nominal islands and LF extraction in Chinese. In: *Natural Language & Linguistic Theory*. 1994, 12 (1). P. 121—175.
- Tsai 2008 — *W.-T. D. Tsai*. Left periphery and how-why alternations. In: *Journal of East Asian Linguistics*. 2008, 17 (2). P. 83—115.
- UKL 1954 — *A. N. Klabukov, N. P. Kralina*. Udmurt kalik vizhikljjos. Izhevsk: Udmurtskoe knizhnoe izdatelstvo, 1954. {*A. N. Klabukov, N. P. Kralina*. Tales of Udmurt people. Izhevsk: Udmurtskoe knizhnoe izdatelstvo, 1954.}
- Vilkuna 1998 — *M. Vilkuna*. Word order in European Uralic. In: *A. Siewierska* (ed.). Constituent Order in the Languages of Europe. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 1998. P. 173—234.
- Winkler 2001 — *E. Winkler*. Udmurt. München: Lincom, 2001. (Languages of the world, 212).

Полисемия сравнительного маркера *kad'* в татышлинском говоре удмуртского языка

Синицына Юлия Вячеславовна, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; jv.sinitsyna@yandex.ru
Мордашова Дарья Дмитриевна, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Институт языкознания РАН (Москва); mordashova.d@yandex.ru
Винклер Мария Эмилия Александровна, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Институт языкознания РАН (Москва); mw@iling-ran.ru

Статья посвящена исследованию функций сравнительного маркера *kad'* в татышлинском говоре удмуртского языка (< пермские < уральские). Маркер *kad'* развивает широкую сеть полисемии: он употребляется в сравнительных и аппроксимативных конструкциях, в конструкции с дебитивным причастием на *-ono*, в функции комплементаризера при глаголах 'казаться' и 'делать вид', в функции частицы с ирреальным значением (эпистемическая модальность и репортативная эвиденциальность).

Предлагается теоретическое объяснение такой модели полисемии, основанное на первичном сравнительном значении маркера *kad'*. Он рассматривается как оператор, вводящий сравнение с некоторым стандартом — эксплицитным, если речь идет о сравнительных и количественных конструкциях, а также конструкциях с причастием на *-ono*, или вычисленным из контекста — при употреблении *kad'* в функции комплементаризера или частицы с ирреальным значением. Такое сравнение предполагает введение шкалы соответствия наблюдаемого события эталонному, в пользу которого говорящий делает дискурсивный выбор. Это позволяет отнести *kad'* к числу неопределенных выражений, основной функцией которых является расширение прагматически допустимого диапазона высказывания.

В статье дается типологическая оценка данных. Хотя развитие эквативно-аппроксимативной полисемии и эпистемического значения у сравнительных маркеров не обсуждается подробно в типологической литературе, татышлинские данные в этом отношении не уникальны. В подтверждение этому приводятся функционально близкие удмуртскому параллели из некоторых уральских и тюркских языков.

Ключевые слова: сравнительные маркеры, эквативные конструкции, симулятивные конструкции, количественные конструкции, приблизительность, эпистемическая модальность, семантика, хэджи, типология, удмуртский язык, уральские языки

POLYSEMY PATTERNS OF THE EQUATIVE MARKER *KAD'* IN TATYSHLY UDMURT

Julia V. Sinitsyna, Lomonosov Moscow State University; jv.sinitsyna@yandex.ru
Daria D. Mordashova, Lomonosov Moscow State University, Institute of Linguistics of RAS (Moscow); mordashova.d@yandex.ru
Maria Emilia A. Winkler, Lomonosov Moscow State University, Institute of Linguistics of RAS (Moscow); mw@iling-ran.ru

The aim of the paper is to study the functionality of the comparative marker *kad'* in Tatyshly Udmurt (< Permic < Uralic). We show that the marker under study develops a broad polysemy network: it can be used in comparative constructions of equality (CoE); in quantified expressions (to mark an approximate numerical meaning); in constructions with the debitive participle ending in *-ono*; as a complementizer for verbs like 'appear' and 'pretend'; as a modal particle (to mark epistemic modality and reportative evidentiality).

The paper provides a theoretical explanation for this pattern of polysemy based on the primary equative meaning of the marker *kad'*. The latter is considered as an operator introducing a comparison with some standard, which can be explicitly specified (for CoE and quantified expressions, as well as for constructions with a participle ending in *-ono*) or calculated from the context (in the function of a complementizer or a particle marking irrealis). We argue that in all cases *kad'* deals with the scale that shows the correspondence between the observed event and the standard one that the speaker uses to describe the situation. This allows us to classify *kad'* as a hedge whose main function is to widen the pragmatic halo of an expression.

In addition, the paper provides a typological evaluation of the Tatyshly Udmurt data. Although the development of equative-approximative polysemy and the epistemic meaning of such markers are not widely discussed in the typological literature, the Tatyshly Udmurt data are not unique. Parallels from some Uralic and Turkic languages are provided.

Keywords: comparative markers, equative constructions, simulative constructions, quantified expressions, approximative markers, epistemic modals, semantics, hedges, typology, Udmurt, Uralic languages

Исследование поддержано грантом РФФ № 22-18-00285 «Скалярность в грамматике и словаре: семантико-типологическое исследование», выполняемым в МГУ им. М. В. Ломоносова.

1. Введение

Статья посвящена моделям полисемии сравнительного маркера *kad'* в татышлинском говоре удмуртского языка. Граматики удмуртского языка описывают *kad'* в первую очередь как служебное слово со сравнительным значением, приводя примеры его употребления в сравнительных конструкциях (далее — СрК) [ГСУЯ 1962: 331; Яшина 1963: 5]. В соответствии с типологическими работами, посвященными СрК равенства ([Haspelmath, Buchholz 1998; Haspelmath et al. 2017] и др.), функцию *kad'* можно определить как маркер стандарта сравнения в СрК равенства (см. (1), где *ton* ‘ты’ — стандарт сравнения).

(1) *pet'a ton kad' ekt-e.*

Петя ты как танцевать-PRS.3SG
‘Петя танцует, как ты’.

Помимо СрК, *kad'* допускается в довольно широком наборе контекстов: в глагольных конструкциях со значением ‘делать вид’ (2), ‘казаться’ (3); в качестве частицы с ирреальным значением (4); в качестве маркера приблизительности в количественных конструкциях (далее — КК, (5)) и в сочетании с дебитивным причастием на *-ono* в значении возможности (6).

(2) *ti žad'-il'l'a-m-dâ kad' kar-is'k-i-dâ.*

вы устать-2/3PL-PST2-2PL как делать-DETR-PST-2PL
‘Вы сделали вид, что устали’.

(3) *pet'a-lâ ton košk-i-d kad' pot-i-z.*

Петя-DAT ты уйти-PST-2SG как выйти-PST-3SG
‘Пете показалось, что ты ушла’.

(4) *so viz'm-o kad'.*

он ум-ATTR как
‘Он типа умный’.

(5) *mi kâk is'kem kad' ortč'i-m.*

мы два километр как проходить-PST-1PL
‘Мы прошли примерно два километра’.

(6) *tatân futbol-en šâd-ono kad'.*

здесь.LOC футбол-INS играть-DEB как
‘Здесь можно поиграть в футбол’ {это удобное место}.

Цель данной работы — проанализировать особенности употребления *kad'* в различных контекстах и предложить теоретическое объяснение, обобщающее все модели полисемии через сравнительный компонент значения маркера. Материал для нашего исследования собран методом анкетирования в ходе экспедиций в Татышлинский район Республики Башкортостан (д. Старый Кызыл-Яр, с. Нижнебалтачево, с. Старокальмиярово, д. Ивановка, с. Новые Татышлы) в 2021—2023 гг. Также привлекался материал экспедиционного корпуса объемом на момент написания статьи около 38,5 тыс. словоупотреблений¹. Примеры, полученные при анкетировании, приводятся без помет в фонологической транскрипции. В примерах из других источников система записи сохранена.

Статья имеет следующую структуру. Раздел 2 посвящен обзору функций *kad'*, обсуждаемых в грамматических описаниях (литературного) удмуртского. В разделе 3 описаны найденные нами контексты употребления *kad'* в татышлинском удмуртском. Обсуждение данных и предложение семантического анализа представлены в разделе 4. В разделе 5 приводятся некоторые типологические параллели маркеров со схожим набором значений. Итоги подводятся в разделе 6.

2. История исследования

В грамматических описаниях удмуртского литературного языка обсуждается несколько функций маркера *kad'*. Во-первых, *kad'* описывается как служебное слово со сравнительным значением [ГСУЯ 1962: 331; Яшина 1963: 5]. Р. И. Яшина подробно рассматривает сочетаемостные характеристики сравнительного маркера и отмечает, что *kad'* может присоединяться к стандартам сравнения, выраженным

¹ <http://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/> (далее — Корпус).

существительными с притяжательными или падежными суффиксами, послеложными группами (7), нефинитными глагольными формами (8) и наречиями [Яшина 1963: 12—20].

(7) *Со-ос съод нюлэс пӧл-тӱ пушнер пӧл-тӱ кадъ ветл-о был-эм.*
он-PL черный лес среда-PROL крапива среда-PROL как ходить-PRS.3PL быть-PST2
‘Они ходили по лесу, как по крапиве’ [там же: 9].

(8) *Вал лобз-ем кадъ кошк-е.*
лошадь взлететь-PTCP.PST как уйти-PRS.3SG
‘Лошадь несется стрелой’ (букв. ‘лошадь уходит подобно взлетевшей’) [там же: 14].

Во-вторых, *кадъ* описывают как частицу с ирреальным значением (9), которая вносит в предложение «оттенок неопределенности, ирреальности действия» и подчеркивает, что «речь идет о действии кажущемся, предполагаемом» [там же: 38]. В этой функции маркер не имеет ограничений на сочетаемость со знаменательными словами (например, в (9) *кадъ* сочетается с финитным глаголом, что запрещено в СрК), а также (с некоторыми оговорками) на позицию в предложении [Яшина 1963: 38—39; ГСУЯ 1970: 126—129].

(9) *Корепанов туннэ мунчо лэсьт-э кадъ. Озыы вера-Ø-зы.*
К. сегодня баня делать-PRS.3SG как так говорить-PST-3PL
‘Корепанов сегодня как будто строит баню. Так говорили’ [ГСУЯ 1970: 127].

Как отмечает Р. И. Яшина, частица *кадъ* изначально относится к глаголу и характеризует действие как предполагаемое. При перестановке *кадъ* смещает акцент на слово, после которого оно стоит, но тем не менее «[о]тенок нереальности, неопределенности действия (...) сохраняется, хотя и в ослабленном виде» [Яшина 1963: 39], ср. (10):

(10) *Весь кадъ ѓт-е мон-э завод-э кужым-ез*
постоянно как звать-PRS.3SG я-ACC завод-POSS.1SG сила-ACC
сайка-т-йсь гур-ен-ыз.
просыпаться-CAUS-PTCP.ACT напев-INS-POSS.3SG
‘Как будто постоянно зовет меня мой завод своими пробуждающими силу гудками’ [там же].

Отдельно описаны случаи употребления *кадъ* в конструкциях с глаголами *потыны* ‘выходить’ (в значении ‘казаться’) и *кариськыны* ‘делаться, становиться’ [ГСУЯ 1970: 129; 131; 140] (см. (11), (12)). Авторы грамматики указывают на сравнительное значение *кадъ*, но не уточняют ни частеречную принадлежность, ни иные свойства.

(11) *Мон ач-им вамышья-сько-Ø кадъ пот-йсько-Ø...*
я REFL-POSS.1SG шагать-PRS-1SG как выйти-PRS-1SG
‘Мне кажется, что я как будто шагаю {но, оказывается, лежу на спине}’.

(12) *Тон вала-сько-Ø кадъ кар-иськ-и-д.*
ты понять-PRS-1SG как делать-DETR-PST-2SG
‘Ты делал вид, как будто понимаешь’.

Что касается сочетания *кадъ* с причастными формами на *-оно* в литературном удмуртском, то в грамматиках описываются употребления таких сочетаний в предикативной функции (как правило, со вспомогательным глаголом *кариськыны* ‘делаться’ или *луыны* ‘становиться’), ср. (13). Комментариев относительно их семантики не приводится.

(13) *Дэри-е выд-оно кадъ кар-иськ-е, кезьыт*
грязь-ILL ложиться-DEB как делать-DETR-PRS.3SG холодный
ошмес-э йыр-зэ донг-оно кадъ лу-э.
ручей-ILL голова-ACC.POSS.3SG толкать-DEB как становиться-PRS.3SG
‘Как будто готов лечь в грязь, готов головой окунуться в холодный ключ’ [ГСУЯ 1970: 141].

Грамматические описания литературного удмуртского не обсуждают возможность *кадъ* употребляться в КК в качестве маркера приблизительности наряду с такими маркерами, как *мында*, *ёрос* и др. (*килограмм ёрос* ‘около килограмма’, *центнер мында* ‘около центнера’ [ГСУЯ 1962: 322]; ср. также [Стрелкова 2013: 78—92], где перечисляются различные стратегии выражения приблизительности, но *кадъ* среди них отсутствует). Указанная функция *кадъ* упоминается в описании татышлинского говора,

см. (14). Данный пример, однако, содержит еще один показатель, способный приносить аппроксимативное значение: *oʔ* (*og*) 'один'. В связи с этим, опираясь лишь на приведенный пример, сложно судить о роли *kad'* именно как маркера приблизительности. А. Байдуллина не описывает дистрибуцию *kad'* в качестве показателя приблизительности и не приводит дальнейшего сравнения семантических и структурных особенностей приблизительных конструкций с *kad'* и другими маркерами приблизительности, например *mānda*.

(14) *oʔ vič̣ kilometār kad' lü-o-z dār.*

один пять километр как стать-FUT-3SG наверно

'Приблизительно пять километров будет, наверно' [Baidoullina 2003: 109].

Таким образом, для литературного удмуртского *кадь* приводятся довольно подробные сведения относительно его употребления в СрК и в качестве частицы с ирреальным значением. Менее детально описаны конструкции с глаголами *потыны* 'выходить' в значении 'казаться' и *кариськыны* 'делать-DETR-INF' в значении 'делать вид'. В частности, для конструкций с *кариськыны* отмечается кореферентность субъектов в главной и зависимой частях [ГСУЯ 1970: 132—134]. В то же время для таких конструкций подробно не описаны иные способы выражения зависимой части — например, с помощью именной предикации. Исследования [Шутов 2002; Уткина 2022], посвященные полипредикативным конструкциям в литературном удмуртском, вообще не рассматривают подобные контексты. Функционирование маркера *кадь* в сочетании с причастиями на *-оно* и в составе КК фактически не обсуждается на материале литературного удмуртского.

Кроме того, при относительно подробном перечислении контекстов для *кадь* остается открытым вопрос обобщенного анализа данного маркера, который позволил бы объединить все случаи его употребления.

3. Данные татышлинского говора удмуртского языка

В настоящем разделе будут охарактеризованы контексты использования сравнительного маркера *kad'*, зафиксированные в татышлинском говоре удмуртского языка: сравнительные конструкции, количественные конструкции, глагольные и причастные конструкции, частица с ирреальным значением.

3.1. Сравнительные конструкции

Как было сказано выше, в СрК *kad'* выполняет функцию маркера стандарта, вводя участника, с которым производится сравнение. В некоторых СрК *kad'* конкурирует с другим сравнительным маркером — *сямен* 'подобно' (татышлинский вариант — *s'äin*). В (15) параметр сравнения — образ действия, не выраженный напрямую, — такие конструкции называются симилятивными [Haspelmath, Buchholz 1998: 277]. В них носители допускают употребление обоих маркеров. При этом *kad'* остается единственным или предпочтительным вариантом в предикативных (16) и эквативных (17) конструкциях.

(15) *pet'a ton kad' / s'äin ekt-e.*

Петя ты как подобно танцевать-PRS.3SG

'Петя танцует, как ты'.

(16) *so azves' s'äs'ka kad' / *s'äin.*

тот серебряный цветок как подобно

'Она похожа на серебряный цветок'.

(17) *pet'a vas'a kad' / ?s'äin d'užât.*

Петя Вася как подобно высокий

'Петя высокий, как Вася'.

Пример (16) отличается от (17) тем, что группа стандарта с *kad'* употребляется в предикативной позиции, а не в качестве адвербиального адъюнкта. В то же время (16) сближается с (15) в плане отсутствия выраженного напрямую параметра сравнения (т. е. того параметра, по которому сравниваются два участника). М. Хаспельмат и О. Буххольц называют эти конструкции предикативными симилятивами, отмечая таким образом их структурные и семантические особенности [ibid.: 319]. Наконец, эквативная конструкция в (17) имеет конкретный параметр сравнения (в данном случае — высота).

В типологических работах даются следующие определения параметра сравнения. Согласно [Treis, Vanhove 2017; Treis 2018], это свойство, по которому происходит сравнение. Согласно [Henkelmann 2006],

это адъективный или глагольный предикат, обозначающий свойство, в отношении которого происходит сравнение. В то же время в ряде языков, в том числе в (татышлинском) удмуртском, присутствуют специальные слова с параметрическим значением (*kiz'da* ‘длиной с’, *d'užda* ‘высотой с’ и т. д.). Конструкции с такими маркерами являются переходным звеном между СрК, выражающими широкий спектр сравнительных отношений, и КК со значением приблизительности, имеющими более узкую семантику равенства по задаваемому ими параметру (18). В связи с этим мы также используем термин «параметр измерения», объединяющий на семантическом основании такие единицы.

- (18) *Синмыз таба быдза, пе, тыл кадь жуа.*
šimm-əs taba bočča, pe, təl kat' žua-∅.
 глаз-POSS.3SG сковорода величиной_с QUOT огонь как гореть-PRS.3SG
 ‘Глаза, да, со сковороды, горят огнем’ [Корпус; Кельмаков 1978].

Свойства *kad'* как маркера стандарта сравнения в татышлинском говоре в целом совпадают с описанием Р. И. Яшиной. Если стандарт соотносится с объектом сравнения в косвенной синтаксической позиции, падежное оформление сохраняется. В противном случае стандарт может быть связан с подлежащим, что не всегда прагматически приемлемо. В (19) косвенное дополнение *vilka-jen* (вилка-INS) ‘вилкой’ сравнивается со стандартом сравнения *pun'i-jen* (ложка-INS) ‘ложкой’, падежное оформление которого совпадает с дополнением из главной части.

- (19) *so alma-jez pun'i-jen / #pun'š kad' vilka-jen s'i-e.*
 он картошка-ACC ложка-INS ложка как вилка-INS есть-PRS.3SG
 ‘Он ест картошку вилкой, как ложкой’.
 #‘Он ест картошку ложкой, как вилка (ест картошку)’.

Помимо именных групп, стандартом сравнения могут быть нефинитные глагольные формы (20а—б), наречия (21), послеложные группы, сохраняющие послеложное оформление аналогично именованным группам в косвенных падежах (22). Единственное ограничение — стандарт сравнения не может быть выражен финитной формой глагола (23).

- (20) а. *pet'a vas'a-len ekt-em-ez kad' / vas'a ekt-em kad' alama kârž'a-∅.*
 Петя Вася-GEN танцевать-NMLZ-POSS.3SG как Вася танцевать-NMLZ как плохой петь-PRS.3SG
 ‘Петя поет так же плохо, как Вася танцует’.
 б. *mon s'iš-nš iz'š-nš kad' ž'arat-is'ko-∅.*
 я есть-INF спать-INF как любить-PRS-1SG
 ‘Я люблю есть так же, как спать’.

- (21) *otân tatân kad' šunât.*
 там.LOC тут.LOC как тепло
 ‘Здесь тепло, как там’.

- (22) *val asfal't vâl-ti muzz'em *(vâl-ti) kad' vorttâ-l-e.*
 лошадь асфальт верх-PROL земля верх-PROL как бежать_рысью-ITER-PRS.3SG
 ‘Лошадь бежит по асфальту, как по земле’.

- (23) **pet'a vas'a ekt-e kad' alama kârž'a-∅.*
 Петя Вася танцевать-PRS.3SG как плохой петь-PRS.3SG
 Ожидаемое значение: ‘Петя поет так же плохо, как Вася танцует’.

В СрК со стандартом в предикативной позиции возможно согласование *kad'* по числу с объектом сравнения (24). Здесь используется адъективный маркер множественного числа *-es'*, как и в случае согласования прилагательных в предикативной позиции (25), а не именной показатель *-jos* (подробнее о согласовании прилагательных в предикативной позиции в (литературном) удмуртском см. [Edugarova 2017: 314]).

- (24) *ta nâl-jos mânam urom-e kad'-es' / *kad'-jos.*
 этот девушка-PL я.GEN друг-POSS.1SG как-PL.ADJ как-PL
 ‘Эти девушки похожи на мою подругу’.

- (25) *...no dâšet-is'-jos mil'am äjbüt-es' val...*
 но учить-PTCP.ACT-PL мы.GEN хороший-PL.ADJ быть.PST
 ‘...но учителя у нас были хорошие...’ [Корпус].

3.2. Аппроксимативные конструкции

В текущем разделе мы рассмотрим *kad'* как маркер неточного количественного значения в конструкциях с числительными и именными квантификаторами. По всей видимости, для литературного удмуртского языка этот маркер не характерен в аппроксимативной функции. Так, в работе [Стрелкова 2013: 78—92] среди постпозитивных стратегий выражения приблизительности этот маркер не упоминается. В корпусе стандартного удмуртского примеры, где маркер *kad'* следовал бы за КК, единичны². В то же время и для татышлинского говора данная стратегия является не самой частотной (хотя и четко признаваемой носителями при направленном опросе): так, в корпусе татышлинского говора на настоящий момент зафиксирован лишь один релевантный пример:

- (26) *sura-s'ko-m no, tože og-kâk sutka voz'is'=*
 мешать-PRS-1PL ADD тоже один-два сутки
odig sutka kad' voz'-is'ko-m, šekarž'-e so.
 один сутки как держать-PRS-1PL становиться_сладким-PRS.3SG тот
 'После того как размещали, тоже один-два дня держим, ну одни сутки держим, сладким становится'
 [Корпус].

На материале элицитированных примеров мы рассмотрим допустимость показателя *kad'* в аппроксимативных КК, где присутствуют либо количественное числительное, либо единица измерения (далее также — ЕИ), либо оба этих элемента. Количественные числительные в сочетании с ЕИ образуют сложный квантификатор. ЕИ подразделяются на конвенциональные (ср. рус. *он прошел два километра*) и окказиональные (ср. рус. *это дерево высотой с двух человек*), см. детальное исследование таких конструкций в [Partee, Borschev 2012]. Существительные в КК, которые в данном контексте не обладают квантифицирующими свойствами, мы называем настоящим квантифицируемым. Пример КК со сложным квантификатором представлен в (27) и таблице 1.

- (27) *tatân vit' mešok / vit' kilo alma kâl'l'-e.*
 здесь.LOC пять мешок пять килограмм картошка лежать-PRS.3SG
 'Здесь лежит пять мешков / пять килограммов картошки'.

Таблица 1. Элементы КК на примере татышлинского удмуртского

(i) количественное числительное	(ii) ЕИ (конвенциональная / окказиональная)	(iii) настоящее квантифицируемое
сложный квантификатор		
<i>vit'</i> 'пять'	<i>kilo</i> 'килограмм' <i>mešok</i> 'мешок'	<i>alma</i> 'картошка'

В качестве маркера приблизительности в конструкциях с ЕИ *kad'* занимает позицию после квантификатора — *kün' stakan* 'три стакана' в (28а). Если в конструкции присутствуют и ЕИ (*stakan* 'стакан'), и числительное (*kün'* 'три'), то *kad'* не может разрывать элементы сложного квантификатора (28б). В (28в) изучаемый маркер не может занимать позицию после настоящего квантифицируемого (*šekar*³ 'сахар'). В случае если *kad'* занимает позицию после предиката, предложение (29) всегда имеет эпистемическую интерпретацию, однако не все носители допускают опущение предиката.

- (28) а. *ta miska-ân [kün' stakan] kad' šekar van'.*
 этот миска-LOC три стакан как сахар имеется
 'В этой миске примерно три стакана сахара'.

² В корпусе стандартного удмуртского (http://udmurt.web-corpora.net/udmurt_corpus/search; около 9,5 млн словоупотреблений) отсутствуют результаты по запросам сочетания *кадь* с такими ЕИ, как *километр*, *кило(грамм)*, *метр*, *грамм*. По результатам запроса «числительное + *кадь*» на расстоянии от 1 до 1 нашлось восемь примеров. Практически все вхождения по запросу «числительное + *кадь*» на расстоянии от 1 до 1 (300 из 325 контекстов) составляет коллокация *odig кадь*, не имеющая непосредственно количественного значения, а являющаяся устойчивым выражением 'один и тот же, одинаковый'.

³ В татышлинском говоре удмуртского языка употребляются как лексема *šekar*, так и лексема *saxar*. Однако в примерах мы выбрали вариант *šekar*, поскольку носители признают этот вариант более характерным для своего говора.

- б. **ta miska-ân [kûn' kad' stakan] šekar van'*.
 этот миска-ЛОС три как стакан сахар имеется
 Ожидаемое значение: 'В этой миске примерно три стакана сахара'.
- в. **ta miska-ân [kûn' stakan] šekar kad' van'*.
 этот миска-ЛОС три стакан сахар как имеется
 Ожидаемое значение: 'В этой миске примерно три стакана сахара'.

(29) *ta miska-ân [kûn' stakan] šekar [?](van') kad'*.
 этот миска-ЛОС три стакан сахар имеется как
 'В этой миске вроде три стакана сахара'.

В отношении линейного порядка *kad'* ведет себя таким же образом, как и специализированные маркеры приблизительности, например *mânda* в (30)—(31):

- (30) *ta miska-ân [kûn' stakan] mânda šekar*.
 этот миска-ЛОС три стакан APPR сахар
 'В этой миске примерно три стакана сахара'.
- (31) **ta miska-ân [kûn' stakan] šekar mânda / [kûn' mânda stakan] šekar*.
 этот миска-ЛОС три стакан сахар APPR три APPR стакан сахар
 Ожидаемое значение: 'В этой миске примерно три стакана сахара'.

Для большинства носителей дистрибуция маркера *kad'* в аппроксимативной функции ограничена контекстами с ЕИ. В контекстах, где ЕИ представлена названием контейнера, как *vedra* 'ведро' в (32а), *kad'* модифицирует не количество контейнеров, а содержимое (настоящее квантифицируемое). Пример, где аппроксимативный маркер относится именно к количеству контейнеров, оценивается носителями как менее приемлемый.

- (32) а. *minč'o-ân vit' vedra kad' vû van'*.
 баня-ЛОС пять ведро как вода имеется
 'В бане примерно пять ведер воды.
 {Вода находится в одной большой кадке, а не в пяти разных ведрах.}'
- б. *[?]vit' vedra kad' vaj-Ø=ej*.
 пять ведро как принести-IMP=PTCL
 'Принеси примерно пять ведер'.

Некоторые носители подчеркивают, что *kad'* привносит интерпретацию производимого на глаз измерения, без предварительного подсчета, например:

- (33) *ta kastr'ul'a-ân kûn' kruška kad' šekar lu-o-z, mon ôj merta*.
 этот кастрюля-ЛОС три кружка как сахар становится-FUT-3SG я NEG.PST.1SG измерять
 'В этой кастрюле где-то три кружки сахара, я не измеряла'.

Маркер *kad'* совместим и с конвенциональными ЕИ (часы, километры и т. д.), ср.:

- (34) *mi kâk sâgât kad' voz'ma-Ø-mâ*.
 мы два час как ждать-PST-1PL
 'Мы ждали примерно два часа'.
- (35) *rajda kâk kilometr kad' ortč'-i-z*.
 Райда два километр как пройти-PST-3SG
 'Райда прошла примерно два километра'.

В конструкциях с конвенциональными ЕИ настоящее квантифицируемое часто не выражается, в отличие от контекстов с окказиональными ЕИ. Тем не менее с конвенциональными ЕИ этот элемент конструкции также доступен для выражения, ср. (34)—(35) и (36)—(37).

- (36) *mi kâk sâgât kad' vakât voz'ma-Ø-mâ*.
 мы два час как время ждать-PST-1PL
 'Мы ждали примерно два часа [времени]'.
- (37) *rajda kâk kilometr kad' s'üres ortč'-i-z*.
 Райда два километр как дорога пройти-PST-3SG
 'Райда прошла примерно два километра [дороги]'.

Таким образом, в контекстах типа (32)—(33) и (36)—(37) в позиции стандарта сравнения находится сложный квантификатор, а в позиции объекта сравнения — настоящее квантифицируемое (последнее, соответственно, может быть элидировано, ср. (34)—(35)). Мы предполагаем, что в этом случае количественные характеристики настоящего квантифицируемого сопоставляются с эталонными количественными характеристиками, заданными квантификатором: например, в (36) стандартом сравнения является *kāk sāgāt* ‘два часа’, объектом сравнения — *vakāt* ‘время’. Эксплицитно выраженные количественные характеристики стандарта сравнения сопоставляются с характеристиками объекта сравнения. Свойства стандарта сравнения ограничивают выбор шкалы, по которой будет производиться сравнение, поскольку КК доступна только количественная шкала. Точно так же в конструкциях с окказиональными ЕИ производится сопоставление объема субстанции (настоящего квантифицируемого) с объемом контейнера / нескольких контейнеров, находящихся в позиции стандарта сравнения и выступающих в роли эталона. В то же время такое сравнение является неточным. Тогда аппроксимативная интерпретация маркера *kad'* может быть следствием прагматической неточности (с опорой на подход [Lasersohn 1999]), см. общий анализ для конструкций с *kad'* в разделе 4.1.

Следующий контекст — КК с числительными, но без ЕИ. Во-первых, в подобных контекстах маркер *kad'* грамматичен не для всех носителей (38а). Во-вторых, носители, для которых такое употребление маркера *kad'* оказалось грамматически приемлемым, расходятся в оценках грамматичности линейной позиции *kad'*: некоторые допускают позицию после квантификатора, тогда как другие — после настоящего квантифицируемого. В-третьих, носители, для которых употребление *kad'* в данной функции грамматично, отмечают, что оценка количества также производится без предварительного подсчета. В то же время специализированные показатели приблизительности в таких конструкциях возможны (38б—в).

- (38) а. [?]*kūno-je lākt-i-zā s'ū murt kad' / s'ū kad' murt.*
 гость-ILL приходить-PST-3PL сто человек как сто как человек
 ‘В гости пришло где-то сто человек’.
- б. *kūno-je lākt-i-zā s'ū mānda murt / s'ū ž'oros murt.*
 гость-ILL приходить-PST-3PL сто APPR человек сто APPR человек
 ‘В гости пришло где-то сто человек’.
- в. **kūno-je lākt-i-zā s'ū murt mānda / s'ū murt ž'oros.*
 гость-ILL приходить-PST-3PL сто человек APPR сто человек APPR
 ‘В гости пришло где-то сто человек’.

3.3. Конструкция *V-ono kad'*

В грамматических описаниях форма на *-ono* традиционно обозначается как причастие со значением долженствования (см. [ГСУЯ 1962: 264—266] о литературном и [Baidoullina 2003: 101] о татышлинском удмуртском). Однако наши полевые данные показывают, что в атрибутивной функции эта форма может интерпретироваться двояко, т. е. иметь значение необходимости (39а) или возможности (39б); подробнее о типах допустимых модальных значений см. [Мордашова 2023]. Предикативная позиция причастия при этом совместима только с семантикой необходимости (40).

- (39) а. *dāšet-is' bas't-ono kn'iga-les' n'im-ze vera-∅-z.*
 учить-PTCP.ACT братъ-DEB книга-GEN2 имя-ACC.POSS.3SG говорить-PST-3SG
 ‘Учитель сказал название книги, которую надо купить’.
- б. *mānam uks'o-je ožāt, ta odig gine bas't-ono kn'iga.*
 я.GEN деньги-POSS.1SG мало этот один только братъ-DEB книга
 ‘У меня мало денег, это единственная книга, которую я могу купить’.

- (40) *mon šukaje gorod-e mān-ono lū-o-∅.*
 я завтра город-ILL идти-DEB становиться-FUT-1SG
 ‘Завтра мне придется / *можно будет поехать в город’.

Сочетания формы на *-ono* с маркером *kad'* представляют особый интерес, поскольку именно в этих контекстах происходит разрешение семантической неоднозначности данной формы в пользу возможности (ср. (41а—б)), на что не содержится никаких указаний в грамматических описаниях. Находясь в предикативной позиции, конструкция с причастием на *-ono* и *kad'* при пациентивном субъекте (42) стабильно приобретает проспективную интерпретацию, в которой обозначенная глаголом ситуация воспринимается как очень близкая к осуществлению (под проспективом вслед за [Плунгян 2011: 286] понимается указание на подготовительную фазу ситуации). С агентивным субъектом проспективная интерпретация

невозможна, в части идиолектов допускается прочтение с семантикой динамической возможности, обусловленной свойствами внешнего мира (43).

- (41) а. *so-os van' s'i-ono daru-zes kušt-i-zâ.*
 тот-PL весь есть-DEB лекарство-ACC.POSS.3PL бросать-PST-3PL
 'Они выбросили все лекарства, которые должны были / ?можно принимать'.
- б. *so-os van' s'i-ono kad' daru-zes kušt-i-zâ.*
 тот-PL весь есть-DEB как лекарство-ACC.POSS.3PL бросать-PST-3PL
 'Они выбросили все лекарства, у которых еще не истек срок годности
 (= которые можно принимать)'.
- (42) *ta pispu-os pogra-no kad'-(es').*
 этот дерево-PL падать-DEB как-PL.ADJ
 'Эти деревья вот-вот упадут'.
- (43) *#kol'a lâkt-ono kad'.*
 Коля приходить-DEB как
 ?'Коля уже может прийти' {в силу определенных обстоятельств}.
 *'Коля вот-вот придет'.

Заметим, что в предикативной позиции *kad'* может демонстрировать согласование с субъектом и принимать показатель адъективного множественного числа (42), аналогично тому, как это происходит в СрК с именным стандартом (см. раздел 3.1). Это позволяет считать конструкцию с причастием на *-ono* и *kad'* в структурном отношении близкой к СрК со стандартом в предикативной позиции.

3.4. Маркер *kad'* в конструкциях с глаголами *karis'kânâ* и *potânâ*

В татышлинском говоре зафиксированы употребления *kad'* в конструкциях с глаголами *karis'kânâ* 'делаться' и *potânâ* 'выходить', характерных и для литературного языка. Конструкция вида V *kad'* + *karis'kânâ* 'делаться' имеет значение 'делать вид, что X' и является одним из способов кодирования значения притворства наряду с суффиксом *-mn'as'k* и конструкцией с глаголом *liënâ* 'быть, становиться' (см. подробнее [Мордашова и др., в печати]). Субъект в главной клаузе предпочтительно должен быть кореферентен субъекту в зависимой предикации, а наиболее приемлемая форма зависимого предиката — причастие на *-em*. Так, (44) с кореферентными субъектами разрешается всеми опрошенными носителями хотя бы с вариантом *užam*, а пример (45) с некорреферентными субъектами допустим не во всех идиолектах независимо от формы зависимого предиката.

- (44) *mon uža-m / ?uža-j-Ø kad' kar-is'k-i.*
 я работать-NMLZ/PTCP.PST работать-PST-1SG как делать-DETR-PST-2PL
 'Я сделал вид, что работал'.
- (45) *?mon ton durâs vera-m / ver-a-d kad' kar-is'k-is'ko-Ø.*
 я ты верный сказать-NMLZ/PTCP.PST сказать-PST-2SG как делать-DETR-PRS-1SG
 'Я делаю вид, что ты ответил правильно'.

Маркер *kad'* — обязательный элемент конструкции с глаголом *potânâ* 'выходить', имеющей значение 'казаться', в случае если зависимая часть выражена финитной клаузой:

- (46) *pet'a-lâ az'palan urom-jos-âz mân-o kad' pot-i-z.*
 Петя-DAT перед.LOC друг-PL-POSS.3SG идти-PRS.3SG как выйти-PST-3SG
 'Пете показалось, что впереди идут его друзья'.

В то же время если зависимое выражено именной предикацией, носители допускают конструкцию со схожим значением без *kad'* (47), хотя в корпусе также есть варианты, где *kad'* выражен (48):

- (47) *ta korka mânâm č'eber pot-e.*
 этот дом я.DAT красивый выходить-PRS.3SG
 'Этот дом кажется мне красивым'.
- (48) *dâšet-is'-jos so vaxât-ân <...> tuž kužmo-jes'-ges kad' pot-o val.*
 учить-PTCP.ACT-PL тот время-IN очень сильный-PL.ADJ-CMPR как выходить-PRS.3PL быть.PST
 'Учителя в это время... казались сильными' [Корпус].

3.5. Частица с ирреальным значением

В дополнение к уже перечисленным функциям *kad'*, как и в литературном удмуртском, способен выражать несобственно сравнительные значения, приближающиеся к модальным и эвиденциальным. Так, *kad'* может указывать на неполную уверенность говорящего в сообщаемой информации. В [Plungian 2010] для подобных употреблений вводится термин «эпистемическая дистанция», подразумевающий, что говорящий снимает с себя ответственность за истинность сказанного, т. к. не может выступить его гарантом. Например, в (49) говорящий склонен называть себя умным, однако не вполне уверен, что это высказывание соответствует общепринятому «стандарту интеллектуальности», а в (50) ощущения говорящего наводят его на мысль об улучшении физического состояния, которая, впрочем, может оказаться не совсем верной.

(49) *so viz'm-o kad'*.
он ум-ATTR как
'Он типа умный'.

(50) *pâd-e kal'en ves'ka-sa lâkt-e kad'*.
нога-POSS.1SG медленно успокаиваться-CVB приходить-PRS.3S как
{Так, терпимо.} 'Ноги потихоньку восстанавливаются' [Корпус].

Выступая в роли модальной частицы, *kad'* не имеет ограничений на сочетаемость, в отличие от контекстов СрК: в сферу его действия может попадать целая клауза, содержащая именную предикацию (49) или финитный глагол (50). Как правило, *kad'* в этом значении тяготеет к крайне правой позиции в предложении: из 10 употреблений в функции модальной частицы в татышлинском корпусе только в одном случае за *kad'* следует предложная группа:

(51) *hules no pogra-Ø kat' so-os vøl-e <...>*
лес ADD падать-PRS.3SG как он-PL верх-ILL
'Как будто и лес валится на них' [Корпус; Кельмаков 1978].

По всей видимости, модальные употребления *kad'* выводимы из исходно сравнительных: конструкции с частицей можно интерпретировать как монопредикативные с невыраженным объектом сравнения (ср. похожий подход к анализу рус. *как*, *будто* (*бы*) и других сравнительных слов в функции частиц в [Летучий 2017]). Косвенным подтверждением могут служить имеющиеся в татышлинском «симулятивные» конструкции, вводящие ирреальную ситуацию, на которую похожа другая, не названная в предложении ситуация, впрочем, легко выводимая из контекста, ср. (52) со значением '{ всё выглядит так, } будто...':

(52) *šor-a-zø pil'em d'žuzda val'-l'os no lëkt-o kad'*.
середина-LOC/ILL-POSS.3PL облако высотой_с лошадь-PL ADD приходить-PRS.3PL как
{«Черты всячески будут стараться мешать нам, уничтожить нас. Нам нужно быть очень бесстрашными. Тебя они всячески постараются обмануть, поэтому ничего не делай, не послушавшись меня. И правда, чем только не пугали они /их/.} 'Будто к ним скачут кони высотой до облаков' [Корпус; Кельмаков 1978].

Что касается эвиденциальной семантики, *kad'* может использоваться в функции квататива, т. е. указывать на передачу чужой речи (53) или мыслей самого говорящего (54). Подобные употребления в [Егорова 2018] удачно обозначаются термином «аппроксимативное цитирование»: маркеры такого типа подходят как для субъективной интерпретации чужих слов, так и для оформления внутренней речи, т. е. высказываний, ранее не звучавших в действительности.

(53) <...> *“sâše pe dama pe mân-e šl'apa-jen i velos'iped-en”, šü-e, s'erem kad'*.
такой QUOT дама QUOT идти-PRS.3SG шляпа-INS и велосипед-INS говорить-PRS.3SG смешной как
'{Смеяться начала:} «Такая дама едет в шляпе и на велосипеде», говорит, смешная' [Корпус].

(54) *og das urok gäne or'č'â-t-o. so tuž ôžjt kad' malpa-s'ko-Ø.*
один десять урок только пройти-CAUS-PRS.3PL тот очень мало как думать-PRS-1SG
'Уроков десять только проводят. Я думаю, этого очень мало. {Желательно, чтобы было больше практики.}' [там же].

Аналогичные употребления зафиксированы и в литературном удмуртском: в [Teptiuk 2019: 127—129] приводятся примеры использования маркера *kad'* при глаголах речи и мысли, в которых его основная функция определяется как указание на возможное несоответствие между исходным высказыванием и тем, что озвучивает говорящий. Дистанцируясь от продуцируемого дискурса, говорящий стремится

обезопасить себя от вероятных опровержений со стороны других участников речевого акта: ср. (55), где говорящий цитирует строчку из стихотворения известного удмуртского поэта, но с помощью *kad'* сигнализирует о том, что его цитата может не совпадать с оригинальным текстом.

(55) *taze odno gožty šu-i-z, kad': stydno za parnej, pi-os-len övöl koñdon-zy:*
 DEM.ACC один строка.ACC говорить-PST-3SG как мальчик-PL-GEN NEG деньги.3PL
nyl-jos-len vañ.
 девочка-PL-GEN имеется

‘В одной из строчек говорилось, типа: стыдно за парней, у парней нет денег, а у девушек есть’⁴ [ibid.: 128].

4. Обсуждение данных и семантический анализ *kad'*

4.1. Вводные замечания

В предыдущем разделе мы рассмотрели функции маркера *kad'* в татышлинском говоре удмуртского языка. Несмотря на сочетаемостные ограничения, как представляется, все контексты объединяет идея сравнения — не только с эксплицитно выраженными стандартами в случае СрК, КК и конструкции с причастием на *-ono*, но и с прагматически задаваемыми ситуациями, что соответствует употреблению *kad'* с глаголами *karis'kânâ* и *potânâ*, а также в функции ирреальной частицы. Мы предлагаем анализировать маркер *kad'* как оператор, вводящий сравнение с некоторым стандартом, который может быть как эксплицитно выражен, так и контекстно задан.

Если стандарт сравнения эксплицитно задан, то фактически речь идет о СрК, куда мы включаем также КК (выражающие сравнение по количественной шкале, см. подробнее раздел 3.2) и конструкции с причастием на *-ono*, структурно совпадающие с предикативными симилятивами (см. раздел 3.3). Конструкции в данной группе имеют больше морфосинтаксических ограничений на сочетаемость с *kad'* (в частности, запрет на финитные клаузы в группе стандарта).

Другая группа объединяет конструкции, в которых *kad'* не имеет ограничений на сочетаемость. При этом конструкции с глаголами *karis'kânâ* и *potânâ* можно рассматривать как переходный случай от СрК к свободному употреблению *kad'* как ирреальной частицы, т. к. матричные предикаты задают более явный сравнительный контекст: ‘делаться похожим на X’ в случае конструкции с *karis'kânâ* ‘делаться’ и ‘выходить похожим на X’ для конструкции с глаголом *potânâ*, имеющим первичное значение ‘выходить’⁵.

Сравнение с невыраженным стандартом соотносится с таким явлением, как неопределенные выражения, или хэджи (англ. *hedges*). Функция этих слов или выражений — представить вещи более или менее неясными [Lakoff 1973: 471]; выразить оценку избранной номинации или высказывания в целом как не вполне точных, подходящих или достоверных [Fleischman, Yaguello 2004]. В [Brown, Levinson 1987: 145] хэджи определяются как модифицирующие степень принадлежности предиката или именной группы к некоторому множеству в большую или меньшую степень истинности.

Последнее определение приводит к идее наличия у ряда выражений прагматически допустимого диапазона значений (*pragmatic halo*, в терминах [Lasersohn 1999]). Так, выражение *3 часа* значит не только непосредственно 3 часа 00 минут, но также включает временной диапазон, например от 2 часов 55 минут до 3 часов 5 минут. В этом случае выражение *Вася пришел в три часа* будет верным, если на самом деле Вася пришел в 2 часа 59 минут, т. к. это значение попадает в допустимый диапазон.

Различные выражения могут и сужать допустимые диапазоны, как, например, *точно в Вася пришел точно в три часа*, и, наоборот, расширять их. Функцию расширения прагматического «ореола» имеет маркер *sorta* в английском языке, согласно анализу в [Anderson 2013]:

(56) *He sorta swam over to the boat* [ibid.: 84].

‘Он типа подплыл к лодке’.

= ‘Он сделал что-то похожее на подплывание к лодке’⁶.

⁴ Глоссы и перевод адаптированы на русский язык нами.

⁵ Появление у глагола движения сравнительного значения — не уникальный для удмуртского языка случай, ср., например, употребления русского глагола *походить*:

(i) *С возрастом Ирина все больше походила на мать — и лицом, и характером* (Виктория Токарева. *Своя правда* // «Новый мир», 2002).

⁶ Заметим, что похожим образом ведут себя и русские маркеры *вроде* или *типа*, используемые в переводе (56). Функционирование единицы *типа* описано в [Сергеева 2010; Егорова 2018], однако нам неизвестны исследования о ее семантическом представлении.

В простом случае со скалярными прилагательными К. Андерсон рассматривает *sorta* как оператор, указывающий на то, что задаваемая с помощью него степень признака близка к некоторому стандарту. Пример (57) значит, что Билл обладает признаком 'быть высоким', и степень этого признака близка к росту прототипически высокого человека.

(57) *Bill is sorta tall* [ibid.: 83].

'Билл типа/вроде высокий'.

В отличие от скалярных предикатов, анализ сочетания хэджей типа *sorta* с неградуируемыми предикатами, как, например, (56), требует ввода некоторой прагматической шкалы. К. Андерсон, опираясь на исследование [Morzycki 2011], посвященное металингвистическим компаративам (*он скорее умный, чем красивый*), рассматривает прагматические диапазоны как множества альтернатив, упорядоченные в зависимости от близости к исходному значению в заданном контексте. В то же время в [Anderson 2013] нет детальных пояснений относительно того, каким образом происходит вычисление и упорядочивание альтернатив.

Отличие нашего подхода от подходов в [Morzycki 2011; Anderson 2013] состоит в том, что мы исходим от сопоставления эталонного и наблюдаемого событий. Предположим, что каждой ситуации можно сопоставить некоторый эталонный набор признаков, которые определяют и отличают данную ситуацию от других. Чем больше признаков из этого набора говорящий может наблюдать, тем точнее будет его дискурсивный выбор. Иными словами, мы рассматриваем прагматические диапазоны как множества признаков, релевантных для исходной ситуации в том или ином контексте (С).

Проанализируем пример (58). Ситуацию *быть умным* можно охарактеризовать следующим набором признаков⁷: иметь высшее образование, быть начитанным, уметь логически мыслить, иметь хорошую память, знать несколько иностранных языков и т. п. Множество, содержащее все перечисленные выше признаки, соответствует случаю, когда степень (не)точности дискурсивного выбора (*d*) равна единице. Чем меньше признаков применимы в конкретной ситуации, тем меньше значение степени и тем в общем случае больше у говорящего альтернативных способов описания ситуации. Мы оставляем для дальнейших исследований поиск точного механизма выбора говорящим того или иного способа описания ситуации, но предполагаем, что сравнение наблюдаемой ситуации с эталонной по некоторому набору признаков может быть основанием для неточного, но наиболее удачного в конкретной ситуации дискурсивного выбора.

(58) а. умный^{1;С} = {иметь высшее образование, быть начитанным, уметь логически мыслить, иметь хорошую память, знать несколько иностранных языков}

б. умный^{0,8;С} = {иметь высшее образование, уметь логически мыслить, иметь хорошую память, знать несколько иностранных языков}

в. умный^{0,6;С} = {иметь высшее образование, уметь логически мыслить, иметь хорошую память}

Таким образом, неопределенные выражения могут оперировать шкалой (не)точности, задаваемой через набор релевантных для ситуации признаков, и сравнивать текущий способ описания ситуации с представлением говорящего об уместности такого описания в заданном контексте. Данная шкала вводится при помощи специального оператора, функция которого — преобразование нестепенного предиката в степенной. Степень, которую вводит хэдж, должна быть близка к стандартной степени точности в этом контексте.

В следующем разделе мы проанализируем механизм функционирования татышлинского *kad'* в каждом из описанных ранее контекстов.

4.2. Семантика маркера *kad'* в татышлинском удмуртском

Маркер стандарта *kad'* в СрК сопоставляет две пропозиции и возвращает истинностное значение, если они совпадают по какому-то параметру — образу действия или признаку (59), причем признак может пониматься очень широко, ср., например, (60), где сопоставляется одинаковое происхождение двух человек.

(59) *pet'a vas'a kad' d'užât.*

Петя Вася как высокий

'Петя высокий, как Вася'.

= 'И Петя высокий, и Вася высокий'.

⁷ Здесь и далее мы приводим наборы признаков в качестве иллюстрации. Мы допускаем возможность варьирования признаков в зависимости от говорящего и оставляем вопрос о степени индивидуальных различий для дальнейших исследований.

- (60) *so pet'a kad' udmurt'i-is'*
 тот Петя как Удмуртия-EL
 ‘Он, как и Петя, из Удмуртии’.
 = ‘И он из Удмуртии, и Петя из Удмуртии’.

Принцип функционирования *kad'* в аппроксимативных КК не отличается от рассмотренных выше СрК, сопоставляющих объект и стандарт по неколичественному признаку. В аппроксимативных конструкциях (61) *kad'* вводит сравнение количественной характеристики настоящего квантифицируемого (*s'üres* ‘дорога’), выступающего в роли объекта сравнения, с количественной характеристикой сложного квантификатора (*das kilometr* ‘десять километров’), являющегося стандартом.

- (61) *mi das kilometr kad' s'üres ortč'-i-m.*
 мы десять километр как дорога пройти-PST-1PL
 ‘Мы прошли примерно десять километров’.
 = ‘Мы прошли дорогу (длиной) примерно равную десяти километрам’.

Мы анализируем конструкции *V-ono kad'* вместе со СрК и КК, т. к. структурно они схожи с предикативными симилятивами, см. раздел 3.3, а также ср. примеры (62)—(63). В (62) *kad'* вводит именной стандарт сравнения (‘цветок’), в результате чего высказывание получает базовое сравнительное значение — ‘и X, и Y имеют (внешние) признаки Z’. В (63) стандарт сравнения является причастием, в предикативной позиции изначально имеющим значение долженствования. Исходя из анализа семантики хэджей как операторов, расширяющих прагматически допустимый диапазон (см. раздел 4.1), можно считать, что *kad'* в данном случае вводит степень соответствия действительности заведомо меньше единицы. Это приводит к тому, что характеристика Васи в (63) допускает альтернативные описания, т. е. возможно существование таких миров, в которых Вася занимается деятельностью, отличной от работы⁸. Сочетание *kad'* и причастия, таким образом, интерпретируется как возможность: ‘похож на того, кто должен X’ = ‘может X’ (поскольку выражение ‘может X’ допускает наличие возможных миров, в которых X не является истинным, ср. трактовку модальных значений возможности и необходимости в [Kratzer 1981; von Stechow 2006]).

- (62) *so azves' s'äs'ka kad'.*
 тот серебряный цветок как
 ‘Она похожа на серебряный цветок’.
- (63) *vas'a uža-no kad'.*
 Вася работать-DEB как
 ‘Вася уже может работать’ {в силу возраста}.
 = ‘Вася похож на человека, который должен работать’.

Универсальность *kad'* в качестве маркера стандарта позволяет предположить, что во всех рассмотренных выше случаях данный маркер фактически сопоставляет объект и стандарт сравнения на предмет (не)точности выбранного описания для характеристики. Этот же механизм работы *kad'* переносится на примеры с не заданным специальным контекстом стандартом сравнения с тем различием, что для вычисления такого стандарта требуется дополнительная операция. Разберем такие контексты подробнее.

Рассмотрим пример (64). Маркер *kad'* сопоставляет поведение адресатов высказывания с поведением прототипически уставшего человека. Для успешной интерпретации высказывания требуется определить эталонное множество признаков, по которым говорящий мог бы охарактеризовать человека как уставшего: например, такой человек часто зевает, сонный, вялый, раздражительный, жалуется на головную боль и т. д. Говорящий может наблюдать ситуацию, в которой адресаты сообщения часто зевают, жалуются на головную боль и выглядят сонными, но в то же время достаточно активные и не раздражены. Говорящий делает выбор в пользу понятия *žad-em* (устать-PTCP.PST), несмотря на неточное совпадение признаков с эталонной ситуацией (65а), показывая это с помощью конструкции с маркером *kad'*, задающей более широкий прагматический диапазон допустимых значений.

- (64) *ti žad-em kad' kar-is'k-i-dâ.*
 вы устать-PTCP.PST как делать-DETR-PST-2PL
 ‘Вы сделали вид, что устали’.

⁸ Анализ модальных выражений в русле формальной семантики строится на понятии возможного мира как некоторого мыслимого положения дел, которое служит альтернативой нашему (действительному) миру (подробнее об использовании этого понятия в логике и философии см. [Lewis 1986; Perry 1998]).

- (65) а. устать^{1;C} = {часто зевать; быть сонным, быть вялым, быть раздражительным, жаловаться на головную боль}
 б. устать^{0,8;C} = {часто зевать; быть сонным, жаловаться на головную боль}

Схожим образом *kad'* функционирует в конструкции со значением 'казаться, что Р'. Пример (66) можно буквально интерпретировать как 'Для Пети выходит ситуация, близкая к ситуации, в которой впереди идут его друзья'. Маркер *kad'* указывает на то, что по каким-то признакам (например, одежде впереди идущих людей) наблюдаемая ситуация Р не совпадает с эталонной ситуацией Р' 'впереди идут Петины друзья', но тем не менее попадает в допустимую область значений и может быть описана с помощью выбранного выражения.

- (66) *az'palan pet'a-lâ urom-jos-âz mân-o kad' pot-i-z.*
 перед.ЛОС Петя-DAT друг-PL-POSS.3SG идти-PRS.3PL как выйти-PST-3SG
 'Пете показалось, что впереди идут его друзья'.

Наконец, идея расширения прагматического диапазона через сравнение с множеством совпадающих признаков применяется для анализа самостоятельного употребления *kad'* в качестве ирреальной частицы. Маркер *kad'* указывает на то, в какой степени выражение Р адекватно для описания того, что реально имеет место. В (67) точность выражения *so viz'mo* 'он умный' вычисляется через степень уместности выражения *viz'mo* 'умный' для характеристики участника с точки зрения говорящего. Если говорящему известно, что упомянутый участник имеет высшее образование, знает несколько иностранных языков, имеет хорошую память и умеет логически мыслить, но, к примеру, недостаточно много читает, то с некоторым допущением, словесно выражаемым с помощью неопределенного выражения *kad'*, говорящий делает выбор в пользу характеристики 'умный', т. к. количество остальных наблюдаемых признаков, совпадающих с эталонной ситуацией, довольно велико и попадает в прагматически допустимый диапазон для истинностного значения выражения 'быть умным'.

- (67) *so viz'm-o kad'.*
 он ум-ATTR как
 'Он типа умный'.

- (68) а. умный^{1;C} = {иметь высшее образование, быть начитанным, уметь логически мыслить, иметь хорошую память, знать несколько иностранных языков}
 б. умный^{0,8;C} = {иметь высшее образование, уметь логически мыслить, иметь хорошую память, знать несколько иностранных языков}

Таким образом, исходно широкое употребление *kad'* в качестве маркера стандарта в СрК и его взаимодействие со шкалой (не)точности соответствия стандарту сравнения закономерно расширяется на эпистемические контексты. Как и в случае специальных глагольных конструкций, в качестве стандарта выступает эталонная ситуация, с которой сравнивается наблюдаемая ситуация и возможность применения к ней выбранной номинации.

5. Типологические параллели

Маркер *kad'* в (татышлинском) удмуртском демонстрирует широкий набор переходных значений. В настоящем разделе мы рассмотрим контексты, которые доступны сравнительным маркерам в ряде других языков, а также обсудим данные удмуртского языка в типологической перспективе.

Второе издание справочника путей грамматикализации [Kuteva et al. 2019: 398—403] содержит следующие типологически распространенные модели развития сравнительных показателей:

- (69) а. выражение соответствия (accord) (*Как говорят ученые, Земля круглая*);
 б. комплементаризер (обычно при глаголах, описывающих восприятие и умственную деятельность, например *думать, видеть* и т. д.);
 в. квататив (маркер передачи чужой речи);
 г. показатель, образующий названия языков (ср. нем. *-isch* в адвербиалах, имеющих симилиативное значение, например *kind-isch* 'по-детски', и в названиях языков, образованных от названий национальностей, ср. *Portugies-isch* 'португальский язык');
 д. деонтическая необходимость;
 е. цель⁹;

⁹ Авторы приводят примеры переходов сравнительного показателя в целевой показатель через промежуточную ступень комплементаризера, хотя не отрицают возможного перехода в целевой показатель напрямую. Действительно,

ж. время (как маркер темпоральных клауз со значением мгновенного предшествования, ср. русские придаточные, вводимые союзом *как только*).

Примечательно, что Т. Кутева и соавторы не указывают сравнительные маркеры как источник аппроксимативных маркеров, в то время как эта модель полисемии оказывается довольно распространенной и встречается в языках разных семей — см. [Schourup 1983: 32; Plank 2004], а также приводимые далее в этом разделе примеры из уральских и тюркских языков.

Р. И. Яшина отмечает, что показатель *кодъ* в языке коми, ближайшем языке, родственном удмуртскому, употребляется в СрК и в качестве частицы с ирреальным значением:

(70) литературный коми

Пӧрысь жӧник кырныш кодъ...

старый жених ворон как

‘Старый жених как ворон...’ [Яшина 1963: 49].

(71) *Помнит-а кодъ. Вӧл-ис сэтшӧм керка.*

помнить-NPST.1SG как быть-PST.3SG такой дом

‘Как будто помню. Была такая изба’ [там же].

Интересно, что то же глагольное образование в (71) трактуется в [Цыпанов 2005: 251] как имеющее уменьшительное значение: «Припоминаю. Был такой дом». Вместе с тем Е. А. Цыпанов допускает в некоторых случаях наличие у глаголов с формантом *-кодъ*¹⁰ дополнительного оттенка неуверенности говорящего в сообщаемом высказывании, ср.:

(72) *Но морт-ыд повз-ис-кодъ.*

но человек-POSS.2SG испугаться-PST.3SG-как

‘Но человек немного вроде испугался’ [там же].

Формы прилагательных и наречий с формантом *-кодъ* также трактуются как имеющие «оттенок приблизительного указания» [Бубрих 1949: 190] (73). В. И. Лыткин отмечает, что в прилагательных с формантом *-кодъ* сохраняется оттенок сравнительного значения: *сьӧдкодъ* ‘близкий к черному, похоже, что черное’ [СКЯ 1955: 170].

(73) <...> *ол-ысь-яс ол-ис-ны... коньӧр-кодъ ол-ӧм-ӧн.*

жить-PTCP.ACT-PL жить-PST-3PL бедный-как жить-NMLZ-INS

‘{В подчиненной Персии государствах} жители жили... бедноватой жизнью’ [Бубрих 1949: 190].

Для ижемского диалекта коми языка отмечается, что маркер *койд* (диалектный вариант *кодъ*) употребляется в СрК, выражающих количественное сравнение по градулируемому параметру (например, размеру, как в (74)).

(74) коми-ижемский

Капуста-ыс вӧӧ йур койд

капуста-POSS.3SG лошадь голова как

‘Кочан капусты величиной с лошадиную голову’ [Сахарова, Сельков 1976: 111].

Несмотря на различия в трактовке глагольных образований с *-кодъ* в коми, можно утверждать, что данный показатель имеет модели перехода значений, схожие с моделями, зафиксированными для (та-тышлинского) удмуртского *кадь*. Подобный набор значений имеет и симилятивный маркер *-рах* в тундровом ненецком (< самодийские < уральские) (75). Пример (76) демонстрирует употребление данного показателя с глагольной формой в значении предположения. С. И. Буркова считает глагольный суффикс омонимичным сравнительному, отмечая при этом их общее происхождение [Буркова 2010: 286]; аналогичного мнения придерживается И. Николаева [Nikolaeva 2014: 101—102].

такие переходы зафиксированы в некоторых языках, при этом целевые клаузы сохраняют также компонент образа действия (ср. рус. *Я спрятался так, чтобы меня не нашли*) — см., например, [Сосенская 2001] о багвалинском (< нахско-дагестанские); [Беляев 2023] о джалганском татском (< иранские); [Бызова 2023] об осетинском (< иранские).

¹⁰ Цитируемые работы по коми языку указывают на раздельное написание *кодъ* в функции сравнительного послелога и на слитное написание с глаголами и прилагательными, см., например, [Бубрих 1949: 189—190].

(75) тундровый ненецкий
sāw^o-da numke-rāxa-q.
 глаз-PL.3SG звезда-SIM-3PL
 ‘Его глаза как звезды’ [Nikolaeva 2014: 59].

(76) *ня-хаю-ни то-рха-вэ-хэ-ню.*
 родственник-DU-POSS.1DU прийти-APPROX-EVMIR-SUBJ.3DU-CL
 ‘Наши родственники, кажется, приехали!’ [Буркова 2010: 255].

Эквативный маркер *-ška* в мокшанском (< финно-угорские < уральские)¹¹ употребляется в СрК с количественным параметром сравнения (77), а также развивает значение маркера приблизительности (78), см., в частности, [Сидорова 2018].

(77) мокшанский
dvor-sə kas-i-∅ kud-ška šuftə.
 двор-IN расти-NPST.3-SG дом-EQU дерево
 ‘Во дворе растет дерево высотой с дом’.

(78) *son luv-s'-∅ kolmə-ška kn'iga.*
 он читать-PST.3-SG три-EQU книга
 ‘Он прочитал книги три’.

Несмотря на то что сравнительные маркеры в уральских языках имеют схожие паттерны перехода значений, как представляется, один и тот же маркер не демонстрирует одновременного наличия эквативно-аппроксимативной полисемии и развития в сторону эпистемической частицы (как в случае удмуртского *kad'*). В то же время модели полисемии тюркских сравнительных маркеров похожи на набор значений, рассматриваемый нами на удмуртском материале.

Обратимся к примеру из якутского языка (< тюркские)¹² — показателю *курдук*, который может служить функционально близкой типологической параллелью удмуртскому *kad'*. В [Коркина и др. 1982: 428—430] якутские послелогии классифицированы по их функциям. Маркер *курдук* отнесен к категориям «послелогии, указывающие на приблизительность времени совершения действия» и «компаративные послелогии», между тем как его аппроксимативная функция в этой работе не отмечается. Сравнительная функция показателя *курдук* детально описана в [Васильев 1986], однако и здесь не сказано об его аппроксимативной функции.

Якутский маркер *курдук* используется в СрК равенства, вводя стандарт сравнения в симилятивной конструкции (79а) и в предикативной симилятивной конструкции (80). Помимо этого, группа стандарта с *курдук* также может употребляться в атрибутивной позиции к объекту сравнения (79б).

(79) якутский
 а. *Сайыына снеговиг-ы [[Айтал курдук] онгор-о-р].*
 С. снеговик-ACC А. как делать-NPST-3SG
 ‘Сайыына лепит снеговика так же, как Айтал’.
 б. *Сайыына [снеговиг-ы [Айтал курдук]] онгор-о-р.*
 С. снеговик-ACC А. как делать-NPST-3SG
 ‘Сайыына лепит снеговика, похожего на Айтала’.

(80) *Бу уол аҕа-тын курдук.*
 этот мальчик отец-GEN¹³ как
 ‘Этот мальчик похож на отца (например, чертами лица)’.

Основная функция *курдук* — выражение качественного сравнения, что показано в (79)—(80). В КК *курдук* функционирует как маркер приблизительности, сочетаясь как с КК, модифицированными единицами измерения (81а), так и с КК с количественными числительными без единиц измерения (81б).

¹¹ Данные получены в ходе опроса носителей в селах Лесное Цибаево и Лесное Ардашево Темниковского р-на Республики Мордовия в 2015—2017 гг.

¹² Материал собран с помощью анкетирования носителей в 2018—2019 гг. в Якутске.

¹³ В якутском языке посессор в ряде контекстов имеет форму номинатива, однако в некоторых случаях он присоединяет маркер *-(т)ын*, который считается реликтом генитива, см. [Коркина и др. 1982: 129]. В современном якутском языке продуктивный показатель генитива отсутствует.

(81) а. *Суол уһун-а сүүс километр курдук.*

дорога длина-POSS.3SG сто километр как
‘Длина дороги примерно сто километров’.

б. *Сүүс курдук киһи кэл-бит-тэр.*

сто как человек приходит-PTCP.PST/PST2-PL
‘Пришло примерно сто человек’.

Наконец, *курдук* употребляется в качестве частицы с эпистемическим значением, см., например:

(82) *Соторутаабыта ардах түс-пүт курдук.*

недавно дождь падать-PTCP.PST/PST2 как

‘Кажется, как будто бы недавно прошел дождь [говорящий не уверен]’.

Схожая многозначность наблюдается у сравнительного маркера *-дай/-лай*, встречающегося во многих тюркских языках. Например, в сравнительно-исторической грамматике тюркских языков отмечается участие данного суффикса в образовании приблизительных числительных — в башкирском, казахском, узбекском, киргизском языках [СИГТЯ 1988: 197].

Помимо значения приблизительности, этот сравнительный показатель также может придавать высказыванию значение предположения, ср. пример (83) из киргизского языка:

(83) киргизский

сүйлө-гөн-ү-нө кара-ган-да биз-дин киши-дей.

говорить-PTCP.PST-POSS.3-DAT смотреть-PTCP.PST-LOC мы-GEN человек-EQU

‘Судя по тому как говорит, вроде наш человек’ [Тойчиев 2020: 72].

Таким образом, для ряда сравнительных показателей характерны как значение количественной приблизительности, так и употребление в эпистемических контекстах. Удмуртский сравнительный маркер *kad'* не является уникальным в плане наличия у одного показателя и значения количественной приблизительности, и эпистемической модальности. Однако, как можно видеть из нашего краткого обзора, более широкая модель полисемии свойственна скорее тюркским языкам, а не уральским, к коим относится удмуртский.

Данные удмуртского языка в сопоставлении с тюркскими позволяют расширить набор типологически распространенных переходов значения сравнительных показателей из [Kuteva et al. 2019]. Мы оставляем подробный анализ путей грамматикализации сравнительных показателей в других языках для дальнейших исследований. В то же время отметим, что типологическая распространенность переходов сравнительных маркеров в показатели эпистемической модальности, квотативы, а также в показатели количественной приблизительности может говорить в пользу семантической закономерности механизма взаимодействия сравнительных показателей с прагматически допустимым диапазоном значения высказывания.

6. Заключение

В статье была рассмотрена модель полисемии сравнительного маркера *kad'* в татышлинском говоре удмуртского языка, а также предложен анализ, обобщающий все употребления данного показателя с точки зрения его сравнительного значения.

В татышлинском говоре *kad'* используется в контекстах, зафиксированных и для литературного удмуртского: СрК, частица с ирреальным значением, конструкции с глаголами *karis'kânâ* ‘делать вид’ и *potânâ* ‘выходить’ в значении ‘казаться’. Значение количественной приблизительности *kad'* кратко и без подробных иллюстраций упоминается в грамматическом описании татышлинского говора. В ходе полевых исследований эта функция *kad'* была подробно проанализирована в сравнении с функционированием других маркеров, употребляющихся исключительно в аппроксимативных КК. Также мы зафиксировали вариативность модального значения причастных форм на *-ono* в сочетании с *kad'*, что не отмечено в грамматиках. Известные нам источники не приводят подробного анализа значения маркера, хотя и отмечают наличие сравнительного компонента в описываемых контекстах.

Употребляясь в качестве маркера стандарта, *kad'* не имеет ограничений на семантический тип СрК. В общем случае его функция сводится к сопоставлению стандарта объекту сравнения и возвращению истинностного значения, если объект и стандарт обладают одинаковым свойством. Под свойством может пониматься как некоторый качественный признак, так и количественный, образ действия и т. д.

Сравнительная семантика маркера прослеживается во всех приведенных нами контекстах и лежит в основе обобщенного анализа *kad'*.

Мы рассматриваем *kad'* как оператор, вводящий сравнение с некоторым стандартом — заданным эксплицитно, если речь идет о СрК, КК и конструкциях с причастием на *-ono*, или вычисленным из контекста — при употреблении *kad'* в функции частицы с ирреальным значением и в конструкциях с глаголами *karis'kânâ* ‘делаться’ и *potânâ* ‘выходить’ (в значении ‘казаться’). Широкое сравнительное значение *kad'* и отсутствие эксплицитных скалярных интерпретаций эквативных конструкций позволяют предположить взаимодействие *kad'* во всех случаях со шкалой соответствия наблюдаемого события эталонному, в пользу которого говорящий делает дискурсивный выбор. Такая интерпретация маркера *kad'* сближает его с неопределенными выражениями — хэджами, расширяющими прагматически допустимый диапазон высказывания.

Помимо этого, были приведены параллели из нескольких языков, сравнительные маркеры в которых развивают схожий набор значений. Наши данные позволяют расширить набор типологически ожидаемых переходов сравнительных маркеров, описанных в [Kuteva et al. 2019], и добавить в этот список эквативно-аппроксимативную полисемию и эпистемическую модальность.

Сокращения

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо	INS — инструменталис
ACC — аккузатив	ITER — итератив
ATTR — атрибутивизатор	LOC — локатив
APPR — количественная приблизительность	NEG — отрицание
APPROX — аппроксимативное наклонение (кажущегося действия)	NMLZ — номинализация
CAUS — каузатив	NPST — непрошедшее время
CL — клитика	PL — множественное число
CMPR — компаратив	PL.ADJ — множественное число прилагательных
CVB — конверб	POSS — посессивность
DAT — датив	PROL — пролатив
DEB — дебитив	PRS — настоящее время
DEM — указательное местоимение	PST(2) — прошедшее время
DETR — детранзитив	PTCL — частица
DU — двойственное число	PTCP — причастие
EL — элатив	PTCP.ACT — активное причастие
EQU — экватив	QUOT — кватативная частица
EVMIR — эвиденциальный аффикс миратива	REFL — рефлексив
FUT — будущее время	SG — единственное число
GEN — генитив	SIM — симилиатив
ILL — иллатив	SUBJ — сослагательное наклонение
IMP — императив	* — неграмматичность
IN — инессив	= — речевой сбой
INF — инфинитив	? — меньшая приемлемость выражения
	# — интерпретация выражения, отличная от ожидаемой

Литература

Беляев 2023 — О. И. Беляев. Целевые конструкции образа действия в джалганском татском // Девятнадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 24—26 ноября 2022 г.). СПб.: ИЛИ РАН, 2023. С. 30—33.

Бубрих 1949 — Д. В. Бубрих. Грамматика литературного коми языка. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1949.

Буркова 2010 — С. И. Буркова. Краткий грамматический очерк восточных говоров тундрового диалекта ненецкого языка // Диалектологический словарь ненецкого языка / Сост. С. И. Буркова, Н. Б. Кошкарёва, Р. И. Лаптандр и др. Тюмень: БАСКО, 2010. С. 179—349.

Бызова 2023 — А. А. Бызова. Целевые подчинительные показатели *цэмаей* и *куыд* в осетинском языке: сфера употребления и особенности конструкций // Девятнадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 24—26 ноября 2022 г.). СПб.: ИЛИ РАН, 2023. С. 51—54.

Васильев 1986 — Ю. И. Васильев. Способы выражения сравнения в якутском языке. Новосибирск: Наука, 1986.

ГСУЯ 1962 — Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / П. Н. Перевоицков (отв. ред.). Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1962.

ГСУЯ 1970 — Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения / В. И. Алатырев (ред.). Ижевск: Удмуртия, 1970.

Егорова 2018 — М. А. Егорова. Дискурсивный маркер *типа* по данным национального корпуса русского языка: происхождение, семантика и прагматика // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2018» (Москва, 30 мая — 2 июня 2018 г.). Вып. 17 (24). М., 2018. С. 1—15.

Кельмаков 1978 — В. К. Кельмаков. Образцы удмуртской речи I: Татышлинский диалект // Fenno-Ugristica. Вып. 5: Грамматический строй уральских языков. Тарту, 1978. С. 101—122.

Коркина и др. 1982 — Е. И. Коркина, Е. И. Убрятова, Л. Н. Харитонов, Н. Е. Петров (ред). Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 1: Фонетика и морфология. М.: Наука, 1982.

Летучий 2017 — А. Б. Летучий. Сравнительные конструкции // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. II: Синтаксические конструкции и грамматические категории / Отв. ред. В. А. Плунгян, Н. М. Стойнова; ред. О. Е. Пекелис, Е. В. Рахилина, Е. Р. Добрушина. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 132—204.

Мордашова 2023 — Д. Д. Мордашова. Удмуртское причастие на *-оно* в зеркале типологии варьирующей модальной силы // Малые языки в большой лингвистике / Ред. И. А. Хомченкова. Вып. 5. М.: Буки Веди, 2023. С. 145—157.

Мордашова и др., в печати — Д. Д. Мордашова, Э. К. Кожевникова, Ю. В. Синицына. Способы выражения семантики притворства в татышлинском говоре удмуртского языка // Вопросы языкознания (в печати).

Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.

Сахарова, Сельков 1976 — М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1976.

Сергеева 2010 — Е. Н. Сергеева. *Тина* как эвиденциальный маркер в русской разговорной речи // Acta Linguistica Petropolitana. 2010. Вып. VI, № 3. С. 149—153.

СИГТЯ 1988 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1988.

Сидорова 2018 — М. А. Сидорова. Числительные // Элементы мокшанского языка в типологическом освещении / Отв. ред. С. Ю. Толдова, М. А. Холодилова; ред. С. Г. Татевосов, Е. В. Кашкин, А. А. Козлов, Л. С. Козлов, А. В. Кухто, М. Ю. Привизенцева, И. А. Стенин. М.: Буки Веди, 2018. С. 249—271.

СКЯ 1955 — Современный коми язык. Ч. 1: Фонетика. Лексика. Морфология / Ред. В. И. Лыткин. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1955.

Сосенская 2001 — Т. Б. Сосенская. Сравнительные конструкции // Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари / Ред.-сост. А. Е. Кибрик. М.: Наследие, 2001. С. 408—424.

Стрелкова 2013 — О. Б. Стрелкова. Имена числительные удмуртского языка. Монография. Ижевск: Удмуртский университет, 2013.

Тойчиев 2020 — М. Т. Тойчиев. Принципы актуализации модальности предположения. Дис. ... канд. филол. наук. Хорог, 2020.

Уткина 2022 — А. Ф. Уткина. Сложноподчиненные предложения с изъяснительными придаточными в современном удмуртском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2022.

Цыпанов 2005 — Е. А. Цыпанов. Грамматические категории глагола в коми языке. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2005.

Шутов 2002 — А. Ф. Шутов. Пути развития гипотактических отношений в удмуртском языке. Дис. ... докт. филол. наук. Ижевск, 2002.

Яшина 1963 — Р. И. Яшина. Сравнительные конструкции в удмуртском языке. Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1963.

Anderson 2013 — С. Anderson. Inherent and coerced gradability across categories: manipulating pragmatic halos with sorta // Proceedings of SALT. 2013, 23. P. 81—96.

Baidoullina 2003 — А. Baidoullina. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология. Магистерская диссертация. Tartu, 2003.

Brown, Levinson 1987 — P. Brown, S. C. Levinson. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: CUP, 1987.

Edygarova 2017 — S. Edygarova. The Udmurt essive and its functional counterparts // Uralic essive and the expression of impermanent state / C. de Groot (ed.). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2017. P. 309—323.

Fleischman, Yaguello 2004 — S. Fleischman, M. Yaguello. Discourse markers across languages. Evidence from English and French // Discourse across languages and cultures / C. L. Moder, A. Martinovic-Zic (eds.). Amsterdam; New York: John Benjamins Publishing Company, 2004. P. 129—147.

- Haspelmath, Buchholz 1998 — *M. Haspelmath, O. Buchholz*. Equative and similative constructions in the languages of Europe // *J. van der Auwera* (ed.). *Adverbial constructions in the languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 277—334.
- Haspelmath et al. 2017 — *M. Haspelmath and The Leipzig Equative Constructions Team*. Equative constructions in world-wide perspective: A crosslinguistic perspective // *Similative and Equative Constructions: A cross-linguistic perspective* / *Y. Treis, M. Vanhove* (eds.). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2017. P. 9—32.
- Henkelmann 2006 — *P. Henkelmann*. Constructions of equative comparison // *STUF — Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2006, 59 (4). P. 370—398.
- Kratzer 1981 — *A. Kratzer*. The notional category of modality // *Words, worlds, and contexts: New approaches in word semantics* / *H.-J. Eikmeyer, H. Rieser* (eds.). Berlin: Walter de Gruyter, 1981. P. 38—74.
- Kuteva et al. 2019 — *T. Kuteva, B. Heine, B. Hong, H. Long, H. Narrog, S. Rhee*. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: CUP, 2019.
- Lakoff 1973 — *G. Lakoff*. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // *Journal of Philosophical Logic*. 1973. Vol. 2, no. 4. P. 458—508.
- Lasersohn 1999 — *P. Lasersohn*. Pragmatic halos // *Language*. 1999, 75. P. 522—551.
- Lewis 1986 — *D. Lewis*. *On the plurality of worlds*. Oxford: Blackwell, 1986.
- Morzycki 2011 — *M. Morzycki*. Metalinguistic comparison in an alternative semantics for imprecision // *Natural language semantics*. 2011. Vol. 19, no. 1. P. 39—86.
- Nikolaeva 2014 — *I. Nikolaeva*. *A grammar of Tundra Nenets*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2014.
- Partee, Borschev 2012 — *B. Partee, V. Borschev*. *Dva stakana moloka*: Substances and containers in genitive of measure constructions in Russian // *Russian language and linguistic theory*. 2012, 2. P. 140—166.
- Perry 1998 — *J. R. Perry*. *Semantics, possible worlds* // *Routledge encyclopedia of philosophy* / Ed. by *E. Craig*. London: Routledge, 1998.
- Plank 2004 — *F. Plank*. How to disclaim precision about numbers. Leipzig numerals workshop, 29—30 March 2004 (handout).
- Plungian 2010 — *V. A. Plungian*. Types of verbal evidentiality marking: An overview // *Linguistic realization of evidentiality in European languages* / *G. Diewald, E. Smirnova* (eds.). Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2010. P. 15—58.
- Schourup 1983 — *L. C. Schourup*. *Common discourse particles in English conversation*. Ohio: The Ohio State University, 1983.
- Teptiuk 2019 — *D. Teptiuk*. *Quotative indexes in Finno-Ugric (Komi, Udmurt, Hungarian, Finnish and Estonian)*. PhD dissertation. Tartu University, 2019.
- Treis 2018 — *Y. Treis*. Comparative constructions: An introduction // *On the expression of comparison: Contributions to the typology of comparative constructions from lesser-known languages* / *Y. Treis, K. I. Wojtylak* (eds.). *Linguistic Discovery*, 16. Dartmouth College, Hanover, New Hampshire, USA, 2018. P. I—XXVI.
- Treis, Vanhove 2017 — *Similative and equative constructions: A cross-linguistic perspective* / *Y. Treis, M. Vanhove* (eds.). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2017.
- von Stechow, Heim 2011 — *K. von Stechow, I. Heim*. *Intensional semantics*. Unpublished lecture notes. Cambridge: MIT University Press, 2011.

References

- Anderson 2013 — *C. Anderson*. Inherent and coerced gradability across categories: manipulating pragmatic halos with sorta. In: *Proceedings of SALT*. 2013, 23. P. 81—96.
- Baidoullina 2003 — *A. Baidoullina*. *Tatyshlinskii govor udmurtskogo yazyka: fonetika i morfologiya*. University of Tartu, 2003. {*A. Baidoullina*. *Tatyshly Udmurt: phonetics and morphology*. University of Tartu, 2003.}
- Belyaev 2023 — *O. I. Belyaev*. Tselevye konstruksii obraza deistviya v dzhalganskom tatskom. In: *Devyatnadsataya konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelei. Tezisy dokladov* (Sankt-Peterburg, 24—26 noyabrya 2022 g.). Sankt-Peterburg: ILI RAN, 2023. S. 30—33. {*O. I. Belyaev*. Purpose clauses with manner semantics in Dzhalgan Tat. In: *The 19th conference on typology and grammar for young scholars. Abstracts* (Saint Petersburg, November 24—26, 2022). Saint Petersburg: ILI RAN, 2023. P. 30—33.}
- Brown, Levinson 1987 — *P. Brown, S. C. Levinson*. *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge: CUP, 1987.
- Bubrikh 1949 — *D. V. Bubrikh*. *Grammatika literaturnogo komi yazyka*. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1949. {*D. V. Bubrikh*. *A grammar of standard Komi*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1949.}
- Burkova 2010 — *S. I. Burkova*. *Kratkii grammaticheskii ocherk vostochnykh govorov tundrovogo dialekta nenetskogo yazyka*. In: *S. I. Burkova, N. B. Koshkareva, R. I. Laptander i dr. (sost.)*. *Dialektologicheskii slovar' nenetskogo yazyka*.

Tyumen': BASKO, 2010. S. 179—349. {S. I. Burkova. A short grammatical sketch of the eastern subdialects of Tundra Nenets. In: S. I. Burkova, N. B. Koshkareva, R. I. Laptander et al. (comp.). A dialect dictionary of Nenets. Tyumen: BASKO, 2010. P. 179—349.}

Byzova 2023 — A. A. Byzova. Tselevye podchinitel'nye pokazateli *tsæmæi* i *kuyd* v osetinskom yazyke: sfera upotrebleniya i osobennosti konstruksii. In: Devyatnadsataya konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelei. Tezisy dokladov (Sankt-Peterburg, 24—26 noyabrya 2022 g.). Sankt-Peterburg: ILI RAN, 2023. S. 51—54. {A. A. Byzova. Purpose subordinators *sæmæj* and *kʷəd* in Ossetic: uses and construction peculiarities. In: The 19th conference on typology and grammar for young scholars. Abstracts (Saint Petersburg, November 24—26, 2022). Saint Petersburg: ILI RAN, 2023. P. 51—54.}

Edygarova 2017 — S. Edygarova. The Udmurt essive and its functional counterparts. In: Uralic essive and the expression of impermanent state / C. de Groot (ed.). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2017. P. 309—323.

Egorova 2018 — M. A. Egorova. Diskursivnyi marker *tipa* po dannym natsional'nogo korpusa russkogo yazyka: proiskhozhdenie, semantika i pragmatika. In: Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog 2018" (Moskva, 30 maya — 2 iyunya 2018 g.). Vyp. 17 (24). Moscow, 2018. S. 1—15. {M. A. Egorova. A discourse marker *tipa* in the Russian National Corpus: etymology, semantics and pragmatics. In: Computer linguistics and intellectual technologies: proceedings of the "Dialogue 2018" international conference (Moscow, May 30 — June 2, 2018). Issue 17 (24). Moscow, 2018. P. 1—15.}

Fleischman, Yaguello 2004 — S. Fleischman, M. Yaguello. Discourse markers across languages. Evidence from English and French. In: Discourse across languages and cultures / C. L. Moder, A. Martinovic-Zic (eds.). Amsterdam, New York: John Benjamins Publishing Company, 2004. P. 129—147.

GSUYa 1962 — Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka: Fonetika i morfologiya / P. N. Perevoshchikov (otv. red.). Izhevsk: Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. {A grammar of modern Udmurt: Phonetics and morphology / P. N. Perevoshchikov (ed.). Izhevsk: Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962.}

GSUYa 1970 — Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka. Sintaksis prostogo predlozheniya / V. I. Alatyrev (red.). Izhevsk: Udmurtiya, 1970. {A grammar of modern Udmurt. Simple clause syntax / V. I. Alatyrev (ed.). Izhevsk: Udmurtiya, 1970.}

Haspelmath, Buchholz 1998 — M. Haspelmath, O. Buchholz. Equative and similative constructions in the languages of Europe. In: J. van der Auwera (ed.). Adverbial constructions in the languages of Europe. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 277—334.

Haspelmath et al. 2017 — M. Haspelmath and The Leipzig Equative Constructions Team. Equative constructions in world-wide perspective: A crosslinguistic perspective. In: Similative and Equative Constructions: A cross-linguistic perspective / Y. Treis, M. Vanhove (eds.). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2017. P. 9—32.

Henkelmann 2006 — P. Henkelmann. Constructions of equative comparison. In: STUF-Sprachtypologie und Universalienforschung. 2006, 59 (4). P. 370—398.

Kel'makov 1978 — V. K. Kel'makov. Obratzы udmurtskoi rechi I: Tatyshlinskii dialekt. In: Fenno-Ugristica. Vyp. 5: Grammaticheskii stroi ural'skikh yazykov. Tartu, 1978. S. 101—122. {V. K. Kel'makov. Udmurt speech records I: Tatyshly dialect. In: Fenno-Ugristica. Issue 5: Grammar structure of Uralic languages. Tartu, 1978. P. 101—122.}

Korkina i dr. 1982 — E. I. Korkina, E. I. Ubryatova, L. N. Kharitonov, N. E. Petrov (red.). Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka. T. 1: Fonetika i morfologiya. Moskva: Nauka, 1982. {E. I. Korkina, E. I. Ubryatova, L. N. Kharitonov, N. E. Petrov (eds.). A grammar of modern standard Yakut. Vol. 1: Phonetics and morphology. Moscow: Nauka, 1982.}

Kratzer 1981 — A. Kratzer. The notional category of modality. In: H.-J. Eikmeyer, H. Rieser (eds.). Words, worlds, and contexts: New approaches in word semantics. Berlin: Walter de Gruyter, 1981. P. 38—74.

Kuteva et al. 2019 — T. Kuteva, B. Heine, B. Hong, H. Long, H. Narrog, S. Rhee. World lexicon of grammaticalization. Cambridge: CUP, 2019.

Lakoff 1973 — G. Lakoff. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. In: Journal of philosophical Logic. 1973. Vol. 2, no. 4. P. 458—508.

Lasersohn 1999 — P. Lasersohn. Pragmatic halos. In: Language. 1999, 75. P. 522—551.

Letuchiy 2017 — A. B. Letuchiy. Sravnitel'nye konstruksii. In: Materialy k korpusnoi grammatike russkogo yazyka. Vyp. II: Sintaksicheskie konstruksii i grammaticheskie kategorii / Otv. red. V. A. Plungyan, N. M. Stoinova; red. O. E. Pekelis, E. V. Rakhilina, E. R. Dobrushina. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2017. S. 132—204. {A. B. Letuchiy. Comparative constructions. In: V. A. Plungyan, N. M. Stojnova (eds.-in-chief), O. E. Pekelis, E. V. Rakhilina, E. R. Dobrushina (eds.). Materials for a corpus grammar of the Russian language. Issue II: Syntactic constructions and grammar categories. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017. P. 132—204.}

Lewis 1986 — D. Lewis. On the plurality of worlds. Oxford: Blackwell, 1986.

Mordashova 2023 — D. D. Mordashova. Udmurtskoe prichastie na *-ono* v zerkale tipologii var'iruyushchei modal'noi sil'y. In: Malye yazyki v bol'shoi lingvistike. Vyp. 5 / Red. I. A. Khomchenkova. Moskva: Buki Vedi, 2023. S. 145—157.

{D. D. Mordashova. Udmurt *-ono* participle in the light of variable modal force typology. In: I. A. Khomchenkova (ed.). *Minority languages in a large linguistics. Issue 5*. Moscow: Buki Vedi, 2023. P. 145—157.}

Mordashova i dr., v pechati — D. D. Mordashova, E. K. Kozhevnikova, Yu. V. Sinitsyna. Sposoby vyrazheniya semantiki pritivorstva v tatyshlinskom govore udmurtskogo yazyka. In: *Voprosy yazykoznaniiya (v pechati)*. {D. D. Mordashova, E. K. Kozhevnikova, Yu. V. Sinitsyna. Constructions with simulative semantics in Tatyshly Udmurt. In: *Voprosy Jazykoznaniiya*, in press.}

Morzycki 2011 — M. Morzycki. Metalinguistic comparison in an alternative semantics for imprecision. In: *Natural language semantics*. 2011. Vol. 19, no. 1. P. 39—86.

Nikolaeva 2014 — I. Nikolaeva. *A grammar of Tundra Nenets*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2014.

Partee, Borschev 2012 — B. Partee, V. Borschev. *Dva stakana moloka: Substances and containers in genitive of measure constructions in Russian*. In: *Russian Language and Linguistic Theory*. 2012, 2. P. 140—166.

Perry 1998 — J. R. Perry. Semantics, possible worlds. In: E. Craig (ed.). *Routledge encyclopedia of philosophy*. London: Routledge, 1998.

Plank 2004 — F. Plank. How to disclaim precision about numbers. Leipzig Numerals Workshop, 29—30 March 2004 (handout).

Plungian 2010 — V. A. Plungian. Types of verbal evidentiality marking: An overview. In: G. Diewald, E. Smirnova (eds.). *Linguistic realization of evidentiality in European languages*. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2010. P. 15—58.

Plungian 2011 — V. A. Plungian. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira*. Moskva: RGGU, 2011. {V. A. Plungian. Introduction to the grammatical semantics: grammatical meanings and grammar systems of the languages in the world. Moscow: RGGU, 2011.}

Sakharova, Sel'kov 1976 — M. A. Sakharova, N. N. Sel'kov. *Izhemskii dialekt komi yazyka*. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1976. {M. A. Sakharova, N. N. Sel'kov. *Izhem dialect of the Komi language*. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1976.}

Schourup 1983 — L. C. Schourup. *Common discourse particles in English conversation*. Ohio: The Ohio State University, 1983.

Sergeeva 2010 — E. N. Sergeeva. *Tipa kak evidentsial'nyi marker v russkoi razgovornoj rechi*. In: *Acta Linguistica Petropolitana*. 2010. Vyp. VI, № 3. S. 149—153. {E. N. Sergeeva. *Tipa as an evidential marker in Russian oral speech*. In: *Acta Linguistica Petropolitana*. 2010. Issue VI, no. 3. P. 149—153.}

Shutov 2002 — A. F. Shutov. *Puti razvitiya gipotakticheskikh otnoshenii v udmurtskom yazyke*. Dis. ... dokt. filol. nauk. Izhevsk, 2002. {A. F. Shutov. *Ways of developing hypotactic relations in the Udmurt language*. PhD thesis. Izevsk, 2002.}

Sidorova 2018 — M. A. Sidorova. *Chislitel'nye*. In: *Elementy mokshanskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii / Otv. red. S. Yu. Toldova, M. A. Kholodilova; red. S. G. Tatevosov, E. V. Kashkin, A. A. Kozlov, L. S. Kozlov, A. V. Kukhto, M. Yu. Privizentseva, I. A. Stenin*. Moskva: Buki Vedi, 2018. S. 249—271. {M. A. Sidorova. Numerals. In: S. Yu. Toldova, M. A. Kholodilova (eds.-in-chief); S. G. Tatevosov, E. V. Kashkin, A. A. Kozlov, L. S. Kozlov, A. V. Kukhto, M. Yu. Privizentseva, I. A. Stenin (eds.). *Elements of the Moksha language in a typological perspective*. Moscow: Buki Vedi, 2018. P. 249—271.}

SIGTYa 1988 — *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Morfologiya / Otv. red. E. R. Tenishev*. Moskva: Nauka, 1988. {E. R. Tenishev (ed.). *Comparative grammar of Turkic languages. Morphology*. Moscow: Nauka, 1988.}

SKYa 1955 — *Sovremenniy komi yazyk. Chast' 1: Fonetika. Leksika. Morfologiya / Red. V. I. Lytkin*. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1955. {V. I. Lytkin (ed.). *Modern Komi. Part 1: Phonetics. Lexicon. Morphology*. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1955.}

Sosenskaya 2001 — T. B. Sosenskaya. *Sravnitel'nye konstruksii*. In: *Bagvalinskii yazyk. Grammatika. Teksty. Slovarei / Red.-sost. A. E. Kibrik*. Moskva: Nasledie, 2001. S. 408—424. {T. B. Sosenskaya. *Comparative constructions*. In: A. E. Kibrik (ed.). *Bagvalal language. Grammar. Texts. Dictionaries*. Moscow: Nasledie, 2001. P. 408—424.}

Strelkova 2013 — O. B. Strelkova. *Imena chislitel'nye udmurtskogo yazyka*. Izhevsk: Udmurtskii universitet, 2013. {O. B. Strelkova. *Numerals in Udmurt*. Izhevsk: Udmurtskii universitet, 2013.}

Teptiuk 2019 — D. Teptiuk. *Quotative indexes in Finno-Ugric (Komi, Udmurt, Hungarian, Finnish and Estonian)*. PhD dissertation. Tartu University, 2019.

Toichiev 2020 — M. T. Toichiev. *Printsipy aktualizatsii modal'nosti predpolozheniya*. Dis. ... kand. filol. nauk. Khorog, 2020. {M. T. Toichiev. *Principles of actualization of the modality of the assumption*. PhD thesis. Khorog, 2020.}

Treis 2018 — Y. Treis. *Comparative constructions: An introduction*. In: Y. Treis, K. I. Wojtylak (eds.). *On the expression of comparison: Contributions to the typology of comparative constructions from lesser-known languages*. Linguistic Discovery, 16. Dartmouth College, Hanover, New Hampshire, USA, 2018. P. I—XXVI.

Treis, Vanhove 2017 — Y. Treis, M. Vanhove (eds.). *Simulative and equative constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2017.

Tsypanov 2005 — E. A. Tsypanov. Grammaticheskie kategorii glagola v komi yazyke. Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN, 2005. {E. A. Tsypanov. Grammar categories of the verb in Komi. Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN, 2005.}

Utkina 2022 — A. F. Utkina. Slozhnopodchinennye predlozheniya s iz"yasnitel'nymi pridatochnymi v sovremennom udmurtskom yazyke. Dis. ... kand. filol. nauk. Izhevsk, 2022. {A. F. Utkina. Complex subordinate sentences in modern Udmurt. PhD thesis. Izhevsk, 2022.}

Vasil'ev 1986 — Yu. I. Vasil'ev. Sposoby vyrazheniya sravneniya v yakutskom yazyke. Novosibirsk: Nauka, 1986. {Yu. I. Vasil'ev. Ways of expressing comparison in Yakut. Novosibirsk: Nauka, 1986.}

von Fintel, Heim 2011 — K. von Fintel, I. Heim. Intensional semantics. Unpublished lecture notes. Cambridge: MIT University Press, 2011.

Yashina 1963 — R. I. Yashina. Sravnitel'nye konstruksii v udmurtskom yazyke. Izhevsk: Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. {R. I. Yashina. Comparative constructions in Udmurt. Izhevsk: Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963.}

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков журнала (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or `spacing` for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use 'single quotes' for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — Э. А. Грунина. Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — J. Janhunen. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. И. С. Гурвич. М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. F. Lessing. Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — Г. Дёрфер. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — F. Kiefer, B. Gyuris. Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. F. Kiefer. Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — I. Nikolaeva. Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. J. Fernandez-Vest. Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — В. М. Иллич-Свитыч. Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — L. V. Clark. Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — G. Doerfer. Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — E. Helimski. База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Учредители
А. В. Дыбо, Ю. В. Норманская

Редактор
М. Л. Максимова

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков
jurnaluraltai@mail.ru

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Дата выхода номера
28.12.2024

Founded by
Anna V. Dybo, Yu. V. Normanskaya

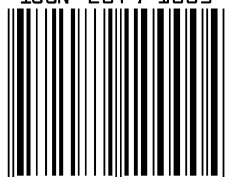
Editor
Maria Maksimova

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages
jurnaluraltai@mail.ru

Phone
+7 (495) 691-63-06

Publication date
28.12.2024

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >